Эдуард

Лимонов

Знаменитые украинцы

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эдуард Лимонов – русский писатель, публицист, политический деятель, основатель и председатель запрещенной в России Национал-большевистской партии (НБП), председатель одноименных партии и коалиции «Другая Россия», организатор и постоянный участник гражданских акций протеста… Всех ипостасей этого человека не перечесть. Он родился в России в 1943 году, но долгое время жил на Украине, в Харькове. Об этом городе он писал во многих своих произведениях. В 1974 году Лимонов эмигрировал в США, потом переехал во Францию. И везде, где бы ни жил, Лимонов занимался двумя вещами – литературой и политикой. Его книги изданы на многих языках. Он и сегодня активно печатается и принимает не менее активное участие в политической жизни России.

- М. Загребельный
  - Предисловие от автора
  - Дзержинск. Харьков. Москва. Рождение поэта. 22.02.1943–30.09.1967
  - Москва. Запад. Неофициальное искусство. «Мы – национальный герой». 30.09.1967–30.09.1974
  - Запад. Соединенные Штаты. Знакомство с одномерным человеком. Париж. 30.09.1974–1980
  - Париж. Москва. «Дисциплинарный санаторий». Шиздом. 1980–1991
  - Москва. Алтай. Арест. 1991 – апрель 2001
  - Алтай. «Лефортово». Саратов. Энгельс. «Торжество метафизики». 2001–2003
  - Свобода. Седой Ересиарх. 2003–2012
  - Баланс

М. Загребельный
Эдуард Лимонов

Предисловие от автора

За что классик современной литературы Эдуард Вениаминович Савенко (Лимонов) восемь лет был невъездным в Украину и даже не смог в родном Харькове проводить в последний путь отца? За убеждения? За то, что несколько его ребят-однопартийцев 24 августа 1999 года на два часа мирно захватили башню Клуба моряков в Севастополе? Или мы имеем дело с такими близкими и родными обычаями мещанской нетерпимости к таланту?

– Лимонов? Лимонов – необычайно любопытное существо с талантом, проявляющимся на уровне нейрофизиологии; его исключительный ум подсказывает ему кратчайший путь к достижению лучшего результата в самых разных областях деятельности; он всегда выбирает лучший эпитет, лучший глагол, лучший способ жизнестроительства; думаю, интересно изучить его органы высшей нервной деятельности – как Ленина, Павлова, Уэллса. Если б я был дипломированным сотрудником Института мозга и имел возможность считывать данные непосредственно из головы, как из Джона Малковича, то взялся бы исследовать биографию этого мозга без малейших колебаний. Никакой другой способ писать сейчас книжку о жизни Лимонова не кажется мне правильным. Дело еще в том, что про Лимонова пока что невозможно создать объективную книгу так, чтобы эта «правда о Лимонове» не была использована против него спецслужбами; меньше всего мне хотелось бы, чтобы этому человеку как-то повредила моя про него книга; я думаю, что дело, которое он делает, он делает, как всегда, очень хорошо, – ответил писателю и журналисту Захару Прилепину литературный критик и писатель Лев Данилкин на вопрос, почему не взялся за книгу о писателе.

О том, что одно-единственное упоминание о намерениях издать биографию Эдуарда Лимонова непременно вызовет неприятие и нападки, я убедился раньше, чем ожидал. В первых же отзывах посетителей всемирной сети в адрес харьковского издательства «Фолио» прозвучало оскорбление, а мою скромную персону отождествили с неким несостоявшимся филологом, который давно проживает в Канаде. Воистину справедлив харьковский Одиссей: «Интернет – гигантский мусорный ящик с отбросами человеческой глупости и чепухи. Особенно форумы – дурь человеческая в них видна как нигде».

Впервые книги Лимонова я прочел в начале девяностых в

Киеве. С тех пор пополняю библиотеку его новинками, с интересом и сопереживанием наблюдаю за выступлениями и политической деятельностью. С грустью почитываю тех его критиков, противников, хулителей, которые порой не знают, как бы побольнее пройтись по отдельным эпизодам творчества или жизни писателя. Не по нраву книги – ради бога, обратим взор к другим авторам. А уж о личном спекулировать – значит элементарно демонстрировать низость нравственных устоев тех, кто самоутверждается подобным образом. Лимонов привык, что всю сознательную жизнь его обсуждают, комментируют.

– Со злобой, ревностью, с насмешкой, с ненавистью. Лишь иногда дружелюбно, – говорит он по этому поводу.

Счастливые встречи, случайности, Провидение подтолкнули Эдуарда Лимонова к странствиям. Если бы он в свои двадцать четыре не отважился покинуть Харьков, обосноваться и выжить в Москве, стартонуть за бугор, в семидесятые скорее всего его постигла бы драматическая участь многих украинских мыслителей. Но Москва, хотя и бьет с носка, но позволяла порой своим инакомыслящим уезжать. Спасибо израильской визе. И силе воли.

Бывший сотрудник КГБ рассказал в девяностых дочери Александра Галича о масштабе репрессий начала семидесятых против инакомыслящих:

– В те годы раскалывались все. Есть только двое, которые не раскололись: ваш отец и еще один сумасшедший.

– Как же его имя?

– Лимонов.

Что упустили в Москве и УССР, сначала «надолужила» независимая Украина. Прокуратура уже в 1996 году начала «шить дело», в 1999 году на восемь лет запретили въезд в страну. А российские ученики Малюты Скуратова лишили писателя свободы с 7 апреля 2001 по 30 июня 2003 года. Застенки и угроза огромного срока его не запугали.

– Тебе жить, – говорил узнику совести один очень серьезный заключенный в Саратовском централе. – Он ударял на «тебе». – Каждый выбирает свою судьбу, и потом нечего пенять на последствия своих поступков.

Когда наконец Эдуард Лимонов приехал к матери, он ужаснулся. Из одиннадцати мальчишек его класса в живых после шестидесяти осталось лишь трое.

Энциклопедист и автор без малого полусотни книг, которые изданы во всем мире на десятках языков, не озлобился на

минувшее. Он воспевает великую эпоху. Не зазнался – что поучительно для современников. Стоит очередному постсоветскому дарованию лицезреть свои вымученные тексты где-нибудь хоть на фарси, как сразу раздаются истошные вопли. А если в какой-нибудь заштатный среднеевропейский городишко пригласят и оплатят постой с проездом – «ховайся». Пустили Дуньку в Европу, вот, мол, мы какие. Невдомек бедолагам, что еще со времен развала за ненадобностью колониальных империй в бюджеты государств Запада закладывают подачки для слаборазвитых и изгоев. После 1991 года и нас причислили к данной касте.

Предназначение литературы, самоценного слова – возвышать нас над серыми буднями с их безжалостной размеренностью и вечными поисками места под солнцем. Книга подобна машине времени. Окно в мир, где человек мысленно вырывается из оков общественных предрассудков и ненадолго прекращает свое унизительное существование в качестве винтика государственного механизма, звена в цепи предсказуемой жизни.

Создавать, выстраивать свои произведения изящной словесности и обществоведения Эдуарду Лимонову довелось в условиях божественной комедии расцвета и заката СССР, эпохи развенчания мифов о всесилии невидимой руки капиталистического мироустройства, хаоса и позорных годов русофобии и низкопоклонства перед западными буржуа, которые воцарились в России и Украине после Беловежской Пущи. Его книги – летопись загнивания западного общества потребления, разрушения международного порядка, который изобрели товарищ Сталин и господа англо-американские империалисты по итогам 1945 года. Его политические сражения достойны пера Сервантеса. Его лирика в прозе и поэзии задела меня за живое, поэтому я и решился рискнуть сочинить эту книгу.

Конформиста писатель презирает. Сказать, что ненавидит, будет искажением истины. Ненависть – это слишком сильное чувство. Он не переносит приспособленцев. Высмеивает всегда чопорно испуганного буржуа. Он человек искусства. Обличает демократию за ее посредственность. И не молчит. Сегодня подняли голову фашизм и антисемитизм, шовинисты правят бал в больших и малых странах, но множество наших земляков – инженеров человеческих душ, предпочитают строить из себя великих царедворцев либо, что порой еще комичнее, политкорректных звезд книжного рынка.

Я родился в семье писателя и с молоком матери впитал букет мироощущений, без которого не мыслит себя литературная среда. От восторгов и слез из-за одной-двух строк до убийственной

зависти и холодного расчета в алчном добывании славы и благ. Лично знаком с сотнями литераторов, многих уже нет с нами. Замечал, как часто живой автор и его творения имеют мало общего между собой. Бывало наоборот – строки до боли правдиво отражали образ мыслей и жизни их творца. Мне представляется, что творчество, политическая, жизненная линия Эдуарда Лимонова характерны именно для отечественной, русской и украинской литературы, где столетиями книга и государство, поэт и самодержец неразделимы и непостигаемы в отрыве друг от друга.

Эдуард Лимонов – зеркало упадка СССР и рождения на его развалинах непонятного общественного образования. Ученые оперируют определением «транзитивный, переходный строй». Транзит привел в тупик? И мы уже перешли, пришли в тот мир, где в ближайшие десятилетия экономически для россиян и украинцев по сути ничего не изменить? И вместо мечтаний и рассуждений о миражах в дне грядущем стоит посмотреть правде в глаза и познать суть происходящего с нами? О каком европейском выборе можно дальше продолжать кликушествовать, когда элементарная поездка на Запад для наших граждан становится унизительнее, чем для жителя оккупированной немецко-фашистскими захватчиками части СССР? Может, именно сегодня, как никогда, наступил час поступка, смелости выбора, открытости слова. Пора развенчания мутных легенд и утверждения ясной истории. И элементарной начитанности?

О читающих:
Читатель-простак любит Евтушенко
повыше рангом – Вознесенского
интеллигент элитарный считает что любит Бродского
Исключительные люди любят Лимонова
Время старого пафоса во всех его формах прошло.
Пришло время условности.

До ноября 1980 года за свои тридцать семь Эдуард Лимонов освоил около тридцати рабочих профессий. С ноября 1980 года более десяти лет он является одним из передовых литераторов Франции, Европы, международного книжного рынка. В начале восьмидесятых первый роман неизвестного автора только в Голландии и ФРГ продали в количестве 85 тысяч экземпляров. На Франкфуртской «бухмессе» 1985 года французские издатели продали права на семь произведений, одно из них – манхэттенского и парижского странника Лимонова. Тогда на всю Францию лишь несколько сот авторов были настолько популярны,

что жили исключительно за счет гонораров. С конца восьмидесятых писатель идет путем профессионального публициста и политика. Батька Лимон – человек убеждений.

– Если у человека есть убеждения, рано или поздно он неизбежно становится радикалом. Даже если просто любит кого-то, – Лимонов не отделяет в себе писателя от политика. – Не распилить же меня двурукой пилой и указать – эта часть – писатель?

Дзержинск. Харьков. Москва. Рождение поэта. 22.02.1943–30.09.1967

Эдуард Вениаминович Савенко родился 22 февраля 1943 года в Дзержинске Горьковской области. По буддистскому календарю – в первый день Нового года. Детство, возмужание и свои университеты пережил в Харькове. Мать, Раиса Федоровна Зыбина, родилась в деревне Новь Сергачского уезда на Нижегородчине. Ее отец погиб при обороне Ленинграда. Отец, Вениамин Иванович, родом из городка Боброво Воронежской области. А его отец, Иван Иванович Савенко, учился в одной школе с выдающимся хирургом Николаем Бурденко. Донские казаки Савенки вышли из деревни Масловка Воронежской области. Бабушка Вера, в девичестве Борисенко, рассказывала внуку Эдуарду, что в их роду был и сотник-осетин. Нижегородский край подарил российской литературе еще одного революционера, одного из самих любимых писателем за его стойкость и величие слога бунтаря – Аввакума Петрова. «В ваших душах черви кипят! Дайте только срок, собаки, не уйдете от меня… Знаю все ваше злохитрство…» – таков был его слог.

В православных святках нет имени Эдуард, а в католических его именины приходятся на 5 января. На староанглийском «Эдвард» – богатый, счастливый, процветающий, покровитель, охранитель, часовой. «Вартовий». Отсюда, может быть, и название романа-дневника «Убийство часового (Дневник гражданина)» о смуте в Восточной Европе после краха социалистической системы. Ровесник знаменательного февральского сражения, когда впервые немецкие захватчики понесли сокрушительное поражение, а их пятидесятидвухлетний фельдмаршал Паулюс капитулировал, носит знакомое и привычное для тех лет имя, когда счастливые родители называли чад и по книгам, и по фильмам, и по передовицам: Сталина, Мэлор, Ленгина, Стэлла, Вилли, Джермен, Робер. Родители надеялись, что детей их детей уже никогда не постигнут голод, холод, лишения и ужасы войны. Савенко покрестили сына по православному обряду.

– А знаешь, – вспоминает, – имя Эдуард получил я от своего военно-полевого энкэвэдэшного папы в честь революционного романтика поэта Эдуарда Багрицкого (он же Дзюбин). «По рыбам

по звездам проносит шаланду…», «Чтоб звезды обрызгали груду наживы: коньяк, чулки и презервативы…»

Сидел мой папан в кабинете и читал Багрицкого, наслаждался, а тут ему позвонили и говорят – сын родился, проблема как назвать. Естественно, взглянув на обложку книги, папан меня и назвал… Много лет спустя жалел, кто мог знать, говорил он мне виновато… Как многие офицеры, он верил в сверхъестественное и в то, что явления и предметы мира взаимосвязаны. Поэтом я стал (к моему и их несчастью) только потому, считал мой папа Вениамин, что он дал мне имя поэта…

Что у Багрицкого читал Вениамин Иванович? «Думу про Опанаса»? «Весна, ветеринар и я»? И как родители новорожденного представляли, что случится с их чадом? И тогда и по сей день нас в истории СССР, России, Украины окружает неопределенность и недоговоренность. Идет 2010 год. До сих пор февраль 1943 года звучит победно. А ведь в те же дни бойцов Красной армии в Харькове ожидал разгром. Второй после мая 1942 года, когда сталинские военачальники Тимошенко и Хрущев привели к гибели сотни тысяч защитников Родины и бесславно бежали от Харькова. В том числе и от Паулюса. Повторная попытка в феврале 1943 года отбить первую столицу УССР опять привела к огромным потерям и сдаче города уже в марте.

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов из всех родственников мужского пола Эдуарда в живых остался один отец.

В переименованной в Дзержинск деревне Растяпино Раиса Федоровна работала на оборонном заводе. Лейтенанта НКВД Вениамина Савенко направили ловить дезертиров в марийской тайге. Перед отъездом он нашил толстый слой досок на стол, под который мать, уходя на смену, задвигала снарядный ящик с младенцем. Они боялись немецких бомбардировок. В рассказе «Кровати» их сын удивляется, как удалось избежать другой беды – не подавиться селедочным хвостом, который ему оставляли в руке. Потом, до того как Эдуарду исполнилось четыре года, молодой офицер Вениамин Савенко каждые несколько месяцев менял места прохождения службы. Гарнизоны и казармы Ворошиловграда, Миллерово. И наконец его перевели в Харьков. Сначала по-прежнему жили в казарме. Солдаты были няньками и мамками. Послевоенные тяготы. Голод 1947 года. Маленький Эдуард воображал, что вырастет и первым делом станет колбасником, старшим начальником по колбасе, и у него будет вволю колбасы.

В дошкольном возрасте, лет в пять-шесть, пошли с мамой на

балет «Красный мак». К советскому моряку подкрадывается коварный китайский злодей. Музыка нагнетала тревогу. Зал замер. Маленький защитник заорал: «Обернись!» и побежал по проходу к сцене на выручку своим. В антракте зрители, среди которых многие пришли в военной форме, подходили к Раисе Федоровне и хвалили за то, что растит сына правильно, патриотом.

Только с 1951 года семья Савенко стала обладать собственной (полученной по ордеру) жилплощадью в двадцать квадратов в новом доме в Салтовском поселке (сейчас это один из «спальных» районов Харькова – Салтовка). До этого отец уступил очередь на квартиру младшему по званию:

– Им нужнее, у них трое детей, а у нас – один ребенок.

В отставку Савенко-старший вышел в звании капитана. Поэтому говорит о себе писатель: «капитанский сын».

Первая Поперечная улица, дом 22. Двухэтажный дом. Три квартиры на каждом этаже. Может, это один из тех домов, которые, как киевский соцгородок на Дарнице, строили немецкие военнопленные? Новостройку на Салтовке отапливали печи. Газ в доме появился лет через шесть-восемь. Эдуард, Эд, закончил русскую среднюю школу № 8. Своего директора школьники прозвали Иосиф Виссарионович. Первое сентября встречал с избранной первоклассницей на руках, дочерью «первого родителя» класса, большого начальника или завмага. Украинский язык преподавали со второго класса, он хорошо его знает. В школе начал изучать французский. Много читал. Тяжело болел. Корь поразила зрение. Чуть не ослеп.

До одиннадцати лет был как «книжный червь» (по словам мамы). Книг из рук не выпускал. Готовил себя для дальних странствий. Собирал и классифицировал всякого рода знания. О растениях – если мог, переводил на кальку их внешний вид с указанием рода, вида, семейства. О животном мире. О римских императорах и французских королях. О геологических породах.

Откуда это? Да откуда это?
такая грустная страдальческая форма листьев
Откуда о! Откуда это?
такая пыль на листьях
и такая
влюбленность в эту землю и несчастье…

Лимонов вспоминал, как подолгу смотрел из окна

родительской комнаты на одинокое дерево, растущее рядом с телеграфным столбом у обочины пыльной захолустной Поперечной улицы. С ужасом думал, что предстоит созерцать это дерево всю жизнь. Саженец пыльного деревца высадили отец, Эд и соседи. А во дворе посадили фруктовые саженцы. Одним сентябрьским утром 1954 года он шел через юный сад в школу. Вдруг остановился у молодой яблони под окнами соседской семьи Шепельских. Ощутил, как под осенним утренним солнцем снизошло озарение, его переполнила неведомая энергия, он почувствовал, что никогда уже не останется вялым и книжным созерцателем. В сентябре 2007 года Лимонов приехал проведать больную маму и вышел в сад. Сад постарел. Яблоня стала высокой, как сосенка. Это был урожайный год. Раздавленные яблоки устилали землю. В «Анатомии героя» писатель делится: «Я повинуюсь в известном смысле неведомым мне силам… Я верю в мифологический сказочный вариант своей судьбы».

В седьмом классе в 1957 году пришел в дом Вишневских, репатриированных белоэмигрантов-французов. Их рассказы о Франции вспомнит в восьмидесятом, когда воочию увидит ее. Недавно харьковский литературный журнал «Союз писателей» опубликовал письма-воспоминания старшего Вишневского и его сына, брата Аси Вишневской, подруги юности Эда. Они возвращались из послевоенной Франции в Россию и до пересечения пограничной станции надеялись увидеть страну такой, какую им показали в лубочных «Кубанских казаках» (так мы до 1991 года представляли капитализм по дублированным западным фильмам).

В седьмом классе в возрасте четырнадцати лет Лимонов записывается в секцию вольной борьбы и занимается около года. Тренер Арсений предрекал ему спортивное будущее. Борьбу Эд оставил, потому что секцию перевели так далеко от дома, что приходилось ехать несчетное количество остановок. Он купил гантели и стал качаться дома, во дворе. В центре Харькова, напротив Благовещенского собора, однажды в начале зимы на спор переплыл речку Харьков. В четырнадцать поехал поступать в мореходную школу в Николаев. Но его познания морей и океанов, парусников, судовых вооружений не помогли: не приняли из-за зрения. С товарищами путешествовал на юг на крышах товарных и пассажирских вагонов, откуда они слазили с «черными рожами» от паровозного дыма. Однажды зимой чуть не замерз с приятелем насмерть.

В детском и отроческом возрасте Лимонов обожал украинский кладбищенский сад.

Он проводил там очень много времени.

И там же в пятнадцать лет он лежал сжимая красную

тетрадь.

Пытался писать стихи.

Лимонов помнит как шумела в яблонях непогода и басом

гудели старые тополя. Будущий национальный герой

любил маленькие зеленые яблочки.

В пятнадцать лет отрок в ванной, общей для трех семей их коммуналки на Поперечной улице, дом 22, нашел хрестоматию по литературе, прочитал «Незнакомку» Александра Блока и был сражен наповал. Еще Эдуард Лимонов вспоминает, что читал Блока в библиотеке. Возможно, он нашел библиотечный том, с печатью на семнадцатой странице. Поклонник книг о кораблях, путешествиях, Галапагосских островах, Крестовых походах, императорах Священной Римской империи, «Наполеона» Тарле стал запоем читать стихи. При этом сам овладевал мастерством поэта, критика поэтов.

Приведем несколько его суждений. Велимир Хлебников сделал столько, что хватает как раз на дюжину первых русских поэтов XX века. Блок – стеклянноглазый денди, гибкий херувим со стеклянными выпуклыми очами и гетевским носом. Священный монстр, аристократический мистик. Перед ним трепетали и Анна Ахматова, и Марина Цветаева. Он упивался холодностью женщин. Его Прекрасная Дама – продажная стерва. Пушкин – поэт для календарей, настолько устарел, что уже наше ничто. «Цветы зла» Бодлера – манифест современной городской эстетики, городской талантливости. Он увидел красоту эпохи улочек, городских фонарей, тусклой воды, города-монстра Парижа с его сотней дождей в год и старой ржавой Сеной. «Левый марш» Владимира Маяковского – безусловно, гениальная формула революции. Ахматову, как и Жданов, забраковал. Буржуазная дамочка в метаниях между алтарем и будуаром. Ее высокородный муж Николай Степанович Гумилев сдержанно мерцает в вечности, он пропитан мировой историей, высоки его мысли. Борис Чичибабин – харьковский Солженицын. Иосиф Бродский – спешит закаталогизировать, отметить в огромную бухгалтерскую книгу все вещи мира…

Мне все равно. Я задаю вопросы
Не потому, что я ищу ответы
Не эти чайки – мощные насосы
Говна и рыбы. Даже не поэты

И нет, не мир, покатый и бесстыжий
Мне не нужны. Смеясь, а не сурово
Я прожил целый прошлый год в Париже
И, как эстет, не написал ни слова…

Это поэтические строки героя датированы 1981 годом. К этому моменту он уже начал печататься, в 1979 году в США издал книгу стихов «Русское» (в судьбе книги принял участие Бродский), начиная с восьмидесятого французы публикуют прозу (до этого получил отказы 36 издательств США). Эд на пороге славы, но не уступает, не поддается соблазнам общества потребления. Не продает и не отдает взаймы талант. Интересно, что свои стихи он впервые отослал в шесть или более журналов в Москве только в 1974 году.

И то накануне эмиграции, следуя совету, что за кордоном не помешают доказательства, что он гоним и его не печатали в Совдепии. Андрей Дементьев ответил на эти стихи полуторастраничным разгромным письмом.

А самый первый опыт издаться связан с харьковской бурной юностью. Товарищи показали посвященные празднику Первомая стихи Эда в газете «Ленінська зміна» и получили отказ. Кроме отказа товарищи вернулись из редакции с рекомендацией читать «Как научиться писать стихи» Матусовского. Поражение запили «биомицином» (от «біле міцне») в кустах парка Шевченко.

Пятидесятые годы подходили к концу. Покорили космос, подняли разрушенное войной хозяйство. В Харькове красную икру и камчатских крабов продавали по баснословно низким ценам. Икру накладывали деревянной лопатой из бочки. Народ сердился, что нечего купить пожрать. Икру и крабов считали бросовой едой. Пятнадцатилетний будущий поэт мужает. Наблюдает быт большого украинского города: соседи, детские дворовые компании. Покупки-приобретения воспринимали как вехи семейного благополучия. Первый телевизор с линзой. У маленького экрана единственного на всю коммуналку аппарата собирались соседи. (Так было и в нашей киевской коммуналке конца пятидесятых на Гоголевской.)

Велосипед из крепких тяжелых труб. Красный мотоцикл «Ява». Швейцарский ножик из четырнадцати предметов. Показатель социального статуса и достатка, революционная для той эпохи вещь – холодильник.

Эд утверждает себя во дворе, на улице. В голове у него – каша из понятий «настоящие мужчины», оружие, уличные товарищи и

«Три товарища» Ремарка, Жюльен Сорель, три мушкетера, Фидель Кастро.

Попадает в больницу. В психбольнице на Сабуровой даче лежали в свое время Гаршин, Врубель, Хлебников. Эд тоже познает прелести этого «шиздома»: «Сабурка в нас иль мы в Сабурке».

К этим годам писатель не раз обращается в автобиографических фрагментах своей прозы, что послужило Александру Велединскому основой для создания кинофильма «Русское». О фильме, вышедшем на экраны в 2004 году, Эдуард Лимонов высказывается неохотно. Возможно, это связано с принципиальными сомнениями в уместности и возможностях экранизации прозы: «Мне представляется любая экранизация – огромное упрощение и огромное несчастье и для автора. Знаете, как Хемингуэй вышел из кинотеатра после просмотра постановки «Фиесты» и сказал: «Они думают, что если взять сотни мексиканцев, два десятка коров, то это будет испанская коррида». Так и я считаю. Не надо».

В рабочем пригороде Харькова – на Салтовке – молодежь объединялась в племя. Малые племена входили в большие – харьковское, украинское. Школьники рано покидали парты и шли зарабатывать. Многие преступали закон. Начинали с романтики уличных подвигов, распевая: «На берегу стояла крошка Мэри, а рядом с нею рыжий боцман Боб».

Вор, урка Толик Толмачев, сын уборщицы и инвалида, маленького, оплывшего, как дешевая свеча, обездвиженного старика в деревянном кресле у окна. Надеялся, что Сова (производное от Савенко) превратится из фраера в хорошего вора. Когда Толика посадили, Эдуард на радость матери взялся за ум и на полтора года ушел работать на завод «Серп и Молот».

Эдуард Лимонов на себе ощутил, насколько правдив марксистский тезис о важности среды в жизни человека. Он рассказывал о том, как Салтовка закалила, выковала несгибаемость, как с семилетнего возраста он научился защищать себя на улице, во дворе. Защита чести и достоинства – превыше всего для настоящего мужчины. После школы Савенко подал документы на исторический факультет Харьковского университета. В аттестате тройка по русской литературе, но пятерка по украинской. Первый экзамен сдал. На второй решил заходить, уже услышав звонок на него. Он почувствовал себя там, в аудиториях, не в своей тарелке. Его тянула взрослая, самостоятельная жизнь, где конфликты возникают на самом деле, а не в конспектах и на зачетах: «Когда человек рождается – это уже конфликт. Конфликт со смертью. Только родился и уже

начинает отсчитывать минуты до смерти».

В первых трудовых буднях Эд показывает, что его голыми руками не возьмешь. Директор продбазы хамит, обзывает щенком, и за это в директора летит увесистая «семерка» – брус, с помощью которого передвигают ржавые бочки с селедкой. В 1994 году в книге «Лимонов против Жириновского» образ этого директора воплотится в Жириновском, ВВЖ.

> *Лимонов работающий строителем монтажником на сырой площадке цеха – близорукий, окончивший школу, оббивающий зубилом концы арматуры, чтобы бывший беспризорник украинец Золотаренко-старший сварил их вместе такой Лимонов в сапогах и ватнике предстает нам из 1960 года.*

Несовершеннолетний семнадцатилетний Эдик Савенко в нарушение правил техники безопасности работает монтажником-высотником. Чуть не разбился, а тут еще и жуткую простуду подхватил. Хрипит и кашляет подобно раненому зверю. Бригадир Евлампий предлагает радикальный метод лечения – наливает стакан денатурата. Мама остерегала – от денатурата слепнут. Но как можно опозориться перед фронтовиком-штрафником Евлампием? Пить надо залпом. И одним разом, не вдыхая воздух, запить водой. Наутро кашель исчез без следа.

В 1964 году в жизни Лимонова, как и в жизни всей страны, наступает перелом. Дворцовый заговор в октябре 1964 года лишил Хрущева власти. В последние годы своей жизни супруг старшей дочери Никиты Сергеевича Виктор Гонтарь, бывший директор Киевской оперы, мой сосед, детально, в лицах живописал мне те события.

А в ту далекую харьковскую осень набравшийся опыта, заслуженный литейщик (фото – на заводской Доске почета) Эдик Савенко порывает с размеренностью и стабильностью.

Допускаю, что он мог бы пробиться на высокий пост в промышленности. Организаторскими способностями не обижен. Ведь сумел вопреки преследованиям всевластного государства начиная с 1993 года выстроить с нуля и руководить НБП, партией нацболов, где костяк составляет молодежь едва за двадцать. Получалось у него и издавать столько же времени газету «Лимонка». Партию окончательно и бесповоротно запретили в 2007 году. Газету «прямого действия» закрыли еще в 2002 году, когда ее создатель, «мужичок в пугачевском тулупе», ждал, мыкаясь по трем тюрьмам, окончания следствия, которое усердно подшивало доказательства к уголовному делу на четырнадцатилетний срок. Но партия и газета по-прежнему живее

всех живых. Журналист и литературный критик Наталья Иванова так отозвалась о «Лимонке»: «Лимонов новорусскому капитализму выносит приговор». Слово вождя по-аввакумовски непримиримо. Однажды писатель так окончил свое слово: «За грубые слова приношу соболезования. Но об этом нельзя иначе…»

Увольняется он с завода по четырем причинам.

Первая. Как-то раз шагал с авоськой на третью смену и встретил ненадолго вышедшего из тюрьмы Толика Толмачева в обнимку с цыганкой Настей. Пустынная остановка трамвая напротив бетонного серо-черного Стахановского клуба.

– Рогом упираться идешь? – грустно улыбнулся Толик, блеснул золотым зубом и просвистел вслед работяге знакомую Эду мелодию.

Через несколько дней Савенко принимает решение подать начальнику цеха заявление на расчет. Незамысловатая мелодия песенки «Дешевка никогда не станет прачкой» разъединила, оборвала нервы, их запутанные паутинки, которые связывают область чувств и область поступков. Его озарило. Он должен стать, он будет национальным героем.

Была и вторая причина – никак не мог выбрать, выразить собственный стиль, соотнести себя с окружением, определить, каким будет его жизненный путь. Он пронесет через всю жизнь тягу к резким скачкам амплитуды колебаний стиля, радикальным встряскам. В одном сохранит постоянство – будет вести себя в жизни естественно. Так ведут себя рабочие и аристократы. Будет всегда противопоставлять поступки, труд, волю, доблесть посредственности в человеке классу «пиджаков».

Под широкополою листвой гулял в Харькове милом.

В пятнадцать лет модник Эд сам выбирает и выстраивает направления собственной эстетики – коротко стрижется, выбривает пробор, носит широкое и короткое темно-коричневое чешское пальто на трех пуговицах с рукавом реглан или желтую куртку.

Семнадцатилетний монтажник-высотник, тамплиер пролетариата (по Александру Дугину) ездит в солдатских сапогах, фуфайке и отцовской военной шапке на строительство нового цеха танкового завода.

Осенью 1961 года в кулинарном училище на отделении поваров, в самом центре Харькова, на Сумской улице, наискосок от Театрального института, появился модник. Все в том же чешском пальто, но уже изрядно потертом. Последний писк моды – узкие брюки. Узкие настолько, что нога с большим трудом

протискивается в штанину.

– У вас есть вкус? – спрашивают сейчас писателя.

– Когда хочу, у меня есть вкус, но иногда я этого не хочу.

Модник был парень не промах. И уже зимой, на практике в мясном цехе он так наловчился обрабатывать свиные и другие туши, вырезая лопатки, что даже удостоился похвалы директора, заслуженного повара УССР.

В октябре 1964 года он покидает ряды пролетариата с гардеробом из шести костюмов и трех пальто. Судьба закручивает его в воронку, швыряет в харьковскую богему, в объятия старшей на шесть лет девушки с вином, стихами, книгами. Он становится «книгоношей» из книжного магазина на площади Поэзии, торговцем книг с лотков. Книгочеем с рабочей философией, с недоверчивым взглядом из-под надвинутой на глаза воображаемой кепочки отсталого, реакционного, беспартийного трудяги, который уже успел побастовать вместе с бригадой и навести переполох на Харьковский обком партии. Даже не горком, а целый обком. На то время у него было мощи, как у правительства небольшого европейского государства, если не поболе.

В литейном цехе завода «Серп и Молот» треть рабочих – бывшие уголовники, треть – крестьяне, треть – юноши в поиске денег на девушек и одежду. Однажды Эд получил аж 320 целковых. Здоровые, мускулистые ребята шили себе костюмы, каждую субботу приглашали девчат в кабак, где выпивали свои 800 граммов коньяку.

… И мальчик работал в тени небосводов
Внутри безобразных железных заводов…

В один прекрасный день месячную зарплату срезали на треть. Несколько суток в шестьдесят третьем все три смены работяг сидели у задутых печей. Их пытались приструнить, вразумить, напугать… Наконец исчерпался запас коленчатых валов, которые они варили, и остановился машинный цех.

Подобно «Богу из машины», на грудах руды марганца возник артистичный, вальяжный, с проседью, в дорогой обуви, грозный и справедливый секретарь Харьковского обкома партии. Он метал гром и молнии в директора завода, парторгов завода и цеха. Всем рабочим лично выдал расчетные листы со старой неурезанной зарплатой, но потом в течение полугода литейщикам планомерно урезали зарплату. И в итоге оставили их с теми же малокровными суммами, из-за которых началась забастовка.

Картинный секретарь больше не появился. Некогда было. Он строил коммунизм. Светлое будущее, в котором, как вспоминает заговорщик 1957 года «примкнувший Шепилов», по фантазиям Никиты Хрущева всем хватит блинов с маслом и со сметаной. А может, элементарно взбирался по ступеням карьерной лестницы. Когда писатель постоянно в своих трудах, посвященных уничтожению СССР, осуждает Горбачева (сравнивая его с секретарем обкома на марганцевых грудах) и Яковлева как слепцов, которые на ощупь и наобум принялись перестраивать великую державу и ее политический строй, он находит в этом лишь частичное объяснение случившемуся. Инстинкт властесохранения подсказал им и их касте, что бороться с экономической несостоятельностью советской системы опасно.

Лучший способ выжить и процветать – лично ускорить приближение финала и раньше других воспользоваться плодами хаоса. Раскромсать СССР на куски в дебрях Пущи, усесться, как выразился бы Лев Троцкий, «тяжелым задом бюрократии» кто на Россию, кто на Украину, кто на Казахстан или Узбекистан и выкидывать самодурские, по Ноздреву, шутки. Например, ваучеры.

Рассказ Лимонова о забастовке литейщиков «Речь «большой глотки» в пролетарской кепочке» – не антисоветский. Это рассказ о демагогах, о служивой и творческой интеллигенции, которая тщательно обдумывает свои жизненные поступки, дабы всегда и при всех властях хватало «детишкам на молочишко». О тех, кого в публицистике конца восьмидесятых писатель назовет «буржуазией знаний».

– Я знаю, что мы проголосуем за них, а они нас вертанут. То есть чего-нибудь не дадут или того хуже – заберут у нас то, что у нас было… – брезгливо-скептически насмехается Лимонов в восьмидесятые над предвыборными лозунгами во Франции.

Третья причина перелома в жизни Эдуарда Лимонова в 1964 году заключалась в знакомстве с мошенником всесоюзного масштаба Мишкой Кописсаровым. Мишка в бегах, во всесоюзном розыске. Только что сбежал в Харьков из Донецка.

Прекрасен приезд в сонный город авантюриста!.
Ох и натворит он по чужому паспорту
Ох и наберет кредитов
наобольщает чужих жен!

При этом во все пребывание будет прекрасная погода
и облака как на итальянских картинах
в ресторанах икра и балык

И уедет он как по скользкому синему морю.

Мишка Кописсаров предложил труженику горячего цеха Эдику Лимонову идти к нему в подручные, подельники. Замаячили путешествия и деньги. Эд увидел мираж неизведанных ощущений. Жизнь, где не надо надрываться и считать дни до пошива очередного костюма. Тогда он уже заработал на шесть костюмов и три пальто. Старший опытный товарищ с криминальным талантом дал наказ получить на заводе расчет по всей форме и ждать вызова в Одессу. На большие дела – аферы.

Провидение смилостивилось над молодым авантюристом. Несостоявшийся наставник устроился в Одессе, как ему казалось, в самое надежное и комфортное для укрытия место – санаторий КГБ. Но его повстречала на Дерибасовской старая подруга и за какие-то свои обиды выдала угрозыску. Нарушитель социалистической законности Мишка Кописсаров загремел на девять лет строгого режима. Ни на следствии, ни в суде он даже словом не обмолвился, что недавно укрывался, гастролировал в Харькове. Не рассказал Мишка и о том, кто помог ему «организовать» два настоящих паспорта на чужие фамилии.

Была и четвертая причина. Журнал «Всесвіт». Рабочий Чурилов и Франц Кафка.

> *Рабочий Борис Иванович Чурилов как никто другой в свое время повлиял на Лимонова. Без Бориса Чурилова Лимонов навсегда остался бы хулиганом Салтовского поселка. Такого рабочего как Чурилов во всем мире не сыскать. В 1964 году, на третьей смене, он и Лимонов впервые читали Кафку на украинском языке в журнале «Всесвит». А вокруг гудел литейный цех.*

С той осени шестьдесят четвертого знакомством в Харькове в магазине «Поэзия» с продавщицей Анной Рубинштейн начинается, как у всех великих мужчин, борьба с женщиной. Писатель признается много десятилетий спустя:

– Мои книги – о глобальной космической неудаче любви к женщине вообще, о ее обреченности. О том, что с женщиной нельзя поладить.

Он терпеть не может слово «секс». Словечко, как попса какая-то. Для эстрады, причесанного, расчесанного обывателя:

– Нет, это страшные, в общем, вещи в жизни человека. И многие люди гибли на этом пути.

После более или менее обыкновенных девочек с окраины с их обычными интересами Лимонов в свой двадцать один год встретил Анну, женщину с пронзительно дикими глазами. Молодой парень с более чем скромным интеллектуальным багажом ревнует ее к окружению, поэтам и художникам, не зная книг и холстов, о которых они рассуждают при свечах. И стремится догнать их знаниями. Наверное, с тех пор формируется его характер человека читающего, книгонавта. Адам Смит и Карл Маркс, Де Сад и Константин Леонтьев, Мисима и Селин, Оскар Уайльд и Дмитрий Корчинский. Сотни, тысячи авторов.

Чтение – это воля. В Харькове он не может позволить себе купить Хлебникова на толкучке. Переписывает для себя его трехтомник издания 1928 года.

Сумская улица – основная артерия Харькова, украинского Детройта. Она проходит мимо самой большой в Европе площади Дзержинского (сейчас Свободы). Площади в двенадцать гектаров. С 1925 по 1933 год ее застроили громадой Дома Государственной промышленности – Госпрома. Тогда же, в 1931–1934 годах обустроили парк Шевченко на Сумской. Годы имперского большевистского градостроения. В Киеве возводят Верховный Совет, которым восхищался первый архитектор Третьего рейха Шпеер, здания нынешней канцелярии президента, Кабинета министров и МИД.

А начинается Сумская улица с площади Тевелева (впоследствии – Советской Украины, а затем Конституции). Здесь, в доме номер 19, в начале 1965 года поселился Эдуард. Мама Анны, Циля Яковлевна, угощает поэта и портного на своих любимых тарелках дореволюционного кузнецовского фарфора икрой из синеньких (баклажанов), салатами и форшмаком.

и моря матерьяла в руках
продвигаются в нитку с иголкой
и моря матерьяла в руках
тканей длинных широких…

Циля Яковлевна обсуждает новые книги, которые достает дочка в «Поэзии», и радуется, что мужчина ее младшей дочери взялся за голову и освоил мастерство портного, как Троцкий в эмиграции в Нью-Йорке.

Четыре года в Москве, в 1967–1971 годах, до обострения своих неизлечимых болезней, Анна стойко, как оловянный солдатик, переносила все невзгоды и тяготы вместе с любимым. Неизвестно, выстоял бы он без нее, не сломался?

Не под вишней ли ты лежишь.
До сих пор Украина твоя.
Лепестки засыпают тебя.

Воспоминания об Анне – «Радость – страданье, – одно…» – нахожу одними из великолепных (по Александру Гольдштейну) страниц в книгах писателя.

Псевдоним Эдуарда Вениаминовича Савенко «Лимонов» родился у нее дома. «Эдик, ну что за великий русский поэт Савенко?» – прикалывался Вагрич Бахчанян. У Анны веселая компания решила затеять игру в жизнь харьковской богемы начала двадцатого века. Бахчанян, Бах, придумал вместо обыкновенной украинской фамилии Савенко загадочное и звучное декадентское Лимонов. А может, босяцкое? От «лимонить, налимониться»? Эдуард, по воспоминаниям Бахчаняна, к тому же тогда плохо выглядел, был бледным, желтым.

Книгоноша и поэт стоял со своей раскладкой в грязном фойе кинотеатра «Комсомольский». К нему, вчерашнему пролетарию, сыну советского офицера наведывался бывший мастер завода «Серп и Молот», первый живой поэт в его жизни – Мотрич. Приглашал выпить по поводу первого снега. После нескольких тройных кофе в кафе «Автомат», также называемом «Пулемет», через гастроном, вооружившись «фаустами», по семьсот граммов каждый, портвейна, богема шумною толпою выдвигалась в парк Шевченко.

Мотрич декламировал Мандельштама, Бродского и свои стихи. Сын дворничихи, студент-филолог Мелехов, дежуривший ночами в котельной, рассуждал о Хлебникове, Ходасевиче, Андрее Белом, Василии Розанове, Фрейде. Особняком стоял сын босса харьковских ресторанов Геннадий Гончаренко. Генку не манила, подобно Мотричу и Эду, слава поэта, подобно Бахчаняну – слава художника. Он призывал товарищей слагать стихи, рисовать, а сам обещал восторгаться их успехам.

В загородный ресторанчик «Монте-Карло» в пригородном поселке Песочин ехали на трех такси. В первом Генка, во втором – Эд, а третье такси, замыкающее, следовало без пассажиров, для шика и образа кавалькады. Там Эд впервые побывал в отдельном кабинете ресторана.

Молодых харьковских гуляк середины шестидесятых потряс иностранный кинобоевик «Искатели приключений» с Аленом Делоном. Они ударились в загул. После нескольких дней пьянки были задержаны на взлетном поле аэропорта при попытке

забраться на борт транспортного самолета. Охране аэропорта сообразительный Генка представил себя с Эдом сотрудниками КГБ на задании. Был настолько убедителен, что ему поверили и даже угостили «сексотов» в буфете коньяком.

Мотрич не превратился в банального рифмоплета, не состоялся как тривиальный «просветленный» поэт. Этому будет рад его слушатель и ученик, который ушел вперед, и в это он верит. Неизжитая провинциальность «просветленности» ему скучна, как тоскливы перепалки российских и украинских авторов о том, кто же из них был главным среди «шестидесятников».

Из шестидесятых в семидесятые Мелехов пришел директором магазина «Военная книга». В 1974 году попрощаться с советским миром, родными и товарищами изгнанник решил в Харькове. «Езжай и отомсти там за нас. За всех, кто не дошел, но кому ты обязан, Эд!» – шептал ему Мелехов. Они сидели на балконе ресторана «Харьков», внизу, тихая, возлежала площадь Дзержинского.

Гончаренко пару раз навещал Эда в Москве проездом из Сибири, где обделывал темные дела. Великолепный, как Ален Делон, Генка заходил с непременным ящиком шампанского.

Эдуард Лимонов гордится талантом чертежника. В одиннадцать помог студентке-соседке и вычертил ей чертежи. Она подарила ему «Словарь иностранных слов» с надписью «Соавтору моей дипломной работы Эдику Савенко от Таисии М.». Уже в 10–11 лет он зарабатывает тем, что расчерчивает соседкам-домохозяйкам выкройки. Хорошее понимание геометрии, прирожденные способности помогли самостоятельно освоить кройку и шитье брюк. С 1965 года по 30 сентября 1974 года, утро вылета в Вену, поэт не расставался с орудием труда – швейной машинкой. Светло-зеленая швейная машинка подольского завода прошивала мех, кожу, шинельное сукно и даже пожарный брезент. Эд мог сшить за день две пары брюк, а если трудился с раннего утра до поздней ночи, то и три пары. Заработанные деньги позволили брать уроки французского у выпускника иняза Викторушки, который успел отправиться по распределению завучем в Братск, жениться, метнуть в тестя нож, чуть не попав ему в лицо, развестись, вернуться в Харьков.

Швейная машинка, как палочка-выручалочка, помогла писателю не пропасть в Москве.

> *Я хороший мастер. Я ставлю стены ровные и прочные, я крашу их*

красиво и быстро, гвозди у меня сами в дерево идут, двери у меня
вскорости на петлях повисают… Я и пиджак и пальто сварганю, а
брюк за мою жизнь сшил я тысячи.
Сложись моя жизнь иначе – очень серьезный мужчина бы был. А я все с
неуспешными шляюсь, за безудачных болею. Сердцу они ближе. С ними
компанию вожу, с ними будущее связал.

Привел эту цитату до того, как прочитал биографию писателя пера Захара Прилепина. Он тоже выделил эти слова. Лимонов неизменно благодарит отца за унаследованные от него навыки, умение делать все руками – строгать, пилить, обращаться с металлами.

В 2004 году питерский путешественник Михаил Медведев (Гризли и Паумен) приехал в Харьков: «Ориентирами служили книги «Подросток Савенко» и “Молодой негодяй”», а также ряд упоминаний о харьковском периоде в более поздних сочинениях – «Анатомия героя», «Книга воды».

Лимонов проживал с 1951 по 1967 год в районе под названием Салтовка с ударением на первый слог [на самом деле, с 1965 года он жил в центре города у Анны Рубинштейн – *М. З.*]. Географическое название осталось и сейчас, только сама Салтовка сильно изменилась. Из района рабочих окраин она превратилась в крупный жилищный массив на подступах к центру Харькова. Но несколько микрорайонов сохранились практически без изменений.

… Сначала мы осмотрели школу, в которой учился Лимонов (она по-прежнему выполняет свои функции), ДК «Серп и Молот», куда начинающий поэт частенько заглядывал, а затем подъехали к зданию, где, возможно, жил известный писатель.

Все эти дома приблизительно одинаковые: двухэтажные или трехэтажные кирпичные постройки серого цвета, довольно основательные конструкции. В Питере подобных домов я не видел. По-видимому, эти типовые здания характеризуют промежуточный этап между сталинскими домами и хрущевками. Особенно меня поразили некоторые очень узкие окна, где длина в несколько раз превышала ширину.

Другой «вероятный» дом Лимонова находился через квартал на другой улице. Подобная путаница возникла вот по какой причине. В сочинении «Подросток Савенко» Лимонов не раз

указывает свой адрес: Первая Поперечная, дом 22. В ту пору, чтобы особо не напрягаться с названиями, были и 2, 3, 4-я Поперечные.

В 70-е годы, по неведомым мне причинам, названия улиц поменяли и все перепуталось…

Одно доподлинно известно – дом, где жил Лимонов, цел и невредим. Власти Харькова, пора уже готовить мемориальную доску!

… Мы осмотрели ДК, где Эдичка читал свои стихи и ходил на танцы, а в парке – дрался. Далее проехали мимо магазина, который встречается в «Молодом негодяе» – там будущий писатель неоднократно покупал бухло.

– А вот – трамвайное кольцо, с которого Лимонов ездил на завод в ватнике и ушанке…

– Лимонов, конечно, ошибается в описаниях… Например, он утверждает, что в Харькове – две реки, а на самом деле – больше, три крупные – Харьков, Лопань, Уды, и две помельче – Немышля и Студенок. Район Тюринка называет Тюренка. А еще частенько путается с направлениями – север – юг, запад – восток.

– Но от себя ничего не додумывает? – спросил я.

– Нет, фактически все точно, – ответил наш экскурсовод. – Просто Лимонов писал по памяти, не имея под рукой никакого материала. Это – естественные погрешности.

Самым интересным лимоновским местом оказался книжный магазин «Поэзия» на одноименной площади, рядом с улицей Пушкинской. Никогда бы не подумал, что он сохранился и пережил столько кооперации и приватизаций! Здесь первая жена писателя Анна работала продавцом, а сам Лимонов – книгоношей…»

Первая попытка уехать в 1966 году из Харькова в Москву была провальной. Нужда заставила «позорно изгнанным Растиньяком» через месяц вернуться восвояси.

Москва. Запад. Неофициальное искусство. «Мы – национальный герой». 30.09.1967–30.09.1974

Разорвав сродными тенями
что ж он с родины бежит

В гастроном ходил бы с сумкою
шевелился не спеша
Умный между недоумками?
Ну – молчала бы душа

Летом 1966 года в Харькове в гостях у Анны и Эдуарда первооткрыватель коллажа и боди-арта Анатолий Брусиловский рассказывал о Москве, о поэтах-«смогистах» («самое молодое общество гениев»). Еще их называли «сила, молодость, огонь, горение». К двери Центрального Дома литераторов они приколололи список «литературных мертвецов», куда занесли уже устаревших для них Вознесенского с Евтушенко. И вот 30 сентября 1967 года полку гениев прибыло. На Курский вокзал прибывает дерзкое и крепкое дарование из Харькова в ратиновом черном пальто и черной кепке-аэродроме. В руках по настоянию родителей польский послевоенный чемодан. Фанерный, обклеенный черной пленкой под кожу, просто сундук какой-то. А вообще вещи его не тяготят и не связывают. Уже в двадцать четыре он пишет: «Я скапливаю нематериальное». С этим девизом способен начинать новую жизнь с нуля:

– Это удовольствие. Это привилегия…

С 1967 года Анна и Эдуард перебрались в Москву. Бахчанян привел писателя в дом Ирины и Михаила Гробманов. Они подружились, Гробманы ввели Эдуарда Лимонова «в среду», представили московскому андеграунду. Писатель сшил Ирине платье – золотой чехол, черные кружева. После отъезда в 1971 году в Израиль она носила его несколько десятилетий и собиралась в будущем сдать в музей. По рекомендации Гробмана в Израиле Лимонова издали на русском и на иврите. В первую московскую зиму Эдуард на семинаре Арсения Тарковского, отца режиссера Тарковского, читает стихи. «Смогисты» признали, что их ряды пополнились.

Московский период – период скитаний и творчества. Он примыкает к «смогистам» больше по склонности к протесту, независимости, ценя их жизненный опыт, но не по сродственности поэтики.

Эстетически и философски в первую очередь он тяготеет к Евгению Леонидовичу Кропивницкому – первому из «лианозовцев» (от названия подмосковного поселка). Ровесник Маяковского коротает век со старенькой женой в подмосковном бараке, в крошечной комнате с печью. Кропивницкий для Эдуарда Лимонова абсолютно оригинален в стихах (барачная лирика), в живописи (нарисованные небесные создания – сгустки духа), философии (советский стоицизм). Лимонов перепечатывает на машинке рукописи Кропивницкого и заключает машинописные листы в картонные обложки, которые потом обклеивает ситцем.

Когда в 1971 году Анна легла в подмосковную больницу из-за обострения хронического недуга, Евгений Кропивницкий постоянно ухаживал за ней, приносил ей бумагу и краски. Оставшиеся годы жизни она спасалась рисованием. Может, оно продлило ей жизнь не на один год.

Гость из Харькова по-салтовски крепок, не пасует. Он отыскал выход из провинциальной суеты, дома ему было некомфортно, вокруг недоставало новых ощущений и образов, мало талантливых и оригинальных людей. Лимонов стремился к вершинам поэтического ремесла, ему необходимо было слышать, видеть, читать иных поэтов, рассматривать иные холсты.

В Москву берет подарок Анны – чешский словарь современного изобразительного искусства. Пропадает во дворце на Волхонке, музее, который основал отец Марины Цветаевой, «поэта ритмических захлебов». Матисс, Клод Моне, Эдгар Мане, Ван Гог, Руссо. Египетский зал, мумия сигарного цвета с двумя кокосовыми свежими зубами. Голландский зал. Он постоянно недоедает и прячется от мороза или дождей на грязных и неуютных московских улицах, во дворце среди запахов старой краски, старых холстов, камня, гипса, дерева.

Донашивает пальто – подарок Мишки Кониссарова, костюмы времен работы литейщиком, как очарованный простаивает перед натюрмортами с жирным подбрюшьем селедок на серебре и ломтями хлеба. Возвращается в убогий съемный угол и без устали сверяет имена художников, записанные в музее имени Пушкина, со словарем. В нем делает запись красной шариковой ручкой: «Клянусь стать таким же Великим, как эти гении искусства. Э. Лимонов».

Летом 1968 года, похудев на одиннадцать килограммов, приехал на несколько недель к родителям. Отъесться и

успокоиться. Раиса Федоровна настаивала, чтобы сын остался и даже начала подыскивать ему место работы. Вечером в новостях после прогноза погоды увидел кадры дождя на московских улицах и сбитую ливнем листву на бульварах. Слезы навернулись на глаза. Он не отступит. Помчался на вокзал. Именно в те летние недели харьковской передышки писателя произошли события в Чехословакии. Много лет спустя Лимонов вспомнит, как яростно спорил со своим отцом. Защищал Пражскую весну, а бывалый капитан предостерегал от поспешных выводов и противопоставлял ввод войск государств Варшавского договора агрессии США во Вьетнаме.

Шитье брюк, сумок из чешского ситца, пиджаков позволяло выжить в Москве. Может быть, в тревоге за любимую (ведь спекуляция в центре Москвы, в ГУМе грозила сроком заключения) успокаивал нервы, сочиняя поэму «ГУМ».

Поэт идет – он Простаков…
Вот Простаков встречает Анну
– Ах Анна! Анна! Мы устали…

И даже в последний на советской земле год портняжничество помогало слегка поправить материальное положение. Вместо шитья всяким охламонам пары за 15 рублей спекулянтка Лена-Долгоносик предложила фабриковать простые женские брюки, без карманов, без пояса, вывернутые внутрь края ткани аккуратно оббивать тесьмой и пришивать фирменные лейблы. Продавала за 150, половина – портному.

Лимонов полагает, поставь он перед собой обывательские цели, стал бы хоть самим Славой Зайцевым. Но в Москве ограничивает себя минимальными заработками, бережет время для стихов.

Каждый месяц родители высылают на Главпочтамт до востребования 25 рублей. Относительно немалые деньги для тех лет – настоящая родительская жертва. (Мой дедушка в селе Солошино получал тогда пенсию в девять рублей.) Лимонов пишет стихи где угодно, в любых условиях и позах. Выработалась привычка жить на гроши.

Когда в восьмидесятых во Франции получил за книгу «У нас была великая эпоха» около 25 тысяч долларов аванса (120 тысяч франков), купил вина не за восемь-десять, а за целых пятнадцать франков.

«Смогисты», московские пишущие и творящие поэты и художники, помогли избавиться от высокомерия и

провинциальной спеси. Лимонов ценит произведения классных мастеров, набирается знаний. Не завидует, но пытается их превзойти и стать ни на кого не похожим. Дух соревновательности заставляет Лимонова расширять круг общения. Его среда ярка и своеобычна. Леня Губанов (автор строк «Не я утону в глазах Кремля, а Кремль утонет в моих глазах»). Рыжий, в веснушках, высокий, юный Володя Алейников. Старшие по возрасту, но юные по темпераменту Сапгир и Холин.

Караим Генрих Сапгир. Внушительные усы, мешковатая фигура, слишком длинные брюки, слишком яркий галстук, костюм и вид лежебоки. Лимонов вспоминает о Сапгире: «Жил любознательный мальчик, сын портного, в бараке возле станции Долгопрудной под Москвой. Когда отец запивал и становился опасен, Генрих убегал к Кропивницким. Там было двое своих детей в девятиметровой комнате, но ему всегда были рады, и накормят, и книги дадут, и семья дружная, интересная. Стихи начал писать в пятнадцать лет. Отслужив в армии, долгие годы работал подсобным в скульптурном комбинате. Перевидел на своем веку тысячи штук Ильичей, гипсовых, глиняных и мраморных. Примерно к 1964 г. начинают появляться его первые детские книжки. Сейчас он достаточно известный детский поэт, автор сценариев мультфильмов».

А это – об Игоре Холине: «Высокий седой человек, похожий на индуса. Темное лицо, худой, стройный. 54 года. В своей жизни перепробовал множество профессий. Поразительны, но в то же время вполне в духе времени эти его «профессии» – армейский капитан в 26 лет, потом зэк (познакомился с Кропивницким, когда был уже расконвоированным заключенным), некоторое время директор столовой, затем лучший официант «Метрополя», обслуживал «самого» Хрущева, и, наконец, автор многих книжек для детей.

«Да, но его стихи стихами не назовешь, – возразит иной поклонник акмеизма. – Он поэт? Какой же он поэт, – то, что он пишет, ужасно!»

А. Вознесенский признает Холина своим учителем. Но ученика-то печатают, а учителя нет. Новации Вознесенского безобидны. А почему Холина не стали печатать в ту восхваляемую весну 1957 года, когда печатали всех?

Всех, да не всех, Мартынов не опасен, а Холин опасен…»

Эдуард Лимонов знакомится с поэтом и экономистом Сабуровым, Владиславом Епишиным (Слава Лен). У него дома после похорон Алексея Крученых провозгласили школу поэтов-концептуалистов «КОНКРЕТ». У него же осенью 1967 года, в

четырехкомнатной квартире на Болотниковской улице, «Башне-на-Болоте», Бахчанян устроил выставку. Лимонов читал на ней стихи. Знакомятся с Дмитрием Приговым и Борисом Орловым. Стихи московского андеграунда параллельно на русском и немецком выходят в антологии в Швейцарии в 1972 году. Их печатает Михаил Шемякин в 1977 году в литературном альманахе «Аполлон-77». У Славы Лена писатель увидел Венедикта Ерофеева, «американского киноактера с седой прядью… К 1973 году мы наконец ознакомились с текстом «Москва – Петушки». На меня ни тогда, ни потом, надо сказать, текст этот не произвел впечатления. Я питаю пристрастие к прямым трагическим текстам, а условные мениппеи, саркастические аллегории, всякие Зощенки и Котлованы да «Собачьи сердца» или анекдоты о Чапаеве, расширенные до размеров романа, короче, условные книги – оставляют меня равнодушным».

Евгений Кропивницкий ушел в мир иной в 1979 году. Первая книга его стихов на родине вышла в свет 25 лет спустя.

> *И голодный и холодный Лимонов бывал весел и безкомнатный спящий на вокзале бывал весел, читая книгу а пище радовался.*
>
> *Лимонов сменил за семь лет жизни в Москве 126 комнат и квартир!*

Именно после отъезда из Харькова в Москву Лимонов до сих пор, подобно Моцарту, живет везде и нигде, не имеет собственного «недвижимого» дома. А тогда, начиная с шестьдесят седьмого, влюбленные скитались по столице нашей Родины. Окраина, в Беляево-Богородском, спят на матрасе на паркетном полу. Казарменный переулок. Екатерининская улица. Открытое шоссе, где поэт затворничает, уходит в творчество, голодает и заболевает цингой. Волконский переулок. Цокольный этаж школы на Уланском переулке. Свободная детская в квартире друзей в Большом Гнездниковском переулке.

Осень 1971 года. Уже расстался с Анной. Спит где придется, даже в парках и садах Москвы.

Коммуналка на Погодинской близ Новодевичьего, комната, которую сдавала рабочая девушка Зина. Живя на Погодинской, чуть ли не ежедневно наведывается на Новодевичье кладбище на могилу Хлебникова. Соседям по коммуналке выдавал себя за студента. Ведь прописки-то не было. «Знаем, что ты никакой не студент, – огорошила его на кухне соседка бабка Елена и продолжила: – Знаем, что не работаешь и не учишься. Но мы никому не скажем. Ты хороший парень».

Комната на Погодинской была в пяти минутах ходьбы от квартиры Елены с мужем. Иногда она являлась в нищую коммуналку. Их встречи предваряла прелюдия из одной-двух бутылок «Советского Шампанского» из магазинчика на Погодинской. Однажды герой не сумел достойно встретить Елену.

– Ты все и выпил. Местные пьют водку и портвейн, – с укором сказала продавщица.

Квартира у метро «Юго-Западная» – последняя остановка, откуда, страдая от обезвоженности похмелья, через аэропорт «Шереметьево» Лимонов отправляется в долгий путь. С ним три чемодана (один – книги) и Елена, с которой он познакомился 6 июня 1971 года в квартире Сапгира. Елена Сергеевна Козлова-Щапова уже развелась с мужем, старшим ее на 27 лет художником, фарцовщиком икон, обладателем белого «мерседеса». В собрании фотографий, к которым Лимонов сам придумал подписи, Елена – в костюме Евы, а ее муж-поэт (они повенчались в 1973 году) в пиджаке национального героя, который собственноручно сшил из 114 кусков.

В 1973 году Лимонов узнает, что такое КГБ.

– В октябре 1973 года я попал в их поле зрения, по-видимому, сразу по многим причинам: якшался с диссидентами (в частности, с известным В. Гершуни), с иностранцами (ходил вместе с женой в посольство Республики Венесуэла и был близок с тогдашним послом в Москве Р. Бурелли), сестра моей жены была замужем за бывшим ливанским атташе и жила в Бейруте, и, по некоторым данным, являлась агентом ГРУ (с которым у внешней разведки КГБ были всегда неприязненные отношения). Меня задержали на квартире на улице Марии Ульяновой…

Так вот, меня стали вербовать. Я отказался. Я сказал им, что мой отец работал в НКВД, потом в МВД и завещал мне никогда не связываться с вашей организацией. Наша семья, сказал я, свой долг Родине заплатила. Не хочу, и все. Мне еще с детства внушали, что стучать – это плохо, гадко. Если бы они мне предложили по-серьезному: «Дорогой товарищ Савенко-Лимонов, мы хотим направить вас в академию КГБ», я бы, наверное, пошел. Но стучать, быть какой-то шестеркой – отказался. Тогда мне подсунули бумагу о моем выселении из Москвы, катитесь, дескать, к такой-то матери в Харьков. Я подписал эту бумагу и собирался было уходить. Но тут меня остановили и говорят: «Знаете, наш большой начальник предложил, почему бы Савенко-Лимонову не уехать за границу. Насовсем». Я говорю, куда же я уеду, я ведь не еврей, и жена моя не еврейка, у нас нет никаких формальных оснований для отъезда. «Мы вам советуем заполнить анкету на выезд, – сказали мне, – препятствий чинить не будем».

Тогда, поразмыслив о том, что раз уж на меня положили глаз, я решил, что покоя мне не дадут. Уезжать, конечно, не хотелось. Я ни в чем не участвовал, не был, не состоял, жизнью был очень доволен. Только что женился на женщине, которую любил, зарабатывал какие-то деньги шитьем брюк, писал высокооцениваемые специалистами стихи, имел массу друзей, знакомых. Не собирался я никуда уезжать! И вообще никуда не собирался из Москвы. Правда, где-то внутри сквозило любопытство: что там у них за бугром происходит, на другой стороне глобуса? Но я понимал, что русскому человеку это любопытство осуществить невозможно. Мы понимали, что нас все равно никуда не выпустят. И тут мы с Леной решились – поедем. Тем более что уезжали друзья, художник Бахчанян со своей русской женой, Юрий Мамлеев, писатель. КГБ выбрасывало из страны «чуждые» с их точки зрения антисоциальные элементы.

Вот как пришлось Эдуарду Лимонову покинуть Москву и Родину. Как тем российским мыслителям, которых тоже заставили покинуть Родину и стать пассажирами отплывшего 26 сентября 1922 года в Штеттин парохода «Обер-бургомистр Хакен». Наверняка и в двадцатые, и в семидесятые нашлись среди официальной творческой интеллигенции личности, которые потирали руки и приветствовали устранение соперников. Тогда, в начале семидесятых, писателю угрожал и арест. Что влекло за собой неминуемое заключение на немало лет. Его спасла дочь Юрия Андропова от второго брака Ирина. Она работала в редакции «ЖЗЛ», где познакомилась со многими интеллектуалами. Ирина убедила отца не сажать звезду поэзии андеграунда, а дать уехать за кордон. Она же помогла Михаилу Бахтину получить в Москве прописку.

Итак, после бесед в 1973 году с Антоном Семеновичем, молодым офицером в круглых позолоченных очках, Лимонов идет к Воронову. Соредактор журнала «Евреи в СССР» Саша Воронов помог с израильской визой сначала Бахчаняну, а потом и ему.

В 1974 году накануне отъезда завершает поэму на 17 страницах «Мы – национальный герой». Он уверен, что дойдет за недошедших. Видит себя пешеходом в Париже, актером у Антониони, портным для Дали, диверсантом-большевиком на белогвардейском сухогрузе «Барон Унгерн», декламатором Тютчева на Лазурном берегу, законодателем кулинарных пристрастий французов, оратором на трибуне ООН. Он докажет своим примером, что человеку по силам создать себя, а интеллектуалу, профессионально мыслящему гражданину, утвердиться, не отдавая государству напрокат свое имя. К этой

поэме писатель не раз обращается в своем творчестве, в рассуждениях. Назвал ее «конфетно-розовым» предвидением того отрезка его биографии, где приходит слава, признание, почитание.

Он покинул Родину, которая сочла его плохим гражданином. Взбалмошным. Хороший гражданин должен был безропотно держать язык за зубами. Жить по месту прописки. Состоять на учете в организациях. Платить в них взносы. Не торговать, подрывая советскую торговлю, самодельными сумками в ГУМе (Анну несколько раз задерживала милиция). Не шататься с художником Андрюхой Лозиным по чахлым окраинам северо-востока Москвы с этюдником. Не проповедывать ереси, будто жить больше, чем на рубль в день, есть преступление. Не дружбаниться с художниками-нонконформистами. Не ротозейничать. Не совершать прогулки по неведомому Парижу в костюме национального героя.

> *Летом как-то в жаркий день Лимонов шел по улице Фероньер и нес портрет философа Григория Саввича Сковороды замотаный в старую оренбургскую шаль. К нему подошли два туриста-англичанина и спросили что он несет. – Я – Эдуард и несу портрет. Туристы очень удивились а Лимонов подумал – В такую жару Григорий лежит в платке, мог ли он представить что о нем будут справляться два англичанина. И тут Лимонову представилась тягучая странная Украина – он чуть не заплакал. Но подумал он – тоска по родине – удел простых людей. Человеческие отношения существуют везде и мне остается только влезать в них. С этим решением Лимонов пошел дальше, настороженно прислушиваясь к звукам французской столицы.*

«Пил вино у Соостера, похмелялся у Кабакова, спал у Бачурина, спорил с Ворошиловым, шил штаны Эрнсту Неизвестному», – вспоминает он своих московских друзей. Последнее впечатление от советской действительности – гибкий коридор, по которому в Шереметьево заходит на борт авиалайнера. Вход на Запад охраняют два пограничника в мятых шинелях. На всю жизнь осталась обида за мятые шинели защитников Отечества, часовых.

Запад. Соединенные Штаты. Знакомство с одномерным человеком. Париж. 30.09.1974–1980

и коль уехали ребята на
Западе в чужую глушь
и я уеду, что же я-то!
Прощайте вы – мильены душ!

И вы – о редкие дороги!
И ты внизу – Хорезм. Памир!
И пусть к стране ми слишком строги
Уедем все. Нам чужд сей мир!

Первые остановки за кордоном – Вена, Рим. О Вене Лимонов позднее напишет: «город-музей (вальсы, моцарты, эрцгерцоги, улочки, по которым бродил полуголодный молодой неизвестный художник)». Город Вена лично для меня грустен, как его брат по навсегда утраченному имперскому величию Питер, Петрополь. Вена – зажиточный брат. Но и в нем путешественника угнетают тени прошлого величия. Первый ресторан, куда меня занесло в Вене, оказался любимым местом отдохновения Франца Иосифа. Строение напомнило киевский ресторан «Динамо» советской поры.

В Вену уже знаменитым Лимонов вернулся в 1988 году по приглашению зажиточного фонда, которым руководила невестка Пола Гетти, для участия в литературной конференции. В аэропорту его встретил на убитом «фольксвагене» давний приятель по московским этюдам Андрюха. Лозин постеснялся парковаться у шикарного отеля, прямо напротив здания Оперы.

– Подъезжай прямо сюда, на парадный вход, – скомандовал писатель.

Остановились. Лозин достал из багажника синюю сумку, которую услужливо забрал у него швейцар. Писатель прошествовал в солдатской советской шинели стройбата с золотыми буквами СА на черных погонах. О нем и о шинели написала «Франкфуртер Альгемайне» (в ФРГ это как «Правда» для СССР).

В Риме мне побывать не довелось. Как до 1974 года и

Эдуарду Лимонову, хотя еще в конце шестидесятых в стихотворении «Саратов» он живописал край на берегу южных морей.

Деревья над морем расцветая
и тонкий аромат распространяя
и люди босиком там ходят
Иные купаются, иные рыбу удят
Кто хочет умирать – тот умирает
и торговать никто не запрещает
В широкополой шляпе проходить
и тут же на песке кого любить

В Вене и Риме, по его собственному признанию, он столько внимания уделил музеям, что его стало тошнить от холстов и стендов. Стихи, сочиненные в Харькове и Москве, тут, за кордоном, ясное дело, никому не были нужны. Зато прохода не дает здешний сотрудник ЦРУ Умелец «профилактировать» – в юбке. И воркует, не напишет ли изгнанник о настроениях среди рабочих, угнетенных Кремлем. Пообещав сделать все возможное, писатель возвращается домой и приходит в замешательство. Вспомнил только одно настроение, настроение бригадира бригады коммунистического труда, который как-то на ночной смене признался, что готов лишить ближнего жизни, пойти на «мокрое», если бы светило грабануть миллион.

Все же статья была готова. Назло ЦРУ Лимонов высказался как на духу. Религиозное возрождение в СССР посчитал мифом. О диссидентах отозвался презрительно, потому что преимущественно в диссиденты идут люди, у которых нет таланта ни к писательству, ни к изобразительным искусствам. Гонорар ЦРУ превзошел все ожидания – двадцать пять тысяч лир. Три тысячи лир стоили две чашки кофе в кафе недалеко от посольства Соединеных Штатов в Риме.

Первоначально он намеревался попробовать закрепиться в Вене, но не нашел средств к существованию. Вскоре Елена и Эдуард получили разрешение отправиться в США, куда прилетели в феврале 1975 года. Там через год семейный корабль разбился о неустроенный быт, закончилась их совместная жизнь. Лимонов печатается в эмигрантской прессе, продолжает творить. В августе 1975 года редактор «Нового Русского Слова» Яков Моисеевич Цвибак (он же Андрей Седых и Моисей Бородатых как персонажи прозы писателя) зачисляет его корректором. Но знакомых новоиспеченный газетчик уверяет, что его приняли на ставку журналиста и лишь иногда он замещает корректора.

Первое в своей жизни и в Нью-Йорке интервью берет у перебежчика. В 1947 году в американский сектор Берлина с экскурсии в музее сбежал тридцатилетний майор Советской армии. Этот майор свободно владеет английским и французским, заочник академии. Просит политического убежища и мечтает бороться с коммунизмом. Его сначала отблагодарили двумя с половиной годами одиночки в подземелье, бункере и ежедневными допросами: подозревали как засланного. Потом дали работу по специальности, военного инженера. К пенсии предатель Родины заработал трехэтажный дом в очень хорошем районе и репутацию паталогического антисемита. Беседа с философом-человеконенавистником завершилась рассуждением последнего о том, что ожидал и что получил на Западе. Ожидал, что появятся крылья. Что полетит. Но не полетел. Упал. У персонажа рассказа о перебежчике Тихонове «Первое интервью» есть реальная фамилия (настоящая непонятна, как и многое в биографии этой личности). Это был Григорий Климов. Эдуард Лимонов однажды выразил непонимание шума вокруг книжек Климова: «После их чтения возникает желание проветрить комнату».

Лимонову в жизни пришлось повидаться с великим множеством современников, славе которых не стоит завидовать. Еще в Москве на приеме в посольстве Венесуэлы один латиноамериканский студент озадачил своей пафосностью и безапелляционностью. Много лет позже он узнал постаревшего студента в кадрах новостей. Это был «террорист века» Карлос, Ильич Рамирес Сантос.

Бахчанян считает, что до Нью-Йорка, пока изгнанник не прочитал воспоминания Троцкого, он не интересовался политикой. Думаю, это спорное мнение, точнее сказать, в Москве писатель не участвовал в политических акциях (очень жаль, что с Бахчаняном уже не поспоришь). Достаточно сказать, что в 1968 году писатель читал «Мои показания» Анатолия Марченко, «Хронику текущих событий» и спорил о прочитанном с Владимиром Гершуни. Этого вполне хватало для очень продолжительной посадки.

Нью-Йорк второй половины семидесятых для манхэттенского странника Эдуарда Лимонова превратился в лабораторию изучения капитализма. Что мы знали в СССР о нем кроме теории? Что можно расхищать соцсобственность, брать и давать взятки? Может, разве что фарцовщики и цеховики приближались к постижению его истоков. Как легендарный харьковский Сэм. Сэма забрали четверо неизвестных с шофером прямо из «Автомата»,

четыре дня голого, привязанного к стулу, пытали электричеством. Он так и не выдал налетчикам, что у него, студента Библиотечного института, есть хоть чуточка, кроме десятки в заначке. Хотя в подпольном харьковском мире жуликов и фарцовщиков его состояние оценивали цифрой за миллион вечнозеленых «бакинских рублей». Представим, если удастся, что это значило по ценовой шкале начала шестидесятых.

В Нью-Йорке, в городе своей второй юности, писатель побывал на дне и приобщился к вершинам состоятельности. Отели «Лэйтем», 29-я улица. «Винслоу», где, сидя на кровати за уродливым столиком, он создает первый свой роман «Это я, Эдичка».

– Я думаю, в новых условиях я оказался сразу под многими стрессами, под ударами шока соприкосновения с новой действительностью, личными какими-то неприятностями, хотя они, может быть, для другого человека ничего бы не значили. Совокупность всех этих причин побудила меня перейти к прозе. В то же время уже можно найти в моих вещах начала 70-х годов элементы перехода к прозе, в той же поэме под названием «Русское» – не в книге, а в поэме, входящей в этот сборник. Она написана совершенно прозовыми кусками. Позднее я написал поэму «Мы – национальный герой». Она тоже написана кусками прозы. То есть это был, очевидно, уже начавшийся процесс, который под действием новых обстоятельств, новой действительности убыстрился. Надо было вместить новый опыт, а старый жанр отказывался вмещать новое. Поэтому я отбросил старый жанр и стал писать по-новому, – объяснял в интервью 1988 года.

Его первый роман в переводе на немецкий в ФРГ издали с английским названием, которое в благозвучном переводе на русский звучит как «Америка, пошла ты на…». Книгу заметили после публикации на русском в 1976 году, а после выхода в ноябре 1980 года на французском она вызвала фурор. Ее мечтал экранизировать другой бунтарь в искусстве, Фолькер Шлендорф, много дискутировал об этом с Лимоновым, но проект не состоялся, не нашли продюсера. Одним из первых читателей рукописи был Михаил Барышников. После кончины Рудольфа Нуриева на его ночном столике нашли этот роман с пометками великого танцора. «Вашингтон пост» рецензию озаглавила: «Русская месть». «Лимонов выступает против приютившей его страны с яростью, которой позавидовал бы Ленин!» – говорилось в ней.

Сегодня автор следующим образом оценивает свою пробу пера – ему первый роман «…напоминает «Страдание молодого

Вертера». Я себе нравлюсь как поздний Гете, знаете, я в гетевской модели размышляю».

Отель «Эмбасси», где Лимонов прожил восемь месяцев и куда бежал, чтобы не сталкиваться нос к носу с назойливыми и бесцеремонными землячками. В «Эмбасси» его не забыл и навещал один только литературный персонаж Злобин, в действительности Ян Евзлин. Тут, на дне, обитали несколько сотен отверженных. Среди них один белый, изгнанник, который намеренно поселился в незнакомой и чужой среде. Его утомили стенания и неизменная тяга соотечественников прибедняться, жаловаться, сплетничать и лицедействовать. После всеобщего причитания и ханжеского оханья его окружили афро-американский крик и хохот. Опасность быть ограбленным или униженным на нью-йоркском дне для воспитанного на Салтовке Эда, Совы, была понятной и предсказуемой. Он сразу поставил на место первого нападавшего. Здоровиле-вымогателю десятки врезал и ответил встречным требованием десятки для себя. Услышал уже ставший привычным хохот. Его приняли за своего. Главное – дать понять, что не боишься. Раз и навсегда. Как наставлял на Салтовке урка Толик Толмачев. Контролируй свои движения и изменения мышц лица. Иначе малейшее замешательство, заискивание растолкуют как слабость.

Позже отель купили японцы. Здание перелицевали в неуместно дорогой и, на взгляд писателя, глупый комплекс апартаментов.

В Нью-Йорке Эдуард Лимонов одолевает английский. Со словарем корпит над «Философией Энди Уорхола». Стремился узнать, как чешский эмигрант стал эдаким «Дуче поп-арта». Другие настольные книги – изданная в Лондоне биография Бенито Муссолини «Дуче» объемом в 400 страниц, «Реминисценции Кубинской гражданской войны» Че Гевары.

Отель «Эмбасси» знаменит еще и тем, что в нем в 1950-х арестовали героя тайной войны СССР и США Фишера – Абеля. Свидетель мнимого триумфа ФБР старенький менеджер отеля Кэмпбэлл продолжал работать и в семидесятых. Сам разведчик позднее делился подробностями ареста с друзьями в Москве. Он уже ударился в бега, но вынужден был вернуться в отель забрать подотчетную валюту.

В жизни с Уорхолом у него были три короткие встречи. Последняя – в Париже. Энди запомнился лунными волосами альбиноса и характерным лицом. Лунный Чех. О пути художника высказывается в рассказе «Quarter Энди Уорхола»: «Я верю в то, что однажды он сделался очень зол я имею в виду – серьезно зол,

на этот мир. А это есть наилучшее состояние из всех, что могут случиться с человеком. Исключительно редкое также, вряд ли и один из десяти миллионов когда-либо испытывает его. В этот момент злой, как все дьяволы ада, человек может выбраться в зачеловеческую область. Побывав там однажды, он будет помнить это путешествие всегда».

Эдуард трудится в США в поте лица. Прилепин в биографии Лимонова указывает на тринадцать профессий, которые он осваивал в США. Вкалывал, где придется. Научился копать и заливать фундамент. Устанавливать рентгенаппараты, помогая Лене Косогору перепродавать подержанную медицинскую аппаратуру. Леня Косогор – колоритнейший персонаж с симферопольским акцентом. Опекал Лимонова как отец, годился ему в отцы и по возрасту: «Леня был хороший кусок Родины и традиций в чужой стране». Создал литературный клуб и рискнул стать писателем. Но промучившись год над одним-единственным рассказом, охладел к писательству. А поначалу вознамерился потягаться с Солженицыным. Больше него сидел, десять лет. От звонка до звонка.

«Талант не измеряется количеством лет, отсиженных в лагере», – подумал, но не сказал ему писатель. И написал трагикомичный рассказ «Портрет знакомого убийцы».

Лимонов работает грузчиком у начинающего бизнесмена Алешки Шнеерзона. Сын московского профессора попал в СССР в психбольницу и места заключения. О чем он по всякому поводу напоминал, демонстрируя некую якобы лагерную одежду, которую умудрился пронести через советскую таможню и надеть на себя перед выходом на трап самолета по прилету в свободный мир. Шнеерзон начинал грузчиком, потом перечитал в прессе бесчисленное количество рекламы грузоперевозчиков и решил, что и он достоин большего. Организовал фирмочку, предложив Лимонову подзаработать. Первые его клиенты были связаны с еврейскими религиозными общинами. Перед встречей с ними Алеша Шнеерзон надевал черную кипу. Его подчиненный, лишний раз демонстрируя салтовское своенравие, обходился без нее. В упомянутом рассказе жалеет: может, помешал собрату по эмигрантским будням заработать лишнюю десятку сверху?

Однажды в порту подошел к судну под красным флагом с серпом и молотом. Разговорился с капитаном. Мореплаватель к нему сначала обратился по-английски. Перед ним стоял манхэттенский лохматый бродяга, одно стекло очков расколото, плащ цвета асфальта в мазутных пятнах, растоптанные вроде ван-гоговских башмаки. А оказался соотечественником. Удивился, что у американца нет денег на одежду. Русский украинец Эдик

Лимонов захотел нагрубить. Капитана бы в его шкуру. В отель, на его десятый этаж, конуру номер 1026 с лозунгом Бакунина «Разрушение есть созидание» на плакате над койкой, за которую платит 160 из 278 долларов месячного пособия. В рутину оббивания порогов издателей, которые отказывают ему в праве обличать рожу их общества в зеркале прозы.

С января 1979 по май 1980 года Лимонов трудится управляющим, дворецким, хаузкипером в нью-йоркском особняке Питера Спрэга. Владелец несметных активов и сокровищ, внук строителя городского сабвея исповедывал веру в то, что деньги есть не что иное, как раскрашенные бумажки. И например, сгоревший под окном «Астон-Мартин» – не повод расстраиваться.

За пять лет Лимонов собрал полную информацию о западном строе, он общался с людьми всех слоев общества, от низших до высших. «Только тот, – писал он, – кто вынужден был лично испытать на себе все проблемы жизни простого труженика на Западе: искать работу, квартиру, быть без работы – имеет право сказать, что знает жизнь чужой страны. Чужого строя».

На Западе, уже в США, Эдуард Лимонов усвоил, что одномерность вознаграждают, лояльность поощряют, а о порядочности желательно позабыть. Он познал цену тамошней свободе выражать собственную точку зрения. Пишет статью «Жить не по лжи»: «Мне сказали, что в Калифорнии некий бывший крупный работник марксистского института пишет книгу о левых художниках и их выставках. О самиздате рассуждают люди, которые его в глаза не видели. Повторяю, да, советская власть плоха, но еще страшнее вывезенный оттуда советизм внутри человека. И это именно он заставляет безобидного обывателя, попавшего на Запад, надуваться, корчить из себя борца. Сценаристы, песенники, фельетонисты, фотографы, переводчики строчат, забывая о том, что стыдно после драки (в которой, кстати говоря, не участвовали) размахивать кулаками. Стыдно!

И опять о Союзе писателей. У некоторых авторов читаем: «Союз писателей – филиал КГБ». У других (их много больше): «Поэт был исключен из Союза писателей… Вы исключили Солженицына, а теперь…»

Вовсю курится фимиам тем, кто осознал свои ошибки, но недостало фимиаму на тех, кто ошибок не совершал, всегда знал, что такое советская власть, и к ней на литературную, самую нехорошую службу не шел. Достанет ли когда фимиаму на святого, патриарха 3-й литературы, поэта, художника, учителя жизни, мудреца, прожившего всю жизнь с простыми людьми в бараке (там он живет и сейчас) Е. Л. Кропивницкого? Заслонили его громко кричащие. Так быть не должно. Так нельзя.

А по относительной моей молодости, признаюсь, хочется мне порою крикнуть некоторым, дабы остудить их пыл: “А чем вы занимались до такого-то года?”».

Потом он публикует статью «Разочарование». Непризнанный официозом в Москве изгнанник оказался теперь востребован в СССР. В 1976 году приложение к «Известиям» еженедельник «Неделя» перепечатал «Разочарование». За «Неделю» в Штатах очутился на улице. Вот тебе и права человека.

Сапгир зарифмовал лимоновский анабазис: «А что Лимонов? Где Лимонов, как Лимонов? Лимонов партизанит где-то в Чили, Лимонова давно разоблачили. Лимонов – обладатель миллионов, Лимонов – президент «Юнайтед Фрут». Лимонова и даром не берут…»

Пишет ответ критикам «Разочарования» и озаглавливает его «Нетерпимость»: «Можно жить в СССР и не быть советским человеком. Я таких людей знал! А можно выехать в самую свободную страну мира и остаться пленным, скованным, несвободным».

После первого романа создал в 1977 году «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь». Если поэму «Мы – национальный герой», как уже говорилось, называет «розово-конфетным» предвидением своего будущего, то в «Дневнике неудачника» содержатся озарения о грядущих испытаниях, войнах, на которых побывает военным корреспондентом. Он еще тогда пророчествовал о смуте в Восточной Европе, о руинах Советской империи. Он создает свой литературный стиль. Пусть иные «работают над книгами». Эдуард Лимонов не работает над книгами, а создает их, занимаясь множеством других дел. Ему смешны те, кто корпит над очередной страницей и пишет, словно разливает вареные ослиные мозги.

Париж. Москва. «Дисциплинарный санаторий». Шиздом. 1980–1991

В Париж Лимонов перелетел в восьмидесятом, в мае. По русскому обычаю присел на постель в комнате особняка на берегу Ист-Ривер, где оставлял должность управляющего, и с парой чемоданов в одном самолете с актрисой Настасьей Кински пересек Атлантику. Начинался долгий путь обратно на Восток с остановкой на четырнадцать лет в Париже. Он гордо пытается существовать на литературные доходы. На банковском счету остается несколько тысяч франков. За отапливаемую камином (хотя хозяйка запретила его разжигать) каморку-студию платит месячную аренду 1300 франков. Еще надо покупать ленту для пишущей машинки. Бумагу. На пропитание собирает выброшенные подгнившие овощи, на отопление – ненужные ящики. Стойкость духа поддерживает и питает опыт куда более голодной жизни в Москве и США. Воспоминания о Штатах мрачны. Понимает, что технократу они всех милее. Но как человек искусства видит бесспорное: «…аррогантную и жестокую нацию бывших бедняков, вампирами сосущих небо и землю. Оптимистично-скалозубые, они верят в прогресс, как германцы накануне войны, только нацисты не были ханжами».

– В мае 1976 года вместе с приятелями я устроил демонстрацию протеста против газеты «Нью-Йорк тайме», которая отказывалась нас печатать. Мы ходили с плакатами, послали письма многим иностранным и американским журналистам. Пригласили и советских журналистов. Но никто не пришел. И советские – ни гу-гу. Но я не озлобился. В 1980 году меня пригласили на Олимпийские игры поэзии. Они проходили в Лондоне. Из многих стран мира прилетели поэты. Я не представлял Советский Союз, но меня пригласили, поскольку ни Евтушенко, ни Вознесенского не пустили в Лондон, – рассказывает.

– Я прочел стихотворение о русской революции. Мы стояли на мемориальных плитах с урнами – с прахом английских поэтов, писателей. В присутствии архиепископа я образно представил публике русскую революцию в виде красивой молодой девушки. Там была строка: «Целую руку русской революции…» Газета «Санди миррор» на следующий день раздала премии, я получил бронзовую медаль. [Медаль с надписью «За наглость». – *М. З.*] Газеты писали, что, когда господин Лимонов целовал руку русской революции, не оказались ли его губы в крови. И снова я

был удивлен таким обстоятельством: устроители поэтического шоу пригласили телевидение разных стран, и журналисты снимали концерт, но советское телевидение отказалось приехать.

«Он никогда так и не научился врать в обмен на обед», – пишет о себе в третьем лице в рассказе «Париж-1981».

Первая книга переводной прозы писателя наконец увидела свет в восьмидесятом во французском издательстве «Рамзэй». С 23 ноября 1980 года она появляется на полках книжных магазинов. Четырнадцать лет французского периода жизни и творчества превращают его в мировую знаменитость, ежегодно появляется минимум одна книга на французском, его переводят во многих странах. Он принимает активное участие в интеллектуальной жизни Франции. Сначала попытался познакомиться с Луи Арагоном, мужем сестры Лили Брик Эльзы Триоле. В сентябре 1974 года накануне эмиграции Лиля Брик снабдила Лимонова ворохом рекомендательных писем.

Лиля Брик помогала великим украинцам. Сергей Параджанов подарил мне в 1978 году свою фотографию с Лилей Брик Валерия Плотникова. И восторгался Брик за то, что заставила Луи Арагона лично просить Леонида Ильича об его освобождении.

Луи Арагон ушел в мир иной, но его душеприказчик и последний секретарь Жан Риста поддержал странника. Уже в 1982 году Лимонов становится постоянным автором литературного журнала «Диграф», интеллектуального еженедельника французских коммунистов «Революсьен». Лично знаком с членами ЦК ФКП. Некролог о Жане Жене в «Революсьен» доверили перу Эдуарда Лимонова. Тогда он, возможно, не мог представить, что подобно Жану Жене вскоре будет преследуем и отвергаем. За период 1980–1986 годов Лимонов не встретил ни одного упоминания в прессе Франции о Жене, о мыслителе, на взгляды которого навесили ярлык политической некорректности. В «Священных монстрах» замечает, насколько мертвый писатель всегда предпочтительнее обществу, чем живой. И что после 1986 года о Жене исписали тонны бумаги.

В 1982 году знакомится в США с Натальей Медведевой, будущей героиней романа «Укрощение тигра в Париже». Яркая «герл-френд Наташка» – еще одна странница, которая осмелилась попытаться завоевать Запад.

Она родилась 14 июля 1958 года в Питере на канале Грибоедова в семье санитарки и матроса береговой охраны. Окончила музыкальную школу по классу фортепиано, в 16 лет впервые вышла замуж и вместе с супругом уехала в Америку В 1975 году в Лос-Анджелесе начинается ее карьера манекенщицы. Работала на подиумах США, Японии, Европы, о чем позже

написала в книге «Отель “Калифорния”» в 1987 году. Брала частные уроки актерского мастерства, истории сценического костюма, занималась эстрадным вокалом в Лос-анджелесской консерватории, пела в ночных клубах, ресторанах и кабаре на бульваре Сансет (в ее репертуаре отрывки из бродвейских мюзиклов и русские романсы). В 1982 году влюбленные едут в Париж. Здесь Наталья выступала в кабаре и ресторанах с концертной программой, позже представленной на компакт-диске «Париж-Кабаре Рюс» (записан в Париже летом 1993 года).

В 1988 году Лимонов разочаровался в ФКП. «Юманите» обращается к политбюро французской компартии за разрешением напечатать его статью «Мазохизм как государственная политика СССР при Горбачеве». Следует отрицательное решение, остереглись обидеть Кремль. Статью «Мазохизм – государственная политика СССР времен перестройки» Лимонов опубликовал в 1990 году в «Собеседнике». Писатель обвиняет горбачевскую перестройку в разрушении коллективной ментальности советских людей. Код, устои общежития и поведения людей были разрушены. Но взамен уничтоженных устоев не возникло новых оснований, твердых, обеспечивающих и охраняющих созидательное начало общественной жизни. Писатель подвергает осуждению покаяние без границ на примере фильма «Покаяние», высмеивает намерения пролить свет на все преступления в советской истории: «Но ведь история и есть летопись преступлений».

Лимонов принимает решение сотрудничать с крайне правыми, близкими к Ле Пену, изданием «Choc du Mois», становится членом редколлегии сатирического еженедельника «Idiot International», который в 1973 году основали Сартр, де Бовуар и друг Лимонова Жан-Эдерн Аллиер. Некоторое время журнал не издавался, вновь вышел в свет в 1989 году. Тираж некоторых номеров достигал 250 тысяч. Жан-Эдерн не только привлек к работе Лимонова, но и заставил его писать по-французски. В их коллективе работал и Мишель Уэльбек. Именно тогда издательство «Фламмарион» и получает план книги Лимонова «Дисциплинарный санаторий», которую писатель создал в 1988–1989 годах.

На мой взгляд, «Дисциплинарный санаторий» – одно из самых тяжкочитаемых произведений писателя, является до предела ясным и непредвзятым диагнозом упадочного состояния капиталистического Запада. Передового и прогрессивного общества там нет и быть не может. Запад стоит на математизации отношений в обществе, насильственной социализации человека.

На той классовой эксплуатации, неуверенности человека в завтрашнем дне, которую так неумело, кондово расписывала советская пропаганда, но с которой мы на постсоветских просторах познакомились во всей красе. Из чего следует, что приевшиеся нам заклинания отечественных политиков и мыслителей о неотвратимости нашей как бы евроинтеграции пустопорожни. Даже вредны. Миф о благотворности европейских ценностей развеян.

Писатель, как и почитаемый им Константин Леонтьев, с отвращением наблюдает за буржуа в кургузом пиджачке. Он пишет в последние годы постоянного жительства на Западе книгу-разоблачение, много статей-разоблачений и помогает разобраться в первоистоках той жуткой действительности, которая окружает нас сегодня дома. Действительности психсанатория.

> *…санаторный человек уверовал в возможность переделки истории простым переписыванием ее…*
>
> *Разоблачения революций и эпох, пересмотр истории не следует ли объяснить комплексом неполноценности населений санаториев по отношению к эпохам героическим, мужественным и в известном смысле более свободным?*

Сам же переход к осмыслению себя на Западе и в родных землях занимает у Лимонова длительный период. В основе, как он полагает, столкновение, противопоставление, конфликт. В прошлом остались частные конфликты. Харьков – подросток Савенко. США – русский поэт. ФБР – критик США. Франция – интеллектуал. Когда осточертело просиживать в очередях с другими ущемленными в правах каждые три месяца для получения вида на жительство, вступает в борьбу за французское гражданство. Французская контрразведка ставит ему палки в колеса. С 1983 года начинает переписку с французскими министерствами. Получает тридцать ответов. Французские интеллектуалы выступают в его защиту. Депутаты-коммунисты, философ Деррида, сюрреалисты Супо и де Модьярг, Франсуаза Саган. Больше ста подписей. Газета «Либерасьон» дважды по два разворота посвящает одной проблеме «Лимонов и французское правительство». В 1987 году наконец добился французского гражданства. А кто, забегу вперед в жизнеописании писателя, осудил дискриминацию в 1999–2007 годах Эдуарда Лимонова на Родине-«неньке»? Единицы. Кто-то ханжески решит в оправдание привести те или иные его политические высказывания. А разве мы сами всегда высказывались так, что не заслужили критики и

сомнения? Последние двадцать лет Эдуард Лимонов противостоит лжи и тоталитаризму постсоветских режимов:

– Я не могу быть одиночкой. В конце восьмидесятых я задумался и даже начал болеть – у меня грудь болела: я не мог представить, как жить дальше. На тот момент во Франции было опубликовано семнадцать моих книг, я был признан, наверняка стал бы членом Академии, как Тарасов (Анри Труайя). Я еженедельно писал статьи для французского журнала, ну правили бы меня, подумаешь!.. Талант – все равно талант. Но такая жизнь мне была не нужна. Хотелось дела, которое выходило бы за пределы моей личности и жизни. Я это нашел в политике. Тут каждый день борьба…

В Будапеште около восьмидесяти литераторов со всего мира собрались 20 июня 1989 года на конференцию. Чеслав Милош стал заунывно, по бумажке, по-агитпроповски толковать о советской власти как империи зла. Снова возмутителем спокойствия становится Эдуард Лимонов, как ни пытался председательствующий лишить его микрофона. Писатель просветил собравшихся, что не один Сталин подписывал соглашения с Третьим рейхом. Напомнил о польско-немецком договоре, о Мюнхене, об оккупации польскими войсками Тешина в Чехословакии в 1938 году. Пояснил, что двадцатый век – век вторжений. Что в этот век в международных отношениях советская власть была куда менее кровопролитна, чем Запад. Теорию века вторжений Лимонов изложит в статье от 23 февраля 1991 года в «Красной звезде».

С конца восьмидесятых конфликты Эдуарда Лимонова перерастают из интеллектуальных еще и в жизненные, физические. Он становится на сторону политически некорректных сил, некорректных для буржуа, мещанина. Это ведет бунтаря на фронт, к созданию национал-большевизма. К аресту 2001 года и узилищу. Он всегда стилен, ярок и неповторим. Он бунтует.

В 1989 году Юлиан Семенов печатает в журнале «Детектив и политика» рассказы Лимонова «Коньяк “Наполеон”» и «Дети коменданта».

– Свободный стихотворец в Москве, я многие годы презирал запятые и утверждал, что даже самый вид запятой вызывает во мне отвращение, – пишет Эдуард в рассказе «Коньяк “Наполеон”». По иронии судьбы в газете русскоговорящих эмигрантов тогда, в 1975 году, ему, искавшему любой заработок, нашлась работа корректора.

Первая публикация прозы в СССР. Первый шок. Произведения редактируют без ведома автора.

Странник впервые возвращается домой в том же 1989 году. В первый или второй вечер снова потрясен. В ресторане «Олимпийский» гуляют нувориши, кооператоры, бандиты. К офицеру милиции обращаются как к своей прислуге. В России всегда умели унижать…

В декабре 1989 года он гостит у родителей в Харькове шесть дней. Можно себе представить, как был расстроен. Позади несовершенный, но благополучный и сытый Париж. А тут руины перестроечных ускорений. К Харькову Лимонов всегда оставался неравнодушным. Однажды противопоставил его Киеву:

– Пусть Харьков на первый взгляд скучен как город университетский и заводской. Но Харьков переживает жизнь, нервничает. Тоньше, неврастеничнее и интеллигентнее Киева. – И неожиданно сравнивает Киев с «Вавилоном на Гудзоне»: – Киев похож на Нью-Йорк по провинциальному психологическому складу, самодовольно нагуливает жиры над Днепром, его обыватели толще и спокойнее…

Возвращение в Москву, Россию, домой вызывает у писателя стойкое ощущение нашего нормального сумасшедшего дома. Позади западная богадельня. А впереди все тот же исконный «шиздом». По улицам, по жизни бродят толпы непонятных людей. Нищенки с котомками времен воцарения Романовых, хиппи из Штатов шестидесятых, юродивые панки, поп-выпускники литинститута, неотесанные генералы прямо из анекдотов, опереточные казаки… Нация не нашла своего единого, ей принадлежащего стиля. Рассыпается невпопад на мелкие группки, исповедующие заимствованную веру со своей одеждой, жаргоном, прическами. Преклоняется перед соросами и давосами, мечтает о «гребаном» ВТО. Все новинки подобно «аум синрекё», «белых братств», фокусов Мавроди моментально приобретают окапитализированную оболочку и уже на продажу выставляют глянцевых политиков и розовощеких банкиров. Гламурный рай.

Перед окончательным прощанием с Францией Лимонов успевает издать на французском «Дисциплинарный санаторий» и «Убийство часового». Первое название издатель изменил на хлесткое «Le Grand Hospice Occidental» – «Великая богадельня Запада». Вспоминает: «На рубеже 1988 и 1990 годов я перестал заниматься художественной литературой и стал размышлять и пытаться посмотреть на мир и цивилизацию. И первым трудом моим в этом жанре была книга «Дисциплинарный санаторий». Я ее написал достаточно рано, хотя она была издана и по-русски и

по-французски».

В ноябре 1991 года на французском выходит роман «Иностранец в родном городе» о конце Советского Союза, о путешествии в Россию 1989-го. Великий народ стал видеть свою историю как несправедливое насилие и цепь преступлений. Великий народ уверили в сомнении. Великий народ перестал быть Великим.

Международное признание приводит его на Балканы. Первый визит в Югославию состоялся в октябре 1989 года. Лимонов получил приглашение на литературную встречу. Не замечает тайных знаков войны. Разве что чудовищная инфляция – получает в холле отеля «Славия» три миллиона динаров на карманные расходы. И крайне высок накал перепалок хорватских и сербских политиков. А война тлеет. Тлеет под больными человеческими отношениями.

Союз трещит по швам, в Югославии разгорается пламя гражданской войны. Эдуард Лимонов – ее летописец. Его репортажи печатает сербская газета «Борба».

Берет интервью у главных командиров. Аркан. Бадза. Зима 1991 года. Среди руин Вуковара, на главной площади неизвестный сербский солдат пожимает ему руку. Этот солдат читал статьи Лимонова в «Борбе» и даже после искал в магазинах его книги. На мосту «25 Мая», названном в честь дня рождения Тито, возникает чувство принадлежности к братству, людям войны, рождается балканская военная мелодия.

…Однажды…
…в войне на Балканах
…в ледяном декабре…
…Однажды за Дунаем-рекою,
…за мостом «двадцать пятого мая»
…там, где гаубицы и мешки с песком…
…неизвестным солдатом двадцатого века был и я никому не знаком…

Москва. Алтай. Арест. 1991 – апрель 2001

Школьником Эдуард Лимонов мечтал о путешествиях. Мечту осуществил:

– Большому кораблю – большое плаванье. Чтобы понять, большой ли ты и сильный корабль, нужно выдержать большие бури.

Мир видимый неотвратимо отдает свои тайны одну за другой. Поэма о будущем признании от 1974 года подтвердилась потрясающим для писателя из Восточной Европы успехом в литературном мире в восьмидесятых. Предвидения от 1977 года начали оживать к концу восьмидесятых. Приходят озарения, взрослый мечтает возопить правду, подобно мальчику Андерсена, громко, как это удалось ему маленьким, спасая советского моряка на балете «Красный мак», во весь голос крикнуть, что король-то голый.

Осенью 1990 года он печатает в «Известиях» статьи «Размышления у пушки», «Больна была вся Европа». Предостерегает тех, кто упивается радостью разделить и уничтожить Советский Союз. Защищает идеологию советского интернационализма. Пусть для иных это ругательное понятие. Не боится высказываться в защиту. Уж его-то не заподозришь в конъюнктуре. Он от советской власти немного получил, она его даже гражданства лишила.

Если быть верным строгой хронологии, писатель со скромной поклажей (основное – ксерокс) после 14 лет Парижа на постоянно улетает в Россию 26 марта 1994 года. Художник Игорь Андреев подарил семье французских богачей Шломберже картину и взамен попросил ксерокс. Лет пять портативный «Кэнон» помогал национал-большевистской партии и газете «Лимонка». Наверное, более внимательный читатель и знаток произведений Эдуарда Лимонова приведет не один аргумент за и против, что все же не один распад Советской империи знаменовал качественно иной этап его биографии. Мне же хочется подчеркнуть условность привязки к одному году. Просто он исторически, фактологически значим.

В 1991 году в октябре заканчивает после немалых проволочек со стороны властей оформлять отобранное в 1974 году гражданство, но СССР приказал долго жить, и только в 1992 году Лимонов получает российский паспорт. В 1991 году для Эдуарда

Лимонова, и не только для него, происходит планетарное событие, значительнее падения Римской империи.

– В огромной степени СССР разрушила номенклатура, зажиточные слои, советская интеллигенция, – не устает аргументировать и иллюстрировать данный тезис. – Упрямые, самоуверенные, воинственные, агрессивные, истеричные. Каждый – маленький, нетерпимый к другой идеологии Пол Пот… Ради осуществления своих светлых идеалов капитализм сгноят, угробят миллионы, замучают голодом. Чтоб восторжествовала их светлая правда. При этом полуграмотны. Воспитаны по устарелой гуманитарной классической системе. Клянутся Мандельштамом, бранятся Маяковским. Продукты затхлости и герметизма. Мира за пределами России не знают. Слепые и наглые.

В этой связи его оценки во многом схожи со взглядами Параджанова.

– Каким видится будущее Украины?

– Никаким не видится… – ответил однажды еще в восьмидесятых Параджанов и пояснил свой скепсис оценкой украинского характера: – Хуторянство и трусость. Научились только уничтожать друг друга, и все. А мужественных – единицы.

Могу добавить. Летом 1978 года фланирую по Невскому. Студента-практиканта в «Интуристе» приветило руководство и поощрило разрешением сопровождать группу американцев по маршруту. Мне двадцать один. Жизнь казалась прекрасной. И вдруг прямо перед собой вижу, как навстречу идет школьный товарищ Сурен с отцом Сергеем Иосифовичем. Памятен тот вечер. Колодец-дворик из Достоевского, полуподвальная квартирка фотографа Плотникова, обжигающий глинтвейн. Рассказы-портреты, рассказы-картины переживаний. Сергей Параджанов только обрел свободу. Он делился горькими воспоминаниями. Горевал, как низко может, но не должен пасть человек, наш человек. Помню его слова о гнилости коммунистической партии. И что не все, возможно, утрачено. Могут же спасти ее порядочные люди? Или КПСС и само государство обречены? Кстати, а сегодняшние коммунисты, как они себя чувствуют в законсервированных парламентских фракциях в Москве и Киеве? Параджанов сокрушался о низости известных и ему и мне личностей, жалких хуторянах и трусах. О том, что великие соотечественники ими ненавидимы.

Советская-постсоветская приближенная к власти интеллигенция – достойный отряд в армии независимого приспособленчества. Она смешна. Ее злобствование карикатурно и мелко. Все, кто не с ними, предаются анафеме. И сейчас в 2010

году на нашей шее сидит тот же класс «пиджаков», класс новой буржуазии, который, по мнению Эдуарда Лимонова, сформировался в послевоенном СССР и привел к его краху А писатель предостерегал:

– «Рынок!» – кричат. Даже деревенскому психиатру давно уже ясно, что в социально нестабильной стране с больной душой любая самая гениальная реформа провалится.

Его анализ строился не только на собственном опыте выживания при капитализме. Он фундаментально изучает классиков экономической мысли, докапывается до основ ее эволюции, начиная с Адама Смита. Доказывает, что искусственное и декларативное одемокрачивание постсоветских государств ведет к беде:

– Опыт жизни на Западе научил, что демократия – это роскошь богатых стран. Как «роллс-ройс». Многие на него облизываются, но не многие могут себе его позволить.

Вспоминает, как сравнил Иван Бунин немецкого крестьянина и русского мужика. Немец с клочка земли в поте лица снимает обильные урожаи. А наш стоит на краю соседского помещичьего поля и мечтает о нем. Мне бы эту землю, я бы там… Так и советские люди пожелали себе, чтобы как у них там…

Полемизирует с обожателями Запада, стремится развеять сказки о развесистых клюквах Запада, спорит с А. Собчаком, С. Федоровым, Н. Шмелевым. Руководителей новых государств сравнивает с неумехами, которые не знают, что находится на приборной доске управления, на какие кнопки нажимать. Научились только у диссидентов шестидесятых кричать, что коммунисты загубили Россию, и проклинать тоталитарный режим:

– Правьте… И что же? Недостаточно иметь идеи.

В феврале 1992 года Эдуард Лимонов прилетает в Россию на съезд Народно-патриотических сил. Знакомится с Анпиловым, Жириновским, Зюгановым, Дугиным. Утверждается в мысли о неотвратимости собственного партийного строительства в России. Упор на политическую журналистику в период с декабря 1989 по февраль 1992 года счел недостаточно продуктивным. Его неприятие пути, который после распада СССР избрали лунатики и деревенские идиоты, требует прямых действий. В Москве поначалу выглядит белой вороной. Среди разодетых, как успешно ворующий цыган, политиков появляется военный корреспондент прямо с Балкан, в матросском бушлате с пуговицами с якорями, в пролетарской купленной в Черногории албанской кепчонке и

сапогах.

Поначалу сближается с Жириновским, ВВЖ. В 1992 году последний представляет его главой Всероссийского бюро расследования своего теневого кабинета, бюро похлеще всяких разных Бундеснахрихтендинст и Сигуранц. Тогда же расстаются. ВВЖ возлагал немалые надежды на «железного Эдика»: – Эдуард нас всех посадит, как и полагается ему по должности… Умный человек, во-первых. Во-вторых, человек, способный к планомерной, похабной, буквоедской, бюрократической работе, который возьмется за что-то когтями и не выпустит из рук. Жуткий педант, что касается подчиненных.

Лимонов сравнивал ВВЖ и Егора Гайдара:

– В конце 60-х – начале 70-х у меня был приятель – художник Виталий Стесин (кстати, он жил недалеко от нынешней штаб-квартиры ЛДПР – в Луковом переулке). Он был настолько эксцентричным типом, что ходил летом в меховом пальто и приклеивал к черепу уши клеем БФ-2. Такая вот была у него странность: думать, что его уши слишком далеко отстоят от черепа. Теперь, если вы присмотритесь к нашему Гайдару… к нашему общему горю, и присмотритесь к ВВЖ, то заметите, что между ними существует какая-то неуловимая похожесть. Как будто один из братьев – тихий, другой – буйный, но нечто общее, действительно, есть.

В 1992–1993 годах Лимонов попытался принять участие в создании Национал-радикальной партии. Не удалось. А с мая 1993 года начинается история Национал-большевистской партии, нацболов. 1 мая 1993 года в Москве на Горбатом мостике у Белого дома Эдуард Лимонов и знаток девяти языков философ Дугин пишут приказ № 1 «О создании Национал-Большевистского Фронта»:

– До настоящего времени две идеологии – национальная и социальная – объединялись на уровне компромисса, прагматичного временного союза. От якобинцев, через Николая Устрялова и Эрнста Никиша до «Юной Европы» Жан-Франсуа Тириара. В национал-большевизме они сольются в неразделимое целое».

В октябре 1993 года Лимонов был первым в списке добровольцев – защитников Белого дома. Подъезд номер один с набережной первые сутки охраняют писатель, тридцатилетний парень и два милиционера. На четверых – два ментовских табельных пистолета Макарова. Вот было бы зрелище для ребят Салтовки! Штурмовал телецентр Останкино. С оружием –

записной книжкой. Потом две недели скрывался на окраине Твери в квартире дальних родственников студента Рабко, будущего товарища по партии. В эти дни в теленовостях сообщали то о ранении, то о гибели Лимонова.

Ветерану знаком запах пороха. С 1991 года – военный корреспондент. Со всеми знаменитыми полевыми командирами девяностых, исключая чеченцев, познакомился лично: «Я заслужил право быть лидером оппозиции. Я отвечаю за свой базар жизнью и шкурой».

В 1993 году пробует силы на выборах в Государственную Думу РФ по Тверскому округу Через два года выдвигает свою кандидатуру в Госдуму в Москве. Избирком поначалу вносит в бюллетень фамилию Савенко. Писатель протестует, требует записать других кандидатов под настоящими фамилиями (Голиков – Гайдар, Эйделыитейн – Жириновский). Побеждает в споре с государством и участвует в кампании как Лимонов. Подсчет голосов и итоговые показатели в графиках избиркомов не вызывают ничего, кроме отвращения. Кто делит страну? Блоки чичиковых, ноздревых, маниловых. Явлинского считает вылитым Маниловым.

– Я был однажды во дворце Ротшильда. Там проводился бал аристократии, на который меня пригласил Шемякин, когда я только-только приехал в Париж. И там, разумеется, были все эти люди, со всякими там фамилиями – Воронцовы, Голицыны, кто угодно. Все они показались мне крайне некрасивыми. Вырожденцами. В любой нашей русской деревне люди куда красивее, чем все эти так называемые аристократы. И я никогда не испытывал к ним никакого интереса – вся это публика отмороженная, на мой взгляд.

А что касается того, нужна ли России монархия – извините, на хер не нужна. Вы что думаете, монархию можно так: взял, ввел, убрал… Ничего подобного. Монархия одна. Царь, или государь, или император, или кто угодно, он не существует сам по себе. И для того чтобы внедрить его в повседневную жизнь, нужно сразу же внедрить для него класс, который бы от него зависел, проводил бы такую же монархическую политику. То есть без дворянства монархия – это ноль. И ничего из себя не представляет. А дворянства у нас нет, и его никогда уже не восстановишь. Так же, как у нас нет и не может быть казаков. Их тоже не восстановишь. Все это вещи прошлые и навсегда уничтоженные, – с первых шагов на политическом поприще отвергает идею реставрации монархии и монархической (гетманской для Украины) идеологии.

Национал-большевизм Лимонов воспринимает как авангардное политическое и эстетическое движение. Оно дает человеку озарение, мечту, ориентацию на героизм, на бунт, на сверхчеловека. В 2007 году в беседе на передаче «Народ против» прозвучало следующее толкование писателем данного термина.

– Россия, в составе СССР, с одной стороны, очень много понесла потерь в борьбе с фашизмом. С другой стороны, большие потери были населения от террора сталинского и вообще, большевистского. Вот в связи с этим вопрос. Национал-большевики – это что, эпатаж? Заигрывание?

– В данном случае – это ваша неинформированность. Ваша личная и общества о том, кто такие национал-большевики. Немедленно отношу вас к имени Эрнста Никиша, человека, который в 1937 году написал книгу «Гитлер – злой рок Германии», национал-большевик, Эрнст Никиш. И в том же году очутился в лагерях. И вышел он из этих лагерей гитлеровских только в 1945 году и умер, буквально прожив всего несколько лет. Национал-большевики всегда были оппонентами нацизма. Второй, уже российский…

– А большевизм?

– Подождите! Одним из столпов национал-большевизма в России был Николай Устрялов. Он тоже в 1937 году отправился в лагерь и никогда оттуда не вернулся. Поэтому, когда общество говорит о национал-большевиках и их просто коробит от этого слова, я просто говорю: «Читайте, товарищи, просвещайтесь. Прочтите хоть книгу Николая Агузкова, покойного, «Национал-большевизм», поймите, что это были борцы с фашизмом, доказавшие это, доказавшие своими смертями, своими страданиями…»

28 ноября 1994 года Лимонов считает днем рождения НБП, Национал-большевистской партии. В этот день выходит первый номер газеты «Лимонка». Газета прямого действия. Не пытается объяснить, что режим – зло. Это аксиома. Требует от читателей не объяснения зла, а конкретной борьбы с этим злом. Полетели «лимонки» в «кромешников», тех, кто воплощал тьму кромешную в мыслях и деяниях. А «доброхотов» хватает, пруд пруди.

– Он стал всемирно известным писателем, объездил полмира и, имея возможность жить на доходы с изданий и переизданий своих бестселлеров, бросил все это. Ненавистники Лимонова, вы способны уйти от денег, чтобы создать свою полунищую, вечно балансирующую на грани закона партию? Даже не ради партии, а

просто уйти от денег, скажем, в монастырь? Да вы сдохнете, а свои серебреники не отдадите! – отвечает ненавистникам Прилепин.

Сегодня, в 2010 году, можно подвести итог более пятнадцати лет движения нацболов. Начнем с названия. «Кромешники» не хотят признать, что оно не несет абсолютно никакого негатива. И играют в слова. Писателю давно надоело их безграмотное злопыхательство. Неугодны сменовеховцы – обратитесь к Карлу Радеку… Он предлагает блюстителям словокорректности так расшифровать НБП: Нам Бог Помогает. Или: Наша Боевая Партия. Ненависть – БесПредел. Начальная Боевая Подготовка.

– Трудно быть нацболом. Скажешь «Идите на…» – призыв к свержению существующего строя. «Идите в…» – экстремизм, – говорит Лимонов. – НБП могла изначально называться как угодно. Хоть ДЫРБУЛЩИЛ. Но Россия нуждается в национально-освободительном движении. А не в «партии манной каши».

НБП прошла в 1994–1999 годах этап становления, из кружков мыслящей молодежи и бунтарей сформировалось общероссийское политическое движение. В 1999 году движение стало воплощать идеи в практику, в частности путем «мирных оккупаций знаковых объектов», первым из которых был Клуб моряков Севастополя. Круг очкариков-интеллектуалов к концу девяностых расширили ребята и девчонки из спальных районов. Ответ власти – репрессии против сограждан и многолетние отказы зарегистрировать НБП, которые в августе 2007 года закончились ее запретом в Верховном суде РФ. Якобы за экстремизм. На что писатель возражает: «Я – яркий, хлесткий, броский, за словом в карман не лезу, полемичный, бесцеремонный в политике, но я – разумный».

На сегодня НБП – община людей НБ-духа, община лимоновцев, тех, кто сострадает униженным соотечественникам не на словах, кто ее чувствует – НАЦБОЛЬ. Их вождь – Эдуард Лимонов. Краткий курс истории НБП – жизненный путь вождя. Начиная с 1994 года, как Великий кормчий Мао, он ведет молодежь в бой против новой буржуазии и столоначальников.

– Будьте реалистами, требуйте невозможного! Человек постоянно пытается перескочить через порог мышления, преодолеть себя, косность своего мышления. В этом и есть единственное благородство, доступное сегодняшнему человеку. Сегодня знаний вокруг дичайшее количество. Фокус состоит в том, чтобы из тех знаний, которые тебе доступны, создать нечто, создать мир.

Стиль газеты и движения нацболов напоминает стиль харьковской молодости Эда Лимонова. Романтика поиска. Для писателя политика так же чувственна, романтична и героична, как русская поэзия. Тот, кто не чувствует героической стихии митингов, тот лишен азарта и вдохновения. Кусок мыла, а не человек. До 1998 года Дугин – с НБП. В 1994 году философ публикует в «Лимонке» статью «Тамплиеры пролетариата».

– Сегодня эпоха паразитов. Старых, новых, своих и чужих. Людей, использующих и присваивающих то, что они не создали. Центристы продают радикалов, директора предприятий – своих подчиненных, властители государства – богатства великой страны, работники СМИ – совесть. В свалке – визг и пыхтение, выстрелы из-за угла и ледянящая ложь, – утверждает Дугин.

Кроме Дугина в числе основателей молодой почитатель творчества Эдуарда Лимонова Тарас Рабко и музыкант Егор Летов. Как и Лимонов, Летов родился в семье военнослужащего в России. Детство, школьные годы связаны с Украиной, Евпаторией. Первые порядковые номера членских билетов получает эта четверка. Еще к основателям относят и питерца Курехина, который ушел из жизни в июле 1996 года.

«Лимонка» летит в предателей, перебежчиков, позеров, ворье, шлюх и сутенеров большой и малой политики. Она ведет вызывающе себя, за словом в карман не лезет, бескомпромиссна, как и сам вождь. Она отмечает именины Ленина.

– Удача, дерзость, гениальный ум и отсутствие предрассудков позволили ему стать моделью революционера и примером для подражания во всем мире. Гениальный русский. Тем полудуркам, которым не нравится фамилия его бабушки, надо отрезать яйца…

«Лимонка» коротко и ясно ставит диагноз дворцовым переворотам Украины и Киргизии, едва они свершились. По истечении лет перечитаем и подумаем над этими словами: «Так называемой же оранжевой революции больше подошло бы определение «дворцовый переворот», если бы не вовлеченные в данный процесс широкие слои общественности. Эта черта придает ей некоторое сходство с революцией. До степени смешения, так сказать. Однако, если честно разобраться в этом моменте, то сразу становится очевидно, что вышедшему на улицы народу уготована роль массовки…»

Легковерный народ принимает все за чистую монету и вверяет свою судьбу политическим жуликам и проходимцам.

В «Лимонке» писатель рецензирует новые заметные издания.

Например, русский перевод трудов Юлиуса Эволы, расиста и женоненавистника, «Маркса традиционализма».

– Великий маг Юлиус Эвола по кирпичику разбирает причины кризиса современной цивилизации. Не оставляет камня на камне от буржуазного общества со встроенными в него политическими системами, экономическими моделями, моральными и конфессиональными ценностями.

При прочтении возникает тревожное чувство: будто бы все во всем мире заключили некий общественный договор о том, что «белое» – это «черное», а «черное» – «белое», и только один-единственный упрямец продолжает твердить «нет» этому коллективному безумию. Его слова обращены не к партиям и не к группам, и уж тем более не к обществу, но к личности. К тому человеку, которого еще Диоген искал днем с огнем. Эвола не спорит, не доказывает, не навязывает свою точку зрения. В несвойственной итальянцам манере он холодно констатирует диагноз и дает общие рекомендации (не советы), ориентиры. Для тех, кто умеет ими пользоваться…

В июне 1994 года представляет книгу «Лимонов против Жириновского». Эта книга-портрет позволяет приблизиться к пониманию тех уродств, которые нас сопровождают в виде политических карикатур на выборы, партийную борьбу или парламентаризм после краха СССР. ВВЖ – олицетворение худших качеств, без которых в Советском Союзе до 1991 года трудно было рассчитывать на «продвижение». Хоть до кабинета директора продбазы. Поведенческий прицип тех, кто стремился в члены КПСС, «выбиться в люди» – ложь. Очевидно, что общение с ВВЖ, наблюдения над ним во время поездки в Париж окончательно разочаровали писателя в перспективах поиска альтернативы власти новой буржуазии среди выходцев из этих же слоев общества. Директор советской продбазы им и останется. При всех режимах. Писателю с ними не по пути. Он приехал в феврале 1992-го в Москву так же, как и в 1967 году. Следуя интуиции, следуя страсти. В Москве шестидесятых Лимонова влечет мифология контркультуры. В Москву девяностых его привела многолетняя влюбленность в страну, в эпоху, в политику. Ему были неинтересны серокостюмные мальчики Шахраи.

В сентябре 1994 года писатель знакомится с доблестными украинскими «органами». В Крыму, куда приехал к товарищу времен московского андеграунда Евгению Сабурову, за ним охотятся восемь человек на двух машинах с пистолетами и наручниками. Задерживают. Ставят выездную визу, печать с

трезубцем за восемьсот тысяч купоно-карбованцев и высылают в Россию. Литератор и ученый Сабуров в том сентябре подает в отставку с должности вице-премьера Республики Крым с вещими словами: «Я экономист. К сожалению, Крыму нужен психиатр». И не только Крыму, замечу аж в 2010 году. Сабурка в нас иль мы в Сабурке…

В апреле 1994 года окончательно вернулась в Россию и Наталья Медведева. Трудится над первой концертной программой «Трибунал Натальи Медведевой», в котором участвовали Иван Соколовский и музыканты группы «Х… Забей»: Алексей Заев, Алексей Медведев и Карабас.

Осенью 1995 года Наталья Медведева и Эдуард Лимонов расходятся.

В начале 1996 года НБП первоначально соглашается на кандидатуру Ельцина на президентских выборах. Через пару-тройку недель фаворитом нацболов становится Юрий Власов. Лимонов усердно работает на Власова, помогает собрать подписи для его регистрации избиркомом, ходит с протянутой шапкой к владельцам фабрик, заводов, пароходов, богатств земли русской. Иные охотно пускались в обширнейшие разглагольствования о споконвечном, об истоках, но проситель покидал их, с чем пришел. Казалось бы, кого и что только не повидал на своем веку. Но впечатление от скаредности родных денежных мешков оказалось до боли удручающим: «Мрачные лохи, без выдумки и фантазии, а уж о сострадании к ближнему и говорить не приходится».

Центризбирком РФ. Апрель 1996 года. Власов, автор захватывающей книги о своем отце – советском представителе и разведчике в стане Мао во время гражданской войны в Китае, получает регистрацию как кандидат на президентских выборах. В сборе подписей за кандидата роль и ребят нацболов, и их вождя неоспорима.

– Великий человек пришел, – встречает писателя другой кандидат, Брынцалов, промышленник-самородок. Он умудряется не пасовать в конкуренции с мировыми фармацевтическими гигантами.

– Даешь второй том, продолжение «Лимонов опять против Жириновского»! – требует Жириновский и обещает писателю место в Кремлевской стене.

Лимонов быстро разочаровался в чемпионе-тежелоатлете и «патриархальном» националисте. Открылось, что в поте лица трудился на технического кандидата. Власов просто-напросто должен отбирать голоса у Зюганова в пользу Ельцина. Так

решили продавцы, покупатели и сортировщики мертвых душ. После победы Бориса Николаевича на президентских выборах 1996 года «Лимонка» вышла с лозунгом «Россия опять дала Ельцину!». Под небольшой фотографией Зюганова подписали: «А этому не дала!».

Однажды в 1996 году переносится почти на тридцать лет назад и приходит в музей имени Пушкина. После музеев Вены и Рима он показался жалким, маленьким и захолустным. Зашел к мумии с кокосовыми зубами. Она лежала на прежнем месте.

– Здравствуй! Я вернулся, – наклонился над стеклом. В ответ она подумала о нем.

Никогда не встречайтесь с женщинами или с музеями,
в которых вы были влюблены когда-то!

В 1996 году с председателем Исламского комитета России Гейдаром Джемалем пришли в Дом журналиста на пресс-конференцию поддержать протест российских мусульман против публикации издательством «Лимбус Пресс» перевода «Сатанинских стихов» Рушди. Писатель давно уже прочитал книгу на английском, и она его возмутила. Добиваются, что «Лимбус Пресс» отказывается ее публиковать.

В 1996 году лимоновцы учреждают русский национальный праздник – День нации в ознаменование победы Александра Невского над западниками на Чудском озере 5 апреля 1242 года. Значение победы дополняет факт участия отряда татар, которые решают исход битвы. Восток против Запада.

Продолжают лететь «лимонки». Пишет вождь, писатель, пишет и как полковник Иван Черный, выступают другие национал-большевики, просто талантливые и думающие авторы. Они с нечеловеческим хладнокровием препарируют мерзкий современный мир. В 1996 году писателя зверски избивают. Нападают демонстративно у «бункера», штаба нацболов, около половины восьмого вечера 18 сентября. Ударом сзади сбивают с ног, трое бьют ногами в голову. Травмируют глазные яблоки обоих глаз. Множественные переломы носа, лицевых костей, тяжелое сотрясение мозга. Виктор Анпилов оказался первым и чуть ли не единственным политиком, который сразу позвонил жертве бандитов.

В том же 1996 году не только украинская Генпрокуратура открывает против Лимонова дело. И в России возбуждают дело за разжигание межнациональной розни. Писатель возмущен. Считает, что его преследуют за убеждения, за исторические размышления о деяниях народов. В 1997 году вместе с Виктором

Анпиловым и другими политиками предпринимает очередную попытку создать блок, фронт, оппозиционный либерализму. Нацбол Эдуард Лимонов, мятежный политик и приверженец неугодной любителям «свободного мира» идеологии формирует и оглашает систему антилиберальных взглядов. Для наглядности прибегает к помощи родных ему примеров из литературы и искусства. Главным врагом объявляет «обывательщину», обывательское советское мировоззрение.

В 1997 году дебютная книга Александра Гольдштейна «Расставание с Нарциссом» сенсационно была удостоена сразу двух первостепенных литературных наград: «Антибукера» и «Малого Букера». Одним из выдающихся авторов, о котором повествует этот выдающийся сборник эссе, является Эдуард Лимонов. Замечу, сам писатель к премиям относится с опаской. Как и изобретатель премии «заябукер» Дмитрий Быков: «Зачем я Букеру?»

В девяностые Лимонов выстраивает сотрудничество с российским издательским миром. В начале десятилетия в России его печатают миллионами экземпляров. Но гонорары сгорают в топке реформаторов. В 1994–1997 годах вождя нацболов избегают, опасаются начальственных окриков. Кстати, еще раньше, пока он собирался покинуть Францию ради ПМЖ в России, обструкцию и кампанию наветов ему устроили в «свободолюбивой» Франции. Неполиткорректным политиком он предстал, понимаешь. Когда в 1998 году окрепший российский издательский капитал набрал силу и готов был планировать издания без оглядки на Кремль, писатель не сразу идет на контакт. Весной 1998 года «Лимбус Пресс» предлагает издать новую книгу.

– Десять тысяч долларов аванса, – ответил писатель. – Есть готовый сюжет и название.

– И как она будет называться? – поинтересовались на другом конце телефонной линии.

– «В поиске юной шлюхи».

Мочание в ответ. Проект не состоялся.

В 1998 году роман «316, Пункт “В”» привлек внимание Валерии Новодворской.

– Так что Эдуард Лимонов – такой же российский феномен, как Эдуард Багрицкий, великий поэт, неистовый большевик, наш Дантон, счастливо избегший гильотины 30-х годов и мирно умерший от астмы, среди стихов, воспевающих «трехгранную откровенность штыка», «мать-революцию», Феликса

Дзержинского, «Аврору», комиссаров, пионеров, продотряды, Красную армию, Ленина, век («И если он скажет: «Солги!» – солги, и если он скажет: «Убей!» – убей») и прочие поэтические вещи. Описывает он, надо отдать ему должное, весь этот кошмар вкусно и предельно талантливо. Куда лучше, чем М. Горький – свою «Мать», Беломорканал и врагов, которых уничтожают, если они не сдаются. Представляю, сколько ценителей поэзии, начитавшись Эдуарда Багрицкого, записались в красногвардейцы или трудоустроились в ВЧК! Эдуард Лимонов, конечно, сильно уступает Эдуарду Багрицкому, но он, безусловно, имеет литературный дар. На его последний роман «316, пункт “В”» мне даже захотелось написать рецензию, – заявила в 1998 году его неусыпный оппонент «тетя Лера».

Суровы будни политика. Вождь лимоновцев готов к расколам. Расколы, противостояния были всегда. Жизнь движется конфликтами. Противоречиво складываются отношения с Дугиным, который окончательно покинул ряды нацболов в 1998 году.

– Я никогда не отрекусь от людей, строивших партию, никогда не буду отрицать и наследия Дугина. Без сомнения, он вложил свою изрядную долю в становление партии, – подвел много лет спустя Лимонов итог своему разрыву с Дугиным.

И у Егора Летова характер не подарок.

– Он был пылким и великолепным товарищем, – вспомнит после кончины Летова в 2008 году Лимонов.

В начале октября 1998 года проходит Первый Всероссийский съезд нацболов. Средний возраст делегатов едва перевалил за двадцать. Только что шарахнул август 1998 года. Россия и Украина вместо устранения причин занялись кадровыми рокировочками.

– На самом деле всю эту порочную практику надо кончать. Нужно сделать «стоп машина!». Механическими перестановками одинаково наглых и одинаково политически бездарных «лидеров» жизнь в России не наладить. Я знаю, как надо наладить. Я об этом говорю уже несколько лет. России следует сменить политический класс. Следует освободить миллионы рабочих мест в руководстве страны, изгнав с этих рабочих мест чиновников и предложив их тем, кто сегодня ничто, кто молод, энергичен, некоррумпирован и фанатично предан России, – мечтал писатель в конце девяностых.

С 1999 года нацболы переходят к так называемым акциям прямого действия. Два рассерженных лимоновца пришли на премьеру фильма, режиссер которого в благодарность за спонсорство одного из постсоветских президентов агитировал за

него на выборах. Президента страны, где притесняют русскоязычных, переизбрали. Поэтому в марте 1999 года в московском Доме кино тухлыми яйцами два нацбола забросали Никиту Михалкова и угодили в Бутырку. Михалков рассердился, созвал пресс-конференцию.

– Он понимает, что с него сорвали маску барина от искусства, маску, прельщавшую пожилых домохозяек. Многим стало ясно, что он ушлый, хитрый хищник с клыками, – заступается за ребят Эдуард Лимонов.

С тех пор лимоновцы берут на вооружение продукты питания, довооружаются цветами и становятся на тропу «бархатного террора». В последующие годы такого «террора» они «замочили» не одного деятеля. Майонез: А. Вешняков, В. Стародубцев, А. Чубайс. Яйца, помидоры: ВВЖ (ему горчички не пожалели добавить), Г. Зюганов, М. Касьянов, Б. Немцов. Шоколадные яйца: Л. Слиска. Удар букетом гвоздик: М. Горбачев, В. Матвиенко.

24 августа 1999 года два десятка нацболов утром без десяти десять захватили башню здания Клуба моряков на площади Ушакова в Севастополе, вывесили партийное знамя, с возгласами «Севастополь! Крым! Россия!» разбросали листовки с протестами против ратификации Госдумой договора с Украиной и вступления Украины в НАТО. Около двух часов удерживали, забаррикадировавшись, башню, пока их не выдворили российские моряки. Шестнадцать арестованных, судебные процессы – последовали тяжелые испытания.

Можно много рассуждать об адеватности акции в Севастополе. Но бесспорно то, что с тех пор минуло уже больше десятилетия, а судьба Черноморского флота и отношения Украины с НАТО остаются во мгле. Если кто-либо вообще понимает, что случится дальше.

За Севастополь лимоновцы получили по шесть месяцев. В октябре 1999 года нацболы ворвались на отчетно-выборное собрание Союза украинцев Латвии. В зале присутствует украинский дипломат. Лидер рижских нацболов Михайлюк (Маузер) вручает ему петицию протеста. (Маузер, как Дугин, и некоторые другие станут потом ренегатами. Такова проза политики.) В ноябре 2000 года в знак защиты русскоязычных жителей Латвии лимоновцы осуществляют мирный захват башни собора Святого Петра в Риге. В отместку – жесточайшие приговоры судов, до момента их смягчения начинают с 15 лет!

Не успели прогреметь первые акции нацболов, как нашлись желающие использовать их в грязных избирательных технологиях. Гонцы со Старой площади (в Москве, как и в Киеве,

в бывших цековских кабинетах постсоветские президенты дружно разместили свои канцелярии) посулили за пять выступлений как бы в поддержку Примакова двадцать пять тысяч долларов. Писатель с презрением выставил вон провокаторов:

– Мы отказались от грязной сделки. Не потому, что нам жалко Примакова или не нужны деньги, но потому, что негоже честным людям становиться орудием в борьбе одной банды начальников против другой. На том стояли и стоять будем.

Эдуард Лимонов – один из лучших русских прозаиков двадцатого столетия, такой вердикт выносит в 1999 году Александр Гольдштейн: «Молодой человек честолюбивой наружности и поэтических дарований, воспитанник государства, в котором, в отступление от велемудрых заветов Платона, социальная беспрозванность компенсировалась стихотворной известностью в полуподпольном кругу (и это был статус, если кто усомнился или запамятовал), молодой человек, алча обителей славы, соблазняется Западом и, потрясенный, осознает, что его новое, американское положение стократ хуже прежнего, покинутого столь опрометчиво. Трущобная крыса с коркой валфера в голодных зубах, он утрачивает оправдание унижений – веру в необходимость своего литературного слова, потому что вокруг нет внимающих этой речи людей, теряет любовь, уставшую делить его нищету, расстается с несбывшимся сном о признании, блеске, награде и взамен получает протяжный, на три сотни страниц растянувшийся вопль, тот единственный вопль, что во все времена исторгался лишь одержимою глоткой свободы. Наступает же эта свобода в момент, когда, кроме нее, надеяться больше не на что. Невзгод он себе не желал, но жанр вопля оплачивается угнетенным состоянием автора, и даже если разум не хочет страданий, тело, потенциально готовое к пронзительной откровенности, так извернется в судьбу, что крик становится неизбежным. Лимонова в той же мере назначили выкрикнуть «Эдичку», в какой Солженицына приговорили к написанию «Архипелага». В одном случае книгу ждали миллионы убитых, в другом ее встретила русская литература, изнемогшая от целомудрия и фальшивых приличий. Вопль – однократное действие, было бы глупостью требовать его повторения. С тех пор, уйдя от поэзии, автор выточил много мастеровитой прозы и публицистики, вернулся назад, увлекся политикой, несколько раз прекрасно говорил с экрана о революции и любви, сменил облик, стиль, поведение, женщин, и только глаза на одряблевшем лице иногда выдают, что это все еще он – Эдуард Лимонов».

В последний перед арестом год не покладая рук плодотворно

творчески трудится. В июне 2000 года начинает работу над «Книгой мертвых». Уложился в двадцать четыре дня. Требовался гонорар для финансирования НБП. В 2001 году она была издана в «Лимбус Пресс». Лимонов называл эту книгу как бы перекличкой тех, кого знал и кто в свое время надолго или ненадолго побывал в его жизни. Я намеренно дополняю биографию писателя рецензиями литераторов. В конце концов, сам Эдуард Лимонов в предисловиях к двум своим изданным в 1998 и 2002 году на русском трехтомникам обращается к цитатам в свой адрес из Петра Вайля, Александра Гениса, Бориса Парамонова. При том, что от них ему доставались жестокие несогласия.

«Цветы зла» – так Наталья Иванова назвала свою рецензию на «Книгу мертвых»:

«Я его помню по Москве конца 60-х – начала 70-х: во-первых, по семинару Арсения Тарковского (Лимонов на этом эпизоде своей жизни не задерживается, а ведь и Тарковский, и Слуцкий считали его безусловно одним из самых талантливых); во-вторых, по черным брюкам, которые он мне сшил за тогдашние 15 рублей и в которых я щеголяла последующие лет пять. Хрупкий, аккуратный, в расшитой украинской рубашке, на все пуговицы застегнутый. И Анну, уже толстую и седую, помню. И особый взблеск стекол его очков – он и тогда, и сейчас чем-то похож на известный портрет Ходасевича. И стихи его помню. Тарковский выделял из всего семинара Тараканову, Миллер и Лимонова».

Тарковский и Слуцкий давно в могиле – что бы сказали они? Тараканова с горизонта исчезла, Миллер пишет внятные стихи, Лимонов стал писателем-персонажем…

В чем Лимонову не откажешь, так это в драйве, в энергии, в способности держать читателя в напряжении, чтобы он не бросил книжку в угол – от скуки. Нет, чего уж нет, так это скуки, посеянной вокруг нас приличными господами-сочинителями.

А кого он ненавидит? Мальчиков и девочек-мажоров. Терпеть не может – и даже не завидует (как мальчик-минор). Упитанные, упакованные, они выстраивают свои жизни, обрывающиеся в смерть, другими, чем Лимонов, противоположными методами. Лимонову ближе если не их антиподы, то их предшественники: способностью к каким-то непросчитанным поступкам, порывам души, что ли…

Через год, в феврале 2002 года снова на страницах журнала «Знамя» своими раздумьями о «Книге мертвых» делится Николай Работнов:

«Так хотелось надеяться, что политически индуцированные

трагедии в биографиях русских писателей остались в двадцатом веке! И на тебе – Лимонов…

Я начал читать его с конца, с последней на тот момент «Книги мертвых», то есть двадцать лет для меня этого много напечатавшего автора не существовало. Почему? Я слышал, разумеется, об «Эдичке», о национал-большевиках… и больше ни о чем! Некому и нечему было разбудить интерес – до заметки в «Знамени» Натальи Ивановой, как раз о «Книге мертвых» («Книга» отпечатана в типографии «Правда» на Социалистической улице в Санкт-Петербурге – жаль, что уже не в Ленинграде, это лишает исторический «прикол» законченности). С этого все и началось.

Нет, один звонок был. Двадцатистрочный эпизод в повести Сергея Довлатова «Филиал», когда на диссидентской конференции в Калифорнии Лимонов, действующий под собственным именем, жертвует своим временем для выступления в пользу «Ковригина», проклинающего его за хулиганство, порнографию и забвение русских гуманистических традиций, и тот имеет возможность изрыгать эти проклятия еще семь минут по истечении собственного регламента. Потом «Далматов», соображая, как провести вечер, рассматривает возможность «отправиться в ресторан с тем же Лимоновым». А в очерковых набросках из четвертого тома Довлатов добавляет: «Лимонов – талантливый человек, современный русский нигилист… прямой базаровский отпрыск. Лимонов не превзошел Генри Миллера. (А кто превзошел?)… Лимонова на конференции ругали все. А между тем роман его читают. Видимо, талант – большое дело. Потому что редко встречается. Моральная устойчивость встречается значительно чаще. Вызывая интерес главным образом у родни…»

Надо знать, какое место занимает в моей субъективной писательской табели о рангах Довлатов (в первой дюжине русских прозаиков двадцатого века вместе с Буниным, Мандельштамом, Пастернаком, Булгаковым, Набоковым, Платоновым, Ильфом-Петровым, Шаламовым, Солженицыным, Искандером и Владимовым), чтобы понять, почему это упоминание не забылось…

Довлатов назвал Лимонова нигилистом. Нигилизм – разрушительная сила и прогрессирует, как и все остальные разрушительные силы – например оружие. Ракета с ядерной боеголовкой существенно отличается от артиллерийского орудия времен Крымской войны. Почему бы и Лимонову не отличаться столь же существенно от Базарова или его реальных прототипов?»

Предисловие к «Книге мертвых» открывается так: «Я начинаю

эту книгу в отвратительный дождливый день 29 июня 2000 года». В печать она подписана 29 августа. Восемнадцать печатных листов. По семь-восемь машинописных страниц в день на круг, а еще нацболами руководить надо. Трудоголик – если не лукавит, предисловия обычно пишутся, когда основной текст готов…»

«Книгу мертвых» писатель написал во время работы над еще одним произведением для «Лимбус Пресс». С апреля 2000 года он пишет новую книгу-портрет «Охота на Быкова: расследование Эдуарда Лимонова». Много времени проводит в Красноярском крае. В январе 2001 года сдает набранную рукопись представителю издательства. Автор двадцати семи книг, из них только одна – портрет, портрет Жириновского, изучил биографию Анатолия Быкова. Посещает город его детства, Назарово. Рядом с деревенькой в первые пятилетки разведали угольный пласт, обустроили две зоны, мужскую и женскую. В начале пятидесятых заключенные возвели Дом культуры. К 1961 году деревеньку переводят в разряд города. С памятником Ленину, зданиями для работников партийных и советских аппаратов, гостиницей «Заря» напротив, на центральной площади.

В зэковском городе в шестидесятом появляется на свет Анатолий – четвертый ребенок в семье уборщицы и разнорабочего. Его характер закалился в боях сплоченных уличной романтикой дружин, племен – защитников своих микрородин: Центр, Вокзал, Лебяжка, Малая, Нахаловка. Предводители, главари, вожди боевых отрядов, имена которым заменяли клички, как правило, побывали в заключении, а то и не раз. Назаровское мужание Быкова схоже с харьковским опытом писателя, тамошними микрородинами: Салтовка, Тюринка, Журавлевка, Плехановка. Собирая материалы, расспрашивая очевидцев юношества Быкова, ловит себя на мысли, что время замерзло, вокруг стоят болотом пятидесятые годы.

Вечная мерзлота устоев социалистического общежития. На пороге двадцать первого века он выглянул в окно гостиницы «Заря» и увидел Толю Быкова. Молодой парень в куртке, кроссовках, тренировочных штанах, и женщина в ватном пальто и сером пуховом платке образца пятидесятых. Так когда-то Толик с мамой, тетей Юлей шел в школу. Школа полудеревенского города, воплощения советской цивилизации, стандартного бедного ее варианта, все окружение, и в шестидесятые и в семидесятые дублировали харьковские пятидесятые, которые пережил Эд Савенко. Возможно, в социальном смысле Россия не покидала пятидесятые, живя в них и повторяясь в каждом поколении? А Украина?

В Красноярском крае сидели Ленин, Сталин, Свердлов,

Дзержинский. Не избежал тюрем, «Лефортово» и уроженец края Быков. Легендарный предприниматель девяностых. К Быкову вскоре присоединится в «Лефортово» и его биограф. Не за горами хижина в снегах. И вслед за Быковым писатель становится узником. Ведь его давно разрабатывают те, «кому следует». А тут появляется шанс лихо закрутить сюжет. Как Быков, так и писатель принадлежат истории. Разыгрывается судьба архетипа. Лимонов расследовал драму с героем по имени Быков. И своим появлением создал дополнительную побочную сюжетную линию. Налицо заговор, смычка криминальных денег и радикалов.

Большой брат бдит. Находит связи за кордоном. Весной 1994 года в парижской газете «Minute» писатель познакомился с полковником Денаром, легендарным солдатом удачи. В феврале 2001 года с оказией передал тому газету «Лимонка», журнал со статьей о Денаре и письмо с приглашением на международную конференцию по предотвращению региональных конфликтов. Французского приятеля писателя обыскивают в Шереметьево и изымают крамолу, вещдоки. Цепочка заговорщиков тянется от Красноярска до Коморских островов. Не замкнулась. В конце февраля садится на поезд до Ростова-на-Дону и появляется в штабе Северо-Кавказского военного округа, где долго беседует с самим командующим генералом Трошевым. Выдвигается к границе с Казахстаном.

А если потом решит нагрянуть в Севастополь и возглавить восстание на Черноморском флоте Украины, приняв командование фрегатом «Гетман Сагайдачный»? И во главе флотилии в составе фрегата и корвета «Луцк» закрутит сюжет для второй серии «Броненосца “Потемкин”»? Да что там большие флотские сраженья! В 1977 году Бобу Денару траулера хватило, чтобы высадиться на Коморских островах и совершить переворот. Главное, не забыть это должным образом отметить, как Денар, который на Коморах после победного рапорта вверенных ему наемников достал из трюма боевого траулера 24 бутылочки «Дом Периньон». Не ведомо было следователям, что еще в Харькове милом пытались загулявшие после просмотра боевика с Аленом Делоном Эд и Генка проникнуть на борт транспортного самолета.

Писатель полагает, что «Охота на Быкова» – пророческая книга. Он раскрыл в ней репетицию охоты на «Юкос». В «Дневнике неудачника» Парамонов нашел реинкарнацию Юрия Олеши, реминисценции Хлебникова и уподобил Эдуарда Лимонова Горькому и Маяковскому вместе взятым. Книга-портрет Быкова подвела итог десятилетию правления новой буржуазии. Для меня у Горького Клим Самгин стал могильщиком царской

России. У Эдуарда Лимонова новые буржуа – могильщиками Советского Союза. Советского общества, которое после 1991 года растерялось и утратило критерии существования, лишилось моральных норм и правил, превратилось в кошмар и бедлам. Книга-портрет Быкова разоблачает в олигархах ссучившихся вороватых новых буржуа, которые даже боятся признаться, что катаются с президентами на лыжах, и лгут, что лежат в это время на больничной койке.

Алтай. «Лефортово». Саратов. Энгельс. «Торжество метафизики». 2001–2003

В апреле 2001 года Эдуарда Лимонова арестовали недалеко от российско-казахстанской границы в селе Банное Алтайского края. 1 апреля по телевизору в барнаульской гостинице он увидел арест Слободана Милошевича. Вспомнил свою встречу с Милошевичем в 1992 году. Подумал, что вот-вот придут и за ним. И пойдет вождь НБП путем зэка. Такое слово придумал Троцкий для заключенных красноармейцев из Трудармии. А хитромудрый Анастас Микоян облагозвучил в «заключенных-каналоармейцев» при строительстве Беломорканала.

В горной избушке, куда 7 апреля за писателем и его молодыми соратниками пришли два взвода фээсбэшников, ему уже приходилось останавливаться в сентябре 2000 года. Тогда в изорванной брошюрке «Рыбы» прочел, что самым трудным у родившихся в первую декаду под знаком Рыб надо ожидать пятьдесят восьмой год жизни. Ощутил тревогу. Ему пятьдесят семь. Вспомнил брошюрку «Рыбы» во время ареста в первые месяцы своих пятидесяти восьми.

Там же в горной обители, в последний вечер свободы 6 апреля, после 18 километров марша по снегу и талой воде, пока нацболы разделывали на ужин мясо марала, наугад берет и раскрывает первую попавшуюся книгу из примерно двух десятков на полке. Петр Первый в романе красного графа Алексея Толстого прощается с Францем Лефортом.

Путь в «Лефортово» занял двое суток. Изолятор временного содержания в поселке Усть-Кокс – база УФСБ около поселка Майма – самолет – Москва.

В начало тюремной библиографии он положит «Священных монстров»: «Эта книга не предназначается для обывателя. Она предназначается для редких и странных детей, которые порою рождаются у обывателя. Для того чтобы их поощрить: смотрите, какие были les monsters sacres, священные монстры, вот какими можно быть. Большинство населения планеты, увы, живет овощной жизнью».

В 2001 году из «Лефортово», камера 32 пишет письмо Путину: «Что нужно России? Свобода нужна ей прежде всего во всех

областях жизни». Его камера в верхней ножке буквы «К» – тюрьма в честь Екатерины Второй построена в форме этой заглавной буквы в немецкой транскрипции. А следствие ретиво, благо подготовились по всем статьям. Начиная с 2000 года только прослушек насобирали на 34 аудиокассеты. Прослушивали и телефон, и через микрофоны дома. В Главном следственном управлении ФСБ уже 31 августа 2001 года предъявили обвинения на полную катушку по четырем статьям: незаконные вооруженные формирования, свержение конституционного строя в Казахстане, покупка оружия… По каждой: от 12 до…

Вернулся в камеру. Стал думать. Взвешивать. На память приходит «Дневник неудачника»: «Так я хожу среди врагов, учусь, молча, тихо в уголке сижу, рот особенно не открываю, слушаю больше, жду, когда в силу войду. Вот тогда поговорим. Ученье у меня сейчас». Некоторое время находился на грани жизни и смерти, пришла мысль покончить с собой. К утру побеждает слабость, напевая «Возле сада городского, возле рубленых хором, целый вечер ходит Стенька, переряженный купцом…» Приводит в порядок свои чувства, становится сильнее, продолжает еще больше заниматься физкультурой и писать. Что не возбраняли в «Лефортово», однако передавать рукописи на волю запрещали. А писатель преграды и тюремные стены одолел. Одну тысячу пятьсот страниц переправил. Как? «О таких вещах не говорят», – ответил излишне любознательным.

Пишет цикл тюремных эссе и позднее дает следующее пояснение замыслам: «Гоголь, вы знаете его «Выбранные места из переписки с друзьями», это 1847 год. Вы помните, как отозвался Белинский на этот достаточно наивный и консервативный том. Там есть очень смешные вещи: как должна вести себя жена городничего. Одновременно это очень серьезно. И хотя Белинский сказал: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов». Однако я нахожу причины, по которым написал эту книгу Гоголь, крайне неопределенными. Кто-то говорил, что он хотел получить место учителя у наследника, цесаревича, но это люди говорят, а в результате получилась Библия правых взглядов. Я думаю, что под этой Библией подписались бы сегодня многие правые, и далеко не только крайне правые, в том числе и «Единая Россия». Многие депутаты могли бы под этим подписаться, и, конечно, это все сдобрено безусловным талантом Гоголя, который это написал, даже рискуя быть смешным (видимо, он и был отчасти смешным для тогдашнего общества). Я высоко ценю эту вещь и написал в

тюрьме два тома «Контрольный выстрел» и «Русское психо», помня, затылком ощущая Гоголя и его эту книгу. Видите, у нас и Чаадаев, и Гоголь. С большой дистанцией».

Писатели Израиля возмущены арестом.

Открытое письмо израильских деятелей культуры Президенту России В. В. Путину.

Уважаемый Г-н Президент!

Поэтов и певчих птиц нельзя сажать в клетку. Мы, израильские писатели и деятели культуры, знакомы с творчеством русского поэта Эдуарда Лимонова, книги которого переведены и на иврит. Нас огорчает, что нашего собрата держат уже полгода в стенах Лефортова, даже не предъявляя обвинения. Эдуард Лимонов и его поэзия – важное культурное явление, и его преследование граничит с вандализмом и порочит светлое имя новой России. Со словом борются словом, а не грубой полицейской силой – к этому выводу давно пришло просвещенное человечество. Мы призываем вас защитить Лимонова от разгула карательных органов, как защищал русский царь вольнодумца Пушкина от напора охранки.

СВОБОДУ ЛИМОНОВУ ЭДИЧКЕ!

Натан Зах, Яаков Бессер (председатель Союза Израильских Писателей),

Гавриэль Мокед (председатель Союза Еврейских Писателей),

Дана Зингер, Александр Гольдштейн…

Тель-Авив

«Я подозреваю, что поначалу политикой он стал заниматься из литературных побуждений, – писал Александр Проханов в 2001 году на страницах «Лимонки». – Для того чтобы ощутить новую роль, а затем описать ее в бесчисленных, драгоценных для художника проявлениях. Но, похоже, модель, которая ему позировала и была его полным тождеством, вышла из-под контроля. Молодые и прекрасные люди, уверовавшие в него,

оказались выше литературных персонажей. Имитаторы-патриоты, чье оружие – папье-маше, внушали отвращение и открывали широкую вакансию. Власть была настолько живописно-чудовищна и инфернальна, что борьба с ней превращалась в религиозную войну. Предательство было всеобъемлющим, и если ты художник, и если ты русский, и если в тебе есть брезгливость, и если ты блудный сын Советского Союза, вернувшийся к родному порогу в момент, когда этот порог уже переступила нога отцеубийцы, ты не можешь не стать революционером. Не можешь не надеть черную кожанку национал-большевика и не выбросить на башне рижского Тауэра красный флаг революции. Национал-большевистская партия – орден, исповедующий религию бунта, жертвенности, преданность идее, от которой отступились утомленные красным цветом респектабельные клерки, предлагающие народу зеленый арбуз коллаборационизма. В этих условиях, когда гемоглобин революции уступил место хлорофиллу соглашательства, лимон должен был покраснеть… Теперь в тюрьме ты, Лимонов. Эзра Паунд сидел в тюрьме. Достоевский сидел в тюрьме. Шекспир сидел в тюрьме. Радищев сидел в тюрьме. Павел Васильев сидел в тюрьме. Толстой мечтал о тюрьме, а когда догадался, что в ней сидит, совершил неудачный побег».

2001 год Лимонов провожает в кабинете следователя. Служитель закона – в двух метрах от стола, где адвокат Сергей Беляк вместе с подзащитным обсуждают дело. Сергей принес перекусить и бутылку колы, точнее, закрашенное колой виски «Джек Дэниэлс».

– Эдуард, не хотите водички? – спросил адвокат уплетающего бутерброды Лимонова.

– Я колу ненавижу, – возмутился критик аррогантных Штатов.

Адвокатская смекалка не подвела Беляка. Пишет на обратной стороне листа дела: «Попросите глотнуть воды».

– Что-то в горле пересохло, пожалуй, и от колы не откажусь, – невозмутимо замечает политзаключенный.

Работа с адвокатом пошла веселее. Следователь ничего не заметил.

Д. Быков в феврале 2002 года приехал в Харьков поддержать стареньких родителей и отметить с ними день рождения писателя-сидельца. «Многие убеждены, что именно теперь писатель Лимонов попал в наиболее подходящее для него место, – пишет Быков. – Говорил же он: «Убейте меня! Не может

быть старого Лимонова!»

Он не нуждается в защите и не просит ее. Но есть на свете два человека, которых арест Лимонова наказал особенно жестоко – и, смею думать, незаслуженно. Это его восьмидесятилетние родители, живущие в Харькове.

Они живут на окраине, на улице Ньютона, на пятом этаже пятиэтажного дома без лифта. Передвигаются оба только с палочкой, поэтому выйти на улицу давно не могут. С 1998 года они сына не видели: в последний раз мать приезжала к нему в Москву, когда еще могла выдержать такую поездку. Сам он в Харькове появиться уже не мог: на Украине к создателю НБП свои претензии…

Они выглядят хорошо. Это я пишу не только для Лимонова (в надежде, что он прочтет этот номер «Огонька»), так и есть, все правда. Я пришел к ним в гости с двумя украинскими журналистами. Был накрыт стол – скромный, но не бедный. Раиса Федоровна выглядит явно моложе своих лет, ей идут и брюки и косметика. Грех сказать, но теперь, в старости, она выглядит тоньше и изящнее, чем на «молодых» фотографиях. Вениамин Иванович в молодости очень много смеялся, смеется на всех своих фотографиях. Часто улыбается и сейчас. Мы не услышали от них ни одной жалобы. Эдуард Вениаминович, ваши родители держатся. Мы отметили с ними ваш день рождения – 22 февраля. Кстати, поздравляю вас с 59-летием».

Быков передает беседу в доме Савенко.

«– Эдуардом назвал его я, в честь Багрицкого, которого много тогда читал. А что, хорошее имя и сочетается с отчеством: Эдуард Вениаминович… красиво! Мне не очень, конечно, понравился псевдоним: почему Лимонов? Взял бы девичью фамилию матери – Зыбин… Но вообще ничего страшного, пускай. Мне его книжки нравятся, особенно те, где без мата. Вы думаете, таких мало? Ничего подобного, в поздних он почти не матерится. А в жизни вообще давно обходится без этого дела.

Что он за человек? Не знаю как и сказать… Одно знаю – побольше б таких людей. Характер у него не в мать и не в отца, не знаю, где он такой подобрал. Всегда поперек! Все хают сороковые годы – он пишет: «У нас была великая эпоха». Даже я вспоминаю – ну, весело, конечно, было, молодые были… но ведь мы же тогда только переехали в Харьков из Казани, жилья не было, разместили нас на двух верхних этажах больницы на окраине! Я на столе спал, жена с сыном на полу… Какая великая? Военных же не спрашивают, чего они хотят. Сказали – и езжай. А сказать, чтобы люди сильно лучше были… Мне кажется, сейчас молодые даже добрей. Совсем зеленые – а думают. Те не думали.

Нет, я никогда к арестам отношения не имел и заключенных не охранял. Я радист, с детства приемники собирал у себя дома, потом и в армию был призван связистом. Был во внутренних войсках, на охране особо важных объектов промышленности. Потом, после переподготовки, стал политработником. Никаких неприятностей после его отъезда за границу в семьдесят четвертом у меня не было, все знали, что он давно в Москве и у него своя жизнь… Да я и сам против его отъезда ничего не имел. Я знал, что он там, за границей, ни одного плохого слова про Родину не скажет, не напишет. Он и не сказал. У него ссоры были с эмигрантами из-за того, что он не хотел ругать СССР.

– Вы верите в то, что он якобы расстреливал безоружных пленных в Сербии?

– Никогда в эту чушь не поверю. Он дружил с Караджичем, это я знаю, Караджич тоже поэт. Дружил с Милошевичем. Но чтобы он там расстреливал кого-то…

– Он в Сербию поехал из-за Наташи. Он и писал, и сама я догадываюсь: дело было в ней, мучила она его сильно. Он и поехал на войну. Я не такая мать, чтобы ссориться с девушками Эдика: они все у меня находили понимание, почти все нравились мне. Вот нынешней его девушке, Насте, я на девятнадцатилетие послала ночную рубашку. Эдик писал, что она ее прямо не снимает теперь… Настю я никогда не видела, только звонила ей. Эдик писал, что у нее румянец во всю щеку… Мне нравились и Аня, первая жена его, и Лена. Что говорить, Лена фотомодель, красавица, они были красивой парой, за это их и приглашали по посольствам… Он из-за нее уехал, мне кажется. Ей хотелось раскрыться, хотелось мир увидеть – у нее сестра уже в Бейруте жила, – вот она Эдика и уговорила. А потом бросила. Вот этого я ей никогда не прощу. Вы говорите, любила? Любить – это как мы с мужем. Шестьдесят один год в браке. Можно в Книгу рекордов Гиннесса заносить. А если ты ушла, так и не любила. Да знаю я, что она хотела вернуться, знаю. Когда он стал знаменитым писателем, еще бы не захотеть вернуться…

А Наталья – нет, она из всех его девушек одна не нравилась мне. Не во внешности дело, внешне она эффектная. А мне не нравятся среда, в которой она вращалась, и манеры ее. Вот смотрю на нее по телевизору в «Акулах пера», в этой шляпе ее невозможной: ну она же просто хамит им всем! Он из-за нее и поехал воевать, чтобы доказать ей что-то или вырваться от нее… Мне кажется, она в его жизни сыграла роль дурную.

Нет, самая первая его любовь была не Аня. Самая первая – школьная, Валя Бурдюкова. Она теперь в Германии живет. В прошлом году приезжала и даже была в этом районе, но не знала,

что мы тут живем, и потому к нам не зашла. Потом уж узнала, ей родные написали, – она очень жалела, что мы не повидались. Он ее очень любил, но там родители воспротивились их дружбе и запретили ей с Эдиком встречаться. Ни в одной его книжке нет ни слова о ней.

Он и тогда уже все вечера проводил в парке Шевченко, стихи там читал, с ребятами шумел… С Аней он познакомился лет в восемнадцать, она была его старше лет на восемь. Когда не в депрессии – ее очень интересно было послушать, умная женщина, и много мужчин у нее было. Она независимо жила. Скоро Эдик к ней переехал – он всегда считал, что с родителями долго жить нельзя. Тем более жили мы тогда на Салтовке, район такой, и была у нас коммунальная квартира. Я знала про эту Аню, знала, где его искать, и пришла к ней знакомиться. Просто посмотреть, с кем теперь мой сын. Вхожу: сидят две женщины, курят. Вид такой… высокомерный. «Да что ж вы пришли, – Аня говорит. – Мне же Эдик сказал, что он не ваш сын, а приемный». Это он, значит, выдумывал про себя… Он вообще фантазер страшный. Вы, когда читаете «Молодого негодяя», все делите на два: там фантазий очень много. Он с детства придумывать любил.

Ну а с Аней мы потом сошлись поближе, и я поняла, что она женщина неплохая. Она повесилась десять лет назад, у нее был очередной приступ депрессии. Соседи видят – радио говорит, телевизор говорит, свет горит, а никто не отвечает. Взломали дверь – она висит… Эдик хорошо о ней написал. Все-таки он любил ее.

А Лена здесь спала, вот на этом самом диване. Мы переехали-то сюда тридцать три года назад, и на обратном пути с курорта они с Леной у нас остановились – познакомиться. Привезли целый чемодан грязного белья, я его стирала. Лена просто очень себя вела, без всякого пренебрежения – ну, видно было все-таки, что этот дом совсем не для нее. Она замужем была за богатым художником, к другой жизни привыкла… Незадолго до отъезда их за границу я была у Эдика в Москве. Он мне показал огромную стопку писем из журналов – отказы. Никто его стихов брать не хотел. А мне нравились эти стихи… хотя не все, конечно. Что тут такого? Я всегда ему честно говорила, что мне нравится, а что нет.

– Эмиграция сильно изменила его?

– Да, конечно. Он совсем другим приехал. Видно было, что много перенес. Холодней стал гораздо. И надежды, мне кажется, у него меньше стало. К славе он стал гораздо равнодушней… А ведь как его встречали здесь! Какие были вечера, и как его сразу печатать начали, и сколько книжек вышло! Вот тогда он мог обо

всем попросить – и сделали бы: и квартиру, и московскую прописку, и любую работу… Эмигранты же возвращались так победно! А он ни о чем просить не стал и все деньги вложил в партию. Я его три года назад спросила: «Эдик, ну на что ты надеешься?» Он говорит: «Мама, да все я понимаю. Советского Союза уже не будет. Я надеюсь только, что людям будет легче жить, что не будут они так унижены».

И разговоры эти про стрельбу… У него зрение было минус одиннадцать, из-за этого он и в армию не попал. Потом исправилось до минус восьми, но это же все равно страшная близорукость! Оно у него испортилось в восемь лет, осложнение после кори… Но он все равно очень много читал. И всегда ребятам раздавал книжки из нашей библиотеки: мы ее долго собирали, у нас много хороших книг, – Эдик прочтет и всем раздает. Многие я восстановила, а вот нового Тагора, помню, так купить и не смогла…

Он после школы решил поступать на исторический в Харьковском университете. Вроде как надумал, потом передумал: сочинение отлично написал, а русский не пошел сдавать. Нам сказал, что день экзамена перепутал. Потом пошел в кулинарное училище, потом на завод, в горячий цех, а дальше работал монтажником на стройке. Я не знаю, зачем ему это было нужно. Наверное, хотел ближе к жизни быть настоящей, меньше от нас зависеть… Там платили неплохо. Вообще он любую работу умеет делать, но что он будет писателем – я всегда знала. Потому что при первой возможности в театр его водила, мы все сказки пересмотрели и все серьезные спектакли, и все время мы с ним делали книжечки – стихи, сказки… У меня все эти книжечки до сих пор хранятся. Самые первые книжки его.

Я думаю, что его осудят. Я уж вслух стараюсь ни с кем об этом не говорить, но думаю все время. Я с ума схожу. Если бы его хотели выпустить, его бы выпустили. Он попросил недавно лампу настольную – ему не дали. Мы с отцом постоянно ему пишем, вот и с днем рождения в письме уже поздравили. Все ведь так медленно доходит… Он тоже пишет нам. Всегда писал: из Москвы, из-за границы… Из тюрьмы пишет. И я не могу сказать, что ему нравилась такая жизнь. Он просто решил идти до конца.

– А в письмах из-за границы он тоже не жаловался?

– Вообще он берег нас, но писал честно. Когда мог – присылал из-за границы, передавал со знакомыми кофе и колбасу. Когда не мог… В одном письме так и было сказано: завтра мне есть нечего. Но он не жалел об отъезде. Ему хотелось все попробовать. Я же сама знаю – он действительно мне сын, а вроде как и не сын, он же совершенно не отсюда. И за границей

ему тесно, и в Москве тесно, он хочет чего-то такого… чего совсем не бывает! Поэтому его так и любят молодые. И никогда он их не послал бы на беззаконное дело, он же понимает, что отвечает за них…»

Друг писателя Бондаренко размышлял в 2003 году:

– Художник Михаил Шемякин когда-то писал о Лимонове: «Он очень талантлив. Внутри очень одинок. Он проник в гущу интереснейших событий. Не завидую никому, кто попадет в поле его зрения: тот будет выведен в его романе со всей подноготной…» Мне кажется, в последней книге «В плену у мертвецов» прежде всего в поле зрения писателя попал сам Эдуард Лимонов. Он-то и выведен со всей своей подноготной. Сила писателя Эдуарда Лимонова в его предельной искренности и обнаженности. Это не постмодернизм Владимира Сорокина или Виктора Ерофеева, где имитируются и чувства и эмоции, имитируется сама жизнь. У Лимонова сквозь изощренную стилистику приемов всегда вылезает его трагическая личность.

Он трагичен изначально. Трагична даже его любовная лирика. Трагична его личная судьба. Трагичны его отношения с близкими. Может быть, трагичное мироощущение и привело его в политику? Когда его родине стало так же плохо, как и самому писателю, он встал на защиту ее. И это не было игрой или позерством. Он наконец-то почувствовал себя близким и нужным родине. Та высокая степень лимоновского эмоционального неблагополучия, о которой писал Иосиф Бродский, совпала с высокой степенью всенародного эмоционального неблагополучия, и даже государственного неблагополучия; на такой единой волне протеста Лимонов и превратился из крайнего индивидуалиста в крайнего государственника. Когда-то нечто подобное произошло с Владимиром Маяковским. По многим параметрам художником, чрезвычайно близким Эдуарду Лимонову…

Его личная трагедия сотворила из Лимонова героя. Героя-одиночку, героя из «Дневника неудачника», героя, бросающего вызов миру и готового умереть во имя этого вызова. Трагедия страны сотворила из Лимонова героя национального. Сколько бы он ни писал в ранних стихах «Мы – национальный герой», не будь трагедии страны, не слились бы энергии протеста личности и протеста нации, Лимонов так бы и остался в истории литературы ярким героем экзистенциального плана, эмоциональным трагиком своей собственной неблагополучной судьбы. Его трагическое «я» стало общерусским «мы» в годы крушения державы. Я не верю в лимоновский цинизм и игру не только потому, что видел не раз его в полном смысле слова героическое

поведение, но и потому, что как критик вижу обнаженность его литературных текстов. Это скорее антиигра. Поэтому его никак не могли приручить и победить следователи…»

Многие ли из наших политиков и писателей способны идти в «Лефортово» и «Бутырки»? Готовы ли и другие стать при жизни полубронзовыми, но мучениками?

Из украинских писателей к узнику писал письма, присылал свои рукописи Павел Вольвач. На шестидесятилетие направил поздравительную телеграмму: «Так и нужно встречать юбилеи, не кунять в президиуме».

«Но тюремные нары за право быть художником – не шутка, как бы ни выглядело это стильно с точки зрения писательской биографии. Как и то, что полуторагодичная изоляция Лимонова за решеткой – только повод для наших светских разговоров, а не публичного возмущения. Хотя бы для самоуважения мы должны были бы заявить всем российским спецслужбам протест против террора нашего земляка и коллеги. Я бы подписал его первым», – в феврале 2003 года украинские литераторы наконец проснулись, раздался голос из родного Харькова, чуткий голос Сергея Жадана. Только уточню, двадцать два месяца за решеткой – не полтора года. И даже не двадцать два месяца человеческой жизни. В марте 2003 года в газете «Киевские ведомости» в защиту узника совести выступил Олесь Бузина.

Из «Лефортово» в Саратов 5 июля 2002 года вождя нацболов, Нину Силину, девочку метр с кепкой, и еще четверых нацболов отправили на правительственном «Ан» авиакомпании «Россия». Таким же, каким летал спикер Госдумы Селезнев. Именно к нему в 1998 году подался на работу Дугин. Там поуютнее. Знаю из первых уст: моему родственнику довелось потрудиться в аппарате главы одной из палат российского парламента. Синекура, одним словом.

В ноябре 2002 года в московском Центральном доме художника объявили имена лауреатов премии имени Андрея Белого. Награду учредили в далеком 1978 году: бутылка водки и рубль.

Геннадий Айги, Андрей Битов, Иван Жданов, Ольга Седакова, Елена Шварц стали с тех пор ее лауреатами. В 2002 году комитет премии, в который вошли Ирина Прохорова, Глеб Морев, Александр Скидан, Елена Фанайлова, Виктор Лапицкий, Борис Останин и Борис Иванов, объявил о награждении в номинации

«Проза» Эдуарда Лимонова за «Книгу воды».

«Лимоновский герой – исторический тип мужчины, бесконечно перемещающегося, меняющего места стоянок (замки, постоялые дворы) и сражений, противников, женщин и попутчиков-соратников, – считает современный русский прозаик Олег Дарк. – Лимонов – русский Киплинг или Вальтер Скотт. Пошло, но правда…»

Александр Скидан делится мыслями о «Книге воды»: «Она написана в тюрьме, в ожидании суда. «Ты сам свой высший суд», – говорит себе Лимонов и пишет. О водах времени, в которые нельзя войти дважды, но можно – с автоматом на плече и с революцией в башке. Один раз. «Мы дошагали до середины реки, и стало видно, как Днестр уходит сияющей полосой вниз и вдаль к морю. Дул вкусный, самый свежий в мире ветер, временами принося мельчайшую водяную пыль. Я представил, как бликуют в прицеле снайпера мои очки и сделал огромный глоток вкусного воздуха…» Днестр, Пяндж, Тибр, Обь, Енисей, Нева, Темза, Дунай, Сена, Волга, Гудзон, Адриатика, Средиземноморье, Черное море, Белое, Азовское, Северное, Тихий океан, Атлантика. География авантюриста, номада, Бакунина и Дон Гуана в одном лице. (Не является ли Дон Гуан протофашистом, не накладывается ли на его эстетическую эмоцию реакционный концепт «обладания»?) Война и женщины, женщины и война. Все, все, что гибелью грозит… Со времен «Дневника неудачника» Лимонов не писал так свободно, так хищно. Некоторые места пробирают до мурашек, до кома в горле. Иные полны жестокой поэзии. Иные – озорства, вызова, великолепной бравады. И вновь, как и в «Дневнике», любовная страсть (любовная рана) повенчана здесь со страстью политической – страстью изгоя, отребья. Но уже без гаерства. Рутина, покорность, сытость – антиэстетичны. В этом он, опять же, наследник коммунара Рембо, фашиста Паунда, горлана Маяковского, самурая Мисимы. Свою биографию он строит по той же схеме. От эстетики – к прямому действию, жесту. Биография как тотальное произведение искусства. «Я инстинктом, ноздрями пса понял, что из всех сюжетов в мире главные – это война и женщина (блядь и солдат)». В такой оптике, конечно, есть риск ослепления. (К слову, в воде Лимонов постоянно теряет очки или линзы. Точно так же он теряет возлюбленных, друзей, соратников по партии.) Но ведь ослепления он и ищет. Блядь и Солдат, Эрос и Танатос, оргазм и холодок страха в низу живота. Тонкая красная линия, отделяющая сатори от смертоубийства. Чтобы однажды увидеть – что? «Москва-река ни к чему не побуждает, не навевает никакого настроения. Это странное кладбище мертвой

воды посередине города, разлегшееся в неопрятных серых берегах. Как опасная ртуть». Я не знаю более зоркого описания главной реки страны».

Вождь в Саратовском централе. Мучительние дни суд-допрос начались. Один такой день: шмонают трижды, а раздеваться приходится даже четырежды, если начать с медосмотра. В начале декабря 2002 года Лимонова переводят из Саратова в СИЗО-2 в Энгельс. Это случилось 12 декабря после того, как 11 декабря дал интервью по поводу Дня Конституции. А может, администрация разозлилась, что просвещает других зэков. Много рассказывал из того, о чем пойдет речь в изданной в 2008 году книге «Ереси».

В камере № 39 в Энгельсе знакомится с убийцем двоих по имени Прохор. Прохор избегнул пожизненное, «пыжа», но и двадцать лет сидеть не желает. Для уменьшения срока недостает до требуемой взятки нескольких тысяч. Жена Прохора отказалась для этого продать машину. Самое удивительное для писателя, что Прохор на нее не в обиде. Лимонов и Прохор задумали создать новую религию, основанную на поклонении Сихотэ-Алиньському метеориту, обсуждают принадлежащую Прохору книгу Фрэзэра «Тотем и табу». На четвертый день их поместили в разные камеры. Декабрь 2002 года оказался тяжким. «Двойка» в Энгельсе была задумана для того, чтобы ломать людей. Для лидеров и членов ОПГ.

К счастью, тюрьму расформировали, и 26 декабря 2002 года в мерзлом «воронке» писателя перевозят через Волгу из заволжских степей обратно в Саратовский централ. Новый год встретил в камере с тремя зэками. Один из них – министр культуры Саратовской области дядя Юра. Его посадили за взятку в одну тысячу долларов США и 20 тысяч рублей. Дочери дяди Юры передали «под елочку» копченую курицу. Дядю Юру в Новом году ждет должность директора клуба тюрьмы. Министру без должности и за решеткой не положено.

Скоро писатель услышит обвинение. Его поддерживали многие в те тяжкие дни. В Израиле прошли демонстрации протеста. Французские интеллектуалы подписали в его защиту петицию. Посол Франции несколько раз встречался с адвокатом Беляком. Шемякин лично разговаривал с Путиным и вышел грустным после беседы. Защищали Жириновский, Митрофанов, Алкснис, Василий Шандыбин, директора издательств «Ад Маргинем» и «Ультра. Культура» Александр Иванов и Илья Кормильцев. Помогали Борис Березовский, Проханов, который передал 10 тысяч долларов литературной премии. Они очень пригодились для оплаты адвокатов, поддержки других нацболов,

которых судили. Лимонов старательно работал с адвокатами, над защитой, писал ходатайства за других зэков. Огромную роль сыграла сплоченность и бесстрашие лимоновцев. По всей России допросили 250 свидетелей. Кто не прошел через допросы в прокураторе, тому поясню (не с чужих слов): вы можете зайти в кабинет свидетелем, а выйти (или быть отконвоированным) уже подозреваемым или обвиняемым. Из двухсот пятидесяти допрошенных двести сорок семь товарищей выстояли и не предали вождя.

30–31 января 2003 года два обвинителя поочередно толкают речь. Вождь нацболов бесстрастно конспектирует. Прокурор запросил по статьям 205, 208, 222 (часть три), 280, соответственно десять лет лишения свободы, четыре, восемь и три. В колонии строгого режима. На лице писателя не дрогнул ни один мускул. Принимая во внимание престарелых родителей и возраст подсудимого, двадцать пять лет прокурор милостиво скостил до четырнадцати. Ни единого смягчающего обстоятельства не нашел. Этот же прокурор помогал гепрокурору Устинову на процессе известного чеченского террориста Салмана Радуева.

Четырнадцать лет строгого режима. Четыре статьи. Возвращаясь в «воронке» обратно в централ, Лимонов вполголоса декламирует стихи Кузмина из начала книги «Форель разбивает лед».

2 февраля 2003 года в Москве в честь 60-летия Эдуарда Лимонова в ЦДЛ прошел вечер в его поддержку. Звучало много выступлений. (Сам писатель потом заметит, что рад был при этом не присутствовать.) Держал слово и Юрий Мамлеев. И ВВЖ, который отвел Проханову место Плеханова русского патриотизма, а Эдуарду Лимонову – место Ленина в истории.

Утро 4 февраля. С шести утра на ногах. Сегодня день суд-допрос. На полке под окном по черно-белому телевизору без звука идут новости. Новости НТВ. Наташа. Наталья Медведева, певица, журналист, прозаик, драматург (романы «Любовь с алкоголем», «Моя борьба», «А у них была страсть»).

Включает звук. Она ушла в ночь с третьего на четвертое. Не был с ней разведен. Теперь вдовец. Прожил с Натальей Медведевой почти четырнадцать лет.

– Я не утверждаю, что она умерла из-за меня, за меня. Но страшный срок, запрошенный мне прокурором, перевесил чашу весов. Послужил последней каплей. Чего вдруг иначе она умерла в конце вторых суток после того, как мне запросили приговор? Что, ей было мало других дней? Она меня всегда очень любила и

к тому же уважала. Устала и ушла… А зеркало задернул черный флер 14 лет.

15 апреля 2003 года. Судья Матросов оглашает приговор. До того как в России ввели мораторий на смертные казни, вынес достаточное количество смертных приговоров, почему его и прозвали «Ворошиловский стрелок». Дело свое знает.

Он сделал суд над Эдуардом Лимоновым открытым. Он в результате укажет на ошибки прокуратуры и чекистов в процессе следствия. Ну а в сей момент – перерыв по ходу оглашения приговора. В зале парламентарии Черепков и Шандыбин. Шандыбин подходит к клетке:

– Эдуард, хочу пожать твою руку. Ты здесь сидишь ведь за нас – за всех мучаешься. В российских тюрьмах сидит один миллион двести тысяч заключенных. И чиновников 1 миллион 200 тысяч. На душу чиновника по душе зэка.

Приговор: четыре года за незаконное приобретение и хранение оружия. Обвинения в терроризме и подготовке к свержению государственного строя сняли. Тридцать томов уголовного дела развалились. Не разоблачили захватчиков земель суверенного Казахстана. Не доказали партизанскую деятельность. Один из томов полностью состоял из распечатанной дискеты – 262 страницы книги «Действие в военное время». Дискету, как и много других дискет, нашли дома. Их присылали Лимонову как редактору газеты «Лимонка». Компьютера у писателя вообще-то не было. С 15 мая 2003 года Эдуард Лимонов находится в «чудном лагерьке» № 13. Зэки вскрывают себе вены, чтобы не оказаться в нем.

Презрение к невзгодам – девиз писателя. Его не пугали профилактические беседы с офицерами КГБ, преследования ФБР и дээстешников (французской контрразведки). Он шел на одну, вторую, пятую войну военным корреспондентом. С блокнотом в руках штурмовал в октябре 1993 года телецентр «Останкино». Его не сломили три тюрьмы. Первые дни пребывания в «Лефортово» он часами ходит по камере, повторяет для укрепления духа имена классиков-узников. И написал о них книгу. В перерывах между судебными заседаниями и в выходные в Саратовском централе перечитывает «Идиота» и изучает по письмам Ленина историю РСДРП. Вот почему он выбрал именно сорок девятый том Полного собрания сочинений (к сведению ученых – обладателей дипломов Литературного института, которые позволяли себе ерничать над узником совести). А незадолго до ареста читал «Капитал», харьковское издание 1928 года. Скорее всего, с предисловием

Карла Каутского – так тогда издавали «Капитал». В «Еврогулаге», колонии № 13, стоя на поверках, он сравнивает закопченные корпуса промзоны с крепостями крестоносцев и воображает, как летит над ними подобно Симону-Магу.

– Лучше бы я жил себе и жил в этом странном мире монашеского аскетизма, повинуясь ритму трех больших молитв-проверок в сутки. Обезжиренный, мудрый, тайный осужденный Эдуард с впалыми щеками и копчеными ушами. Возможно, нет, я уверен, мне удалось бы однажды четко рассмотреть, кто летает в ядовитых облачках над промзоной на закате, кто, птеродактиль или Симон-Маг, – возвращается в злую годину испытаний и поясняет Лимонов в октябре 2009 года.

– Я вот люблю до сердцебиения странных немецких поэтов и гностиков-еретиков. Когда мне было 28 лет, я жил на Погодинской улице, неподалеку от Новодевичьего монастыря, в девятиметровой комнате. Ко мне приходил худой носатый парень-австриец, служивший в посольстве Австрии переводчиком, и вместе мы переводили на русский стихи поэта-мистика Тракля. Я уже не помню ни имени, ни фамилии австрийца, не сохранились и мои переводы, сделанные по его подстрочникам. Я случайно вспомнил сегодня о лейтенанте Тракле, он покончил с собой в 1914-м, в военном госпитале. Вспомнил и подумал, что я совсем не тот человек, который известен всем. Из этой желтой девятиметровой комнаты я каждый день ходил прогуливаться на Новодевичье кладбище. Незадолго до описываемого мной времени туда перенесли останки великого поэта Хлебникова. Я покупал на рынке большие красные яблоки и клал всегда одно яблоко на могилу Хлебникова. Когда его склевывали птицы, я клал следующее яблоко…

О существовании Симона-мага я знал с начала 60-х годов, то есть лет с двадцати отроду. Соперник Христа, летавший под Иерусалимом на закате (его «сбил», согласно легенде, апостол Петр), волновал меня несказанно. Когда я томился в лагере заключенным, еще шесть лет тому назад, Симон-маг являлся мне там в своем ослепительном облике то ли птеродактиля, то ли несостоявшегося Бога, он летал над промзоной. Недавно я обнаружил в интернете книгу известного адвоката Паршуткина о Симоне-маге. Автор высказывает предположение, что христианство украло биографию Симона, дабы приписать некоторые ее эпизоды истории Христа. Самого Симона, как водится, очернили, назвав его именем не только ересь: «симонианство», но и коррупционное преступление «симония». Будто бы Симон-маг пытался купить себе епископскую кафедру за

деньги. Эти их кафедры, чего они стоили! Историк Ренан пишет, что христианские епископства первых веков христианства, как правило, объединяли в общину всего-то 6–15 верующих. Так что «епископ Антиохийский» или «епископ Иерусалимский» всего лишь обращались к группке странных полубомжей, полухиппи в рваных плащах. Правда, говорят, что встречались там и богатые чудаки. Несколько апокрифических текстов утверждают, что Мария Магдалина была женой богатого землевладельца, которому принадлежал среди прочего и Гефсиманский сад, где схватили Христа. Она говорила на нескольких языках и, разумеется, никогда не была проституткой. Проституткой ее сделали враги христиан – ортодоксальные иудеи, Синедрион и активисты вокруг. А христиане, в свою очередь, очернили Симона-мага и гностиков.

У меня есть книг семьдесят на все эти темы, не популярных, но профессиональных, то есть академических. Я их читаю постоянно, все эти «Апокрифические Апокалипсисы», или рукописи из Наг-Хаммади, найденные в Египте в 1945 году. Я вам признаюсь, что я большой знаток гностиков, ну как знаток, ну ересь Карпократа я не спутаю с учением Маркиона. Вот сейчас, в июле, в провинции Синьцзян, в Китае взбунтовались уйгуры в городе Урумчи и в других городах. Были столкновения на улицах, уйгуры, я немедленно вспомнил, в XVIII и XIX веках сделали своей государственной религией манихейство. Манихейство же было основано пророком Мани в III веке. Мани гремел от Рима до Китая. Религия его соперничала с христианством, и успешно. Мир наш, учил Мани, – это смесь света и тьмы, а мир сотворил благой демиург, именуемый Духом Жизни. Манихейство признает ряд пророков, в том числе Иисуса, ряд завершается Мани. Сам Мани мученически погиб, как подобает пророку, в Персии, а манихейство подготовило мир к пришествию ислама. Именно в тех странах, где было распространено манихейство, восторжествовало учение пророка Мохаммеда. И уйгуры сейчас, и уже давно – мусульмане.

Занимаясь гностиками, я открыл для себя следующее: ересь катаров, исторически относящаяся к XII и XIII векам, похожа до полного смешения на гностические ереси II и III веков, в частности, на ересь Маркиона. Катары – жители предгорий с французской стороны Пиренеев – сумели захватить эти южные земли, где и большая часть епископов, и аристократия (так граф Тулузский покровительствовал им и, по слухам, сам был тайным катаром) были обращены катарами. Римское папство провозгласило крестовый поход против катаров. Не сразу, но они были разбиты или бежали. Их основная крепость Монсегюр пала в

1244 году. Но не сама история катаров остановила мое внимание. Мой очень здравый смысл отказался верить в то, что ересь катаров могла повторить через тысячу лет с большой точностью идеи Маркиона и Оригена (величайший христианский мыслитель III века, считается также и еретиком), то есть гностиков. Не живут тысячу лет ни идеи, ни религии! Ну правда, не живут! И тем более не живут ереси. Мое умозаключение: и Ориген, и Мани, и гностики – Маркион, Карпократ, Валентин и другие, и катары – все они жили в одно время, а именно в XII–XIII веках, если считать по христианской эре, а Христос был распят где-то за год до Первого крестового похода, то есть в 1095 году. Поскольку представить себе, что крестоносцы из возбужденной вдруг через тысячу лет после смерти Христа (!) Европы бросились освобождать вдруг Гроб Господень, через тысячу лет! – это, благо, глупость. Никакие религиозные чувства не могут сохранить свою пылкость через тысячу лет. Это я вам говорю, отец Эдуард.

– Понятно, что в долгие зимние и осенние, и весенние, и летние вечера я думаю не о том, о чем думаете Вы, и что Вы воображаете. У меня другие «хобби».

Маркион из Синопа, тот отрицал Ветхий Завет и три Евангелия, за исключением части Евангелия от Луки и посланий апостола Павла. Тело Христа Маркион считал обманчивым призраком… Другие гностики верили, что распят был Симон Киринеянин, а настоящий Спаситель, смеясь, стоял за крестом.

Спустя пять лет после стихотворных картин Италии в стихотворении «Саратов» («Прошедший снег над городом Саратов…»), в 1974 году оказался в Италии. Спустя тридцать три года – в тюрьме Саратова, городе, где не был никогда раньше, но который предвидел. Прирожденный путешественник становится узником. Видит вещие сны.

Я был в Харькове Москве Симферополе Ялте Киеве и других. Это раньше так назывались предыдущие города.

– Вещие сны. Мне как-то приснилось, что потеряли часть материалов моего уголовного дела, и такое действительно случилось. Однажды я увидел во сне числа 12 и 14, и прокурор запросил для меня 14 лет тюрьмы, а поскольку я 2 года к тому времени уже отсидел, то получалось 12. Здесь поневоле станешь суеверным, – вспоминает Лимонов Саратовский централ в августе 2003 года.

В заточении становится летописцем отечественного «исправительного» бытья, наблюдает, обобщает. Восемь книг за

два с лишним года. Из них семь в «Лефортово». Создает и стихи.

И вязкий Ленин падает туманом
На ручки всех кают над океаном,

И ржавый Маркс, – заводоуправления
Прогрыз железо: ребра и крепления,

И чёрный Ницше, из провала – крабом
И толстый Будда, вздутый баобабом,

И острый я – как шип цветов колючий
На Украине призраков летучих,

На Украине снов, где Гоголь с вязами,
Где буки и дубы и рощи базами…

Такие мы. А вы какие?
Мы – неземные. Вы – земные.

Летит стихотворная «Лимонка» за океан. Кстати, об ущербности «американских политиков» хорошо информированы их мыслящие соотечественники. Мне рассказывал один непростой американец, который в Джорджтауне учился с Клинтоном: «Да ты только посмотри на него, просто имбецил».

Джордж Буш выходит из самолета с черной собачкой
У него заостренные черты Антихриста, сына Дьявола
У него чёрное пальто и серебристые., колечками, волосы
вытертые сверху, как у стареющей овцы
Он говорит голосом заносчивой протестантской свиньи
Он грозит дополнительными
дредноутами,
канонерками,
ракетами
И его чёрная собачка смотрит
неподвижными чёрными глазами
на нас
выбирает следующую цель
И жена Буша шагает за ним на трех ногах…
А у трапа самолета стоят людоеды-министры
Рамсфельд – растлитель детей, садо-мазо в очечках

Кондалиса – дочь Анкл Бенца – облизанная шоколадка,
доказывая, что людоеды могут быть черной расы
и женщинами…
Сзади толпятся слащавые сволочи в костюмах праведников
А над Бушем щёлкает тяжёлый американский флаг.
А я думаю: «Америку необходимо разрушить
Уничтожить Америку следует бесспорно…
Эти люди кроткие опасны. Страшно опасны
С ними следует покончить навсегда…»

В колонии ведет тетрадь для записей. За два дня до выхода на волю замечает ее пропажу. Явно приложила руку администрация. На всякий пожарный случай. Писатель полагает, что мистическое измерение в своем творчестве впервые в таком значительном объеме проявил в «Торжестве метафизики», творении о тринадцатой колонии, упоминает о наполненности предчувствиями «Дневника неудачника».

Счастье – это то состояние, когда ты можешь любить
настоящее. Не прошлое, не будущее – но настоящее.

«Дневник неудачника», «Торжество метафизики», «Анатомия Героя», в своих других лучших, на его взгляд, произведениях Эдуард Лимонов стремится разворачивать действие в пяти измерениях. Три пространственных, четвертое – временное, пятое – мистическое. Верит, что существует параллельный нашему мир, и он говорит с нами на выразительном языке знаков, знамений, подаваемых ему. Находясь в заключении, писатель получал послания в свой адрес человека, которого никогда не видел.

«Герой нашего времени – писатель, он возьмет должное и из философии и из религии…

Когда читаешь Эдуарда Лимонова, всегда не важно, что с ним происходит… Больше всего ждешь, что он скажет по поводу того или иного явления или человека, заранее предвкушаешь. Благодаря его рентгеновской честности глазами Лимонова ты видишь мир в чистом виде, сухой остаток… В этом секрет каждого таланта большого – и вашего, – когда человеку есть что сказать, он честный, прямой, отдельный, непродавшийся, сильный, тогда ты способен увидеть его глазами мир как соединение силовых линий, энергий, законов, страстей…

…Вселенная ласкова к философам, писателям-аутсайдерам и втайне куда больше их любит, чем весь остальной сброд, хотя и

не показывает этого явно, и лучшие люди вот в тюрьме сидят. Она не говорит им «да», чтобы никто не услышал, но улыбается и кивает головой тихонько эдак. Честный мыслитель имеет точку опоры, космическую истину – свою честность, самоотверженность, готовность излить себя без остатка и врезать то, что обыватель ни за какие коврижки не отдаст, – свое «эго»…

Соль земли – подвижник, йог, мыслитель… Между этими ребятами, в равной пропорции разбросанными по эпохам, странам и континентам, существует незримая космическая связь…» – так писал Лимонову в многостраничных письмах Вадим Пшеничников из шахтерского города Анжеро-Судженска Кемеровской области в начале двадцать первого века. Вадим Пшеничников, народный мудрец, удостоился посвящения в начале книги «Ереси», которая увидит свет в 2008 году.

– Если быть разумным и серьезным, то ничего в жизни не сделаешь. Даже в Москву я не смог бы приехать из Харькова, ведь, разумно рассуждая, без прописки и работы меня ждала в Москве голодная смерть. Но я приехал и не умер… И в Нью-Йорке я должен был бы спиться, умереть под мостом, попасть в тюрьму… А может, мы сами накликиваем свою судьбу и становимся настолько большими, насколько у нас хватает наглости поверить? То есть мы сами определяем свою величину? – предвосхищал писатель свои хождения по мукам в октябре 1983 года в рассказе «В сторону Леопольда».

Свобода. Седой Ересиарх. 2003–2012

Лимонов выходит на условно-досрочное освобождение 30 июня 2003 года. С утра не знал, случится ли оно. Зарядка. Столовая с кашей, вареной килькой и чаем. Пьет чай с хлебом, на кильку, которая воняет кислым мокрым бельем, смотреть не может. Развод на промзону. Писатель как пенсионер туда не ходил. Завхоз отправляет в душ. Из душа срочно требуют выйти. Хозяин приказал, там журналистов понаехало! В отряде, в локалке переодевается. Потом его буквально волокут к зданию администрации. По привычке подносит руку к голове, чтобы положить кепи на пол. Кепи нет. Через узкий коридор под надзором Хозяина, получив на справку печать, покидает земли носорога Егузея. На свободе ожидают журналисты, нацболы, друзья, адвокат Беляк, Быков. По пути в Саратов купается в Волге. В кафе выпивает красного вина, знает в нем толк после Франции. Идет прогуляться перед входом в здание Саратовского УФСБ, попыхивая сигарой. В Москву возвращается поездом. Встречают несколько сотен человек. На Павелецкий вокзал пришли верные Алкснис, Шандыбин. Нацболы скандируют:

– Наше имя – Эдуард Лимонов!

Сразу после обретения воли уже в июле 2003 года Лимонов обращается с открытым письмом к руководству МВД, требует у министра личного приема для рассказа о злоупотреблениях его подчиненных. Объявляет начало борьбы за права заключенных. С той поры жизнь Эдуарда Лимонова проходит в ритме судов и боестолкновений.

– Политика – если идешь по темной улице и видишь под фонарем троих. А тебе пройти нужно мимо них – это уже политика. Политика одного по отношению к трем, политика трех по отношению к одному. Возможны три варианта: безразличие, дружественность, агрессия.

Не безымянная тройка под фонарем – две государственные махины напали на писателя. Попытался на автомобиле пересечь российско-украинскую границу 25 июля 2003 года. Задержан украинскими погранцами и выдворен со штампом в паспорте о запрете въезда до 26 июля 2008 года. Так и не повидался с отцом. Отец очень ждал дня освобождения, выпил в радости 30 июня рюмку. И слег. В марте 2004 года в возрасте 86 лет отошел без видимых причин смерти.

В 2004 году писателя пригласил на беседу вскоре после того уволенный помощник президента Илларионов. Кремлевский двор вызвал у Лимонова ассоциацию с двором Саратовского централа. Так же как и выстроенные после 1991 года постсоветские государства напоминают колонию, лагерь, централ. Во главе стоит суровый отец, его величество Президент-Хозяин. Повелевает сурово, ведь в России традиция палачества – превыше всего. Как в «Еврогулаге» в заволжских степях, где послушных зэков награждают всего-навсего тем, что не избивают. А непослушных и избивают, и калечат, и убивают.

2 августа 2004 года нацболы захватили несколько кабинетов минздрава, включая кабинет министра Зурабова, ныне посла России в Украине. Протестуют против ошибок в реформировании порядка предоставления льгот, их «монетизации». Аресты, суды, сроки в наказание. В приемной администрации президента 14 декабря 2004 года тридцать девять нацболов выкрикивают речевку «Путин, уйди сам!» Патерналистское государство не пожурило по-отцовски, а отправило непокорных в места не столь отдаленные. Так, художница Наталья Чернова получила три года. В январе 2005 года власти напускают на лимоновцев провокаторов из движения «Наши». Вбухивают немеряные бюджетные средства, то есть те рубли, которые так не лишни были бы тем же льготникам. Нацболов не унять! В мае 2005 года на альпинистских стропах между одиннадцатым и десятым этажами гостиницы «Россия» два нацбола, девушка и юноша, вывесили полотнище в четыре этажа по вертикали с той же надписью: «Путин, уйди сам!». Девушка, Ольга Кудрина, получила три с половиной года. Скрывалась в подполье и в 2008 году получила в Украине политическое убежище.

Вождь партии, герой оппозиции, Ленин современной российской политики занял в поэзии место, о котором в 2004 году пишет Александр Жолковский, обобщая свое восприятие эстетики, поэтики Эдуарда Лимонова: «Эстеты (если бы!), брезгливо отмахивающиеся от литературной продукции издателя «Лимонки» («Не читал, но скажу»), могли бы понять… что впечатанная в массовое сознание фамилия Лимонов – игрового и отнюдь не боеприпасного происхождения. Псевдоним Эдуарда Савенко сродни таким галантерейным персонажам его ранней лирики, как гражданин Перукаров, брадобрей Милоглазов, гражданка Перманентова… Костюмов-душенька и приятная безумка Валентина… Лимонов очень быстро нашел свой голос, сочетавший маскарадную костюмность (к которой буквально толкало юного уроженца Салтовки его парикмахерское имя) с по-

толстовски жестокой деконструкцией условностей, с восхищенной учебой у великого манипулятора лирическими и языковыми точками зрения Хлебникова и с естественным у принимающего себя всерьез поэта нарциссизмом (демонстративным у Бальмонта, Северянина и раннего Маяковского, праведным у Цветаевой, спрятанным в пейзаж у Пастернака).

В сущности, эта розановская многосторонность уже предвещала последующий разброс литературных и социальных амплуа: андеграундного поэта и подпольного портного, Париса – соблазнителя «прекрасной Елены»; самозваного «Мы – национального героя» (кажется, это было первое явление морфемы «наци-» в его репертуаре); эмигранта (очередной раз позвонив ему, я услышал от мрачной квартирохозяйки: «Ваш Эдик – в среду – уехал в Лондон – навсегда!»); нью-йоркского вэлферовца, прислуги за все и диссидирующего сотрудника «Нового русского слова»; автора классического ныне «Эдички» (которого я прочел еще до отъезда в контрабандном ксероксе); Кавалерова-дворецкого при меценате с элитарного Саттон-Плейс (см. «Историю его слуги»)… скандального нью-йоркского, а затем парижского литератора, забросившего (к счастью, не совсем) стихи как занятие убыточное и пишущего под запроданный перевод; всеевропейского «бэд-боя» – поклонника Каддафи и Караджича, любителя «пострелять»; постсоветского возвращенца, нацбола, основателя «Лимонки», путинского зэка, мастера тюремной прозы – непрошеного собрата Достоевского, Чернышевского, Синявского и Солженицына (у жизни не по лжи свои законы жанра), любимца прессы…»

Одно из любимых Жолковским стихотворений:

В совершенно пустом саду
собирается кто-то есть
собирается кушать старик
из бумажки какое-то кушанье…

«Эти стихи написал 24-летний провинциал почти 40 лет назад, – говорит Жолковский. – Я знаю их уже три десятка лет… не перестаю дивиться их отстраненной экзистенциальной прямоте и дерзкой изобразительной и словесной хватке».

Далее Жолковский указывает на шедевр на гоббсовскую тему, с характерным лимоновским вниманием к взаимоотношениям между «я» и «ты» и мастерски выдержанной гаерской интонацией:

И этот мне противен

И мне противен тот
И я противен многим
Однако всяк живет…

Еще одно стихотворение запало в душу Жолковского: «Я знаю его по одной («Стихотворения. 4-й сборник») из четырех машинописных, собственноручно сшитых автором тетрадей, которые купил году в 1972-м у торговавшего ими Лимонова по 5 р. за штуку (дарственные надписи на них он сделал по моей просьбе уже в Штатах)».

Мои друзья с обидою и жаром
Ругают несвятую эту власть
А я с индийским некоим оттенком
Все думаю: А мне она него?..

«Это стихи конца 60-х – начала 70-х годов, и ничто вроде бы не позволяет догадываться о грядущем нацбольшевизме, но они уже звучат вызовом тогдашнему интеллигентскому диссидентству (на всякий случай: и я там был, мед-пиво пил, так что все в порядке, все, как говорится у Зощенко, соблюдено и все не нарушено).

Нарциссизм, автоэротизм, метапоэтичность – букет, представленный во многих стихах (ср. еще «Мелькают там волосы густо……. и «Ветер. Белые цветы. Чувство тошноты……. с поразительной строчкой: *Это я или не я? Жизнь идет моя?*)…

Жолковский рад, что шок эмиграции и финансовый стресс не задушили лирического темперамента поэта.

Вы будете меня любить
И целовать мои портреты
И в библиотеку ходить
Где все служители – валеты

Старушкой тонкой и сухой
Одна в бессилии идете
Из библио́теки домой
Боясь на каждом повороте
Его восхищает «Жена бандита»:

Роза стоит в бутыли
Большая роза прекрасна

Она как большая брюнетка
Как выросшая Брук Шилдс до отказу

А кто же принес мне розу?
Ее принесла мне… подруга
Подруга – жена бандита.
Люблю опасные связи…

Считает вызывающими некоторые стихотворения периода 2000–2003 годов:

– Например, начинающееся:

Принцем Тамино, с винтовкой и ранцем
Немец австрийский Гитлер с румянцем
По полю французскому славно шагал
Но под атаку газов попал

и кончающееся с неуловимо мандельштамовской интонацией:

Как я люблю тебя Моцарт-товарищ
Гитлер-товарищ – не переваришь,
Гитлер амиго принцем Тамино
Нежно рисует домы вруино…

Те же провокационные мотивы – в центре стихотворения «Старый фашист (Пьер Грипари)»… и более раннего, парижского, «Геринг дает пресс-конференцию в душном мае»… Истоки лимоновского «нацизма» (он же – большевизм и че-геваризм), вполне у него органичного, – особая тема, за которую здесь не примусь; отмечу только причастность к этому синдрому широких слоев советского истеблишмента 70–80-х годов, упивавшихся, с иронией и без, Штирлицем, эсэсовцем по форме и коммунистом по содержанию».

«К юноше», стихотворение о юноше, обдумывающему переезд из Краснодара в Москву, Жолковский считает отражением близкой автору темы романтического вызова. Кончается оно так:

Одумайся о юноша! Смирись!
В столице трудная немолодая жизнь
Тут надо быть певцом купцом громилой
Куда тебе с мечтательною силой

Сломают здесь твой маленький талант
Открой открой назад свой чемодант!

Поэт отвечает на судьбоносный вопрос в честолюбиво-пророческом ключе:

В России конечно замучат
Ну как же! Они ль не сотрут
Другому – противному учат
и все миллионы идут
но я-то не для миллионов
А кто из мильонов бежал
тот способ найдет для поклонов
на мой приходить пьедестал

Жолковский лаконичен:

«– Дело в том, что стихи настоящие. Их грамматические сдвиги изумительно пучатся, и виноградное мясо (да, да, опять Мандельштам!) выглядит замечательно. Не подкачал и автор – создал себе и им биографию, объездил мир, завоевал Париж, в России, как водится, посидел, но не сломался. Скоро их начнут со страшной силой изучать, комментировать, диссертировать, учить к уроку и сдавать на экзаменах, и для них наступит последнее испытание – проверка на хрестоматийность».

Позволю себе не разделить точку Жолковского на «лимоновский нацизм». О том, с каким режимом борется вождь и возглавляемое им движение, какой строй существует после 1991 года и каким образом его оберегают, ясно видно из тех же книг писателя об «исправлении зэка». Достаточно перечитать «По тюрьмам» или «Торжество метафизики». Поэтому протест, противостояние таким порядкам должны быть радикальны. Нацизма тут нет и быть не должно. Я скорее солидарен с Сергеем Доренко, который увидел вождя на посту Председателя Реввоенсовета.

Вождь нацболов после 2003 года настойчиво искал союзников для усиления оппозиции. В 2005 году входит в состав инициативной группы по выдвижению знаменитого сидельца Михаила Ходорковского в депутаты Госдумы. В этом же году Доренко издает роман «2008», на страницах которого Предреввоенсовета Эдуард Лимонов напутствует Михаила Ходорковского возглавить правительство.

В феврале 2005 года выходит в прокат фильм «Русское». В 2005 году на выставке писатель знакомится с Екатериной

Волковой. Они тайно женятся. У актрисы Екатерины Волковой и Эдуарда Лимонова растут сын и дочь, Богдан и Александра, 2006 и 2008 годов рождения. Лимонов мечтает, чтобы сын вырос и стал политиком или большим военным, а дочь – певицей. Любители сериалов знают Екатерину по главным ролям в «Next» и «КГБ в смокинге».

В феврале 2006 года он представляет книгу «Такой президент нам не нужен: Лимонов против Путина». Это книга против приспособленчества в политике. Против класса «пиджаков». Вспоминает:

– Сидя в тюрьме, я написал цикл лекций, которые называются «Другая Россия». Это суровейшая критика так называемого русского адата, я имею в виду ненаписанные, негласные традиции, восходящие к крепостному праву. Те традиции, которые создали наше сегодняшнее общество. Традицию подчинения начальству, традицию бар, которые пороли своих крепостных, продавали их целыми семьями или меняли на борзых щенков. Думаю, эта книга вполне интересная и там есть проект. Там есть проект будущего. Я не говорю с определенностью, я предлагаю несколько вариантов того, каким оно будет. Все с большим недоверием и неприязнью я отношусь в государству как форме общественного объединения. К нему многие относились неприязненно, но сдавались. Почитайте работу Ленина «Государство и революция». Так было легче жить в уже устоявшихся формах. Опять я упомяну две книги-эссе, которые для меня очень важны. Читайте, если вы хотите блеск нового неожиданного взгляда на простые вещи – то читайте. Это пробуждает мышление и русское психо тоже. Последняя моя книга, о которой молчат, несмотря на то, что была презентация в магазине «Фаланстер» 7 февраля, – это «Лимонов против Путина». Это дотошное исследование. Ни в коей мере не пустые ругательства, а доказательства…

Книга «Лимонов против Путина» состоит из трех частей, трех блоков. Жизнеописание. Обвинения против Путина. И третий блок под названием «Чужой и злой», где писатель подводит, как это ему присуще, баланс. Он продолжает воевать с той демагогией, которая обманула его с товарищами еще в литейном цехе. Наобещали с три короба, они забастовку прекратили, а их вертанули. Класс «пиджаков», новая буржуазия, буржуазия знаний, вдохновенные трусы вертанут. Как пить дать вертанут.

Интернета —
Великие Кормчие «мышки»
Вдохновенные трусы с ленивой губой

Эти юные старцы, седые мальчишки
Выплывают они в океан голубой

Звонко лают в пространство —
Ведут меж собой перепалки
Всё узнали и знают и всех затмевают собой
О Великие люди! Колумбы на кресле-качалке!
Каждый нажил уже иль ещё наживёт геморрой

Революцию любят они обсуждать, демагоги
У пикейных жилетов, у них планетарная спесь
коноплевы и малеры равно глупы и убоги
Хотя Дугины тоже средь них истеричные есть…

Что не вечеру безмолвные речи так страстны
Раскричатся бывало, давя и на «мышек» злобясь
Как один бесполезны, никому не опасны
Современная плесень. Мгновенная связь…

Храбрецы Интернета… Колумбы на кресле-качалке
Хаусхоферы, Бисмарки спальных районов у МКАД
Генштабисты в кавычках ведут меж собой перепалки
Впали глупые дети и дяди в азарт…

Прилепину книга о Путине пришлась не по душе. Будто ее для иностранцев написали. У писателя так получается по жизни. Ему еще накануне эмиграции Андрей Дементьев из журнала «Юность» ответил, что поэт пишет стихи «будто немец на русском».

С лета 2006 года вождь нацболов участвует в движении «Другая Россия». С декабря того же года ведут свое начало «Марши несогласных», шествия, митинги оппозиции в крупнейших городах. После многолетней тяжбы в августе 2007 года Верховный суд Российской Федерации окончательно утвердил запрет деятельности Национал-большевистской партии как экстремистской организации. В августе 2008 года судебные приставы арестовали имущество Эдуарда Лимонова стоимостью 14 850 рублей и как должнику запретили покидать пределы РФ. Не выплатил Юрию Лужкову моральную компенсацию размером в полмиллиона рублей за критику мэра Москвы. Обосновал просто: средний месячный заработок писателя в России едва превышает восемь тысяч рублей.

Лимонов привык идти против течения, против штампов массовой цивилизации, которая производит продукты одноразового пользования. Она не нуждается в авторе как творце, она тиражирует авторов как производителей. Прошла эпоха «властителей дум». Настало пиршество посредственных продажных писак.

– На меня практически ежедневно обрушиваются тонны лжи и грязи, – утверждает писатель. – Идет яростная кампания дискредитации, как в свое время против Троцкого.

Смею предположить, кроме ярости политических недругов и осмеянных им чиновников разного ранга не стоят в стороне завистливые собратья по цеху. Гложет, душит жаба. Однажды Эдуард Лимонов сравнил писателей с водопроводчиками, сантехниками. Ну допустим, один заявит, что он лучший. Другой сразу ответит, что он еще лучше.

В 2008 году выходят сборник стихов «Седой Ересиарх». Книга «Ереси». Книга рассказов «Смрт».

Александр Токарев пишет о книге «Ереси»: «Другая история, Другая Россия, Другая Вселенная – такой подзаголовок можно было дать новой книге Эдуарда Лимонова «Ереси». Думаю, что, наряду с «Дисциплинарным санаторием» и «Другой Россией», «Ереси» станут одной из самых спорных и обсуждаемых книг нашей эпохи…

У Лимонова и ранее открывался дар провидения. Потому он мог, к примеру, предвидеть свои войны на Балканах и в Абхазии еще тогда, когда их ничто, казалось бы, не предвещало («Дневник неудачника»), или предчувствовать, какую роковую роль сыграет в его жизни простой русский город Саратов… а также предсказать свою тюремную встречу с бывшей женой Натальей Медведевой за несколько лет до этой самой встречи («Анатомия героя»).

Лимонов характеризует свою книгу как «собрание ересей, несусветных теорий, сложившихся в Учение», а себя – как иного, неземного, человека, чуждого и своей жене, и недавно скончавшейся матери, и сыну Богдану…

Лимонов предложил свое понимание мира и места в нем человека. Это понимание основано не столько на доводах разума, сколько на предчувствиях, метафизических ощущениях, видениях и, лишь в малой степени, на логических умозаключениях…»

Прилепин сравнил писателя с Прохановым, именуя их в написанной в 2008 году статье, посвященной 65-летию первого и

70-летию второго, «отец Эдуард» и «деда Саша». «Время не самый лучший судия, в первую очередь потому, что литературную иерархию каждой эпохи выстраивают все-таки не боги, а люди – и зачастую люди неумные.

Что такое Лев Толстой, Чехов и Горький, было понятно еще при их жизни, а дальше, надо признать, все пошло несколько наперекосяк. Последним великим русским писателем классической традиции был, безусловно, Леонид Максимович Леонов. Собственно, потому и Астафьев, и Бондарев, и Распутин называли его не иначе как «учителем», потому что знали, с кем имеют дело. С русской литературой во плоти. Леонов говорил: «Державин жал руку Пушкину, Пушкин – Гоголю, Гоголь – Тургеневу, Тургенев – Толстому, Толстой – Горькому, Горький – мне». Так получилась почти идеальная схема перенесения священного тепла из ладони в ладонь. Вовсе не сложно поместить внутрь этой схемы еще несколько имен, и русская классическая литература обретет завершенный вид, скорее всего уже не подлежащий дополнению. Метафорически выражаясь, Леонов никому не передал своего теплопожатия. Безусловно, и Бродский, и Распутин не в счет, они ко времени ухода Леонова (он умер в 94-м) уже сложились в литературные величины и, по сути, подвели свои итоги. И там, где пролег их путь, уже не растут новые цветы – просто потому что они взяли у этой почвы все что могли. Почва плодоносила два столетия и больше не в силах. Теперь наша классика – это замкнутый сосуд, величественная пирамида, животворящий космос: любоваться им можно, питаться его светом нужно, проникнуть внутрь – невозможно. Там высится величественный век девятнадцатый и стоит угрюмо равновеликий ему двадцатый – о чем, кстати, разговор отдельный, долгий и злой. Но наступившего века двадцать первого в том космосе не будет. И ничего страшного здесь нет. Никому ныне не приходит в голову писать последующих итальянских литераторов через запятую после Данте, Петрарки и Боккаччо – просто потому что началась другая история. Или, скажем, то, что являет собой современная французская поэзия, и то, какой она была сто лет назад, – вещи не просто несопоставимые, а объективно разные, иного вещества. По совести говоря, современного великого русского писателя надо называть как-то иначе, чтобы не путать несхожие по внутреннему наполнению понятия. Великие русские писатели сделали свое дело, они уже не с нами. В этом теплом феврале [имеется в виду февраль 2008 года. – МЗ.] случилось два юбилея людей пишущих, которые своей чудодейственной энергетикой в течение двух минувших десятилетий создавали разнообразные идеологические, политические и эстетические

смыслы, порождали целые течения, поклонников и последователей. Это Лимонов и это Проханов. Первому накатило 65, второму – 70. В том, что они – каждый по-своему – гениальные люди, нет никаких сомнений. Именно отец Эдуард и деда Саша написали самые важные, самые жуткие, самые страстные тексты последних времен. Однако из русской литературной традиции они выпадают всерьез и напрочь по очень многим очевидным показателям. «Знаете, я не литературный человек!» – сказал мне как-то Александр Андреевич Проханов, и он, было видно, не кокетничал. Лимонов на ту же тему говорил еще чаще. И про «плевать я хотел на своих читателей», и про «плевать я хотел на других писателей», и про то, что ничего особенного в литературном труде нет – это просто умение записать свои мысли, не более. Вообще Лимонов и Проханов в разных, конечно же, стилистиках, но оба склонны к некоему эпатажу (ну, просто потому, что они мужественные люди, в отличие от большинства своих коллег) – однако в случае с их восприятием литературы никакого эпатажа не было. Они искренне, на чистом глазу десакрализировали литературу!.. Все потому, что задачи человеческие (можно сказать – политические, что для отца Эдуарда и деды Саши одно и то же) они ставят несравненно выше литературных. В силу логики судьбы своей и своей в самом широком смысле физиологии названные мной отменили литературную присягу над светлой строчкой Пушкина и напрочь забыли слова клятвы верности святой своему писательскому ремеслу. Это ни в коей мере не отрицает Пушкина – как нельзя отрицать язык, на котором мы разговариваем, и русскую цивилизацию, где мы проросли и дышим теперь всеми счастливыми легкими. Однако есть ощущение, что литература нового времени будет все более оперировать теми представлениями, какими во многом еще стихийно пользовались февральские юбиляры, отец Эдуард и деда Саша. Отныне тот, кто мыслит себя Писателем с большой буквы и никем иным, истово веря в свое, вне любых времен, призвание и признание, – сразу отправляется на помойку питаться объедками; нет ему другого места, нет для него иной роли. Отныне литература – нормальная профессия и даже для самого литератора лишь один из многих инструментов, который позволяет вскрыть грудину реальности и извлечь оттуда пульсирующий смысл. Сочинять надо бы хорошо, но если наверняка знаешь, как хорошо, – можно и дурно, потому что лучше Шолохова и Набокова не напишешь все равно и пытаться бессмысленно, у нас вообще другие дела, другой отсчет, иные правила. Посему меняются и речь, и словарь литературы – классическим словарем ныне пользуются только графоманы.

После Леонова, говорю, писать так не стоит и не нужно, потому что вычерпано до дна. Можно только неприятно скрябать пустым черпаком в поисках влаги. Но есть, пожалуй, единственное, что всегда будет объединять и тех титанов духа, что светят нам издалека, и тех титанов страсти, счастье жить с которыми рядом выпало нам. Это абсолютная, тотальная и неизбежная готовность ответить за каждое произнесенное слово. Жизнью и смертью».

– Единственным, к кому не удалось подобрать ключи, оказался Лимонов. Просто он не продается в том смысле, к которому мы привыкли, – считает Дугин. – Понимаете, он за бабло как раз-таки не продается вообще. С Лимоновым надо по-человечески – сесть, налить, поговорить…

Сам Дугин уже стал объектом литературной сатиры. Алла Латынина пишет об известном романе Сорокина «День опричника», вспоминая Дугина:

– …есть сцена, когда опричник Комяга, допущенный в покои Государыни, видит среди своры шутов и приживалов двоих, которые имеют привилегию целовать Государыне пальцы: при этом круглоголовый Павлуша-еж бормочет неизменное свое «в-асть, в-асть, в-асть», а волосатый Дуга-леший подкрякивает «ев-газия, ев-газия, ев-газия». Трудно не узнать здесь известного политтехнолога, любящего словосочетание «реальная власть», и философа, некогда бывшего в оппозиции к Кремлю, а теперь окормляющего его идеологию… Дугин красноречиво высказался о судьбе Национал-большевистской партии, которую он начинал вместе с Лимоновым: «Если представить себе, что… НБП осталась за мной, то мы, несомненно, соединились бы с Путиным, вместо «Наших» была бы огромная опричная организация НБП. Только веселая. Я думаю, что в этом случае не был бы необходим особенный переход к евразийству». Заметим: слова «евразийство» и «опричнина» соединил отнюдь не Сорокин. Не из таких ли откровений и рождается замысел сорокинской сатиры? К словам *Власть* и *Евразия*, с которыми Сорокин ведет в романе свою игру, следует добавить еще слова: *Государство, Империя*».

Последняя ниточка связи Эдуарда Лимонова с Харьковом обрывается 13 марта 2008 года. Умирает мама. Он приехал попрощаться в Харьков.

– Ты была мне нормальной матерью. Без сюсюканья, но я имел все, что нужно. У нас была одна комната, но была хорошая еда, было сливочное масло. Были книги. Отец не пил и не курил. Спасибо вам за книжный шкаф, книги я раздам людям… И одежду раздам, и вообще все раздам, оставлю пару вещей на память…

Думаю, мне повезло, что я родился от любящих друг друга людей… За это тоже спасибо.

В августе 2008 года уходит Солженицын. Лимонов скорбит:

– Солженицын умер. Масштаб его личности стал мне полностью понятен 4 августа. Он был большой человек. Я не отказываюсь от той критики, которой я его подвергал, все остается на местах, но вот констатирую, резюмирую: большой, исторический человек ушел в мир иной.

Он был возраста моего отца. Собственно, с ним я и боролся как с отцом, против которого бунтуют. Я бунтовал и не примирялся, но странным образом, похоронив его, я понял, что именно я его наследник или, как я сказал «Коммерсанту», «преемник». Сейчас объясню в чем дело.

Александр Исаевич не был политиком. Но он заведомо был идеологом. В своих старомодных неуклюжих произведениях он предлагал России способ существования, пытался подсунуть свое видение российского и советского прошлого и будущего. Он был холоден, неприятен, догматичен, как политрук. Он не создал нам Раскольникова, не создал Вронского, не создал Базарова, но дал нам себя и свои неуклюжие планы для России. Он был смел и не смущался своих наскоро слепленных банальных книг. А сквозь эти книги прорывался его вполне консервативный, идеалистический, не могущий быть никогда исполненным план для России.

Мой план противоположен. Тому, кто читал мои идеологические книги «Другая Россия» и «Ереси», кто наблюдал за моей политической деятельностью, это абсолютно ясно. Однако мы с ним одного типа таланты: у нас (у него были) грандиозные планы для России…

Сегодня снова писателю Эдуарду Лимонову непросто, как и в 1994–1997 годах, издаваться:

– Вот я вам конкретный приведу пример, – говорил он в 2009 году, выступая по радио. – Я уже месяцев восемь пытаюсь переиздать свою тюремную трилогию. В тюрьме я написал много книг. Но это книги о тюрьме. Т. е. это «В плену у мертвецов» одна книга. И вторая «По тюрьмам», третья – «Торжество метафизики». Я вам назову только основные издательства, шесть издательств не захотели переиздавать эту книгу… Одновременно я вам говорю, что мне не составляет труда переиздавать те книги, которые я написал в эмиграции. Это вас заставляет задуматься о чем-то? Потому что в эмиграции нет режима сегодняшнего, нет этой власти. И она никак не затронута теми книгами, которые я

написал о Нью-Йорке, о Париже, обо всем на свете…

– Вы свысока говорите об оппозиции, – говорит Лимонов об итогах борьбы в 2009 году. – Чувствуется влияние взгляда, навязываемого все эти года властью. У нас, напоминаю, полицейское государство. Поэтому деятельность оппозиции сопряжена с опасностями. Нас репрессируют, сажают в тюрьмы. Я каждый год хороню своих сторонников: в декабре 2007-го Юру Червочкина похоронили мы, 23 года, в этом году – Антона Страдымова, 20 лет. Так что надо с уважением к оппозиции.

Кто за ними стоит? Их совесть, честь, нежелание жить в полицейском государстве.

У нашей страны достаточное количество храбрых и порядочных людей в оппозиции. Мы боремся за свободные выборы, за то, чтобы демонтировать авторитарный режим. У меня через тюрьмы и лагеря прошли с 1999 года более 170 сторонников. Сейчас сидят 15 человек, а по отношению к 22 возбуждены уголовные дела по статье «экстремизм». Сам я отсидел два с половиной года, хотя был приговорен к четырем годам. И так далее и тому подобное…

31-я статья Конституции РФ представляет гражданам право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования. Вождь лимоновцев провозглашает общественное движение «Стратегия-31»:

– Что происходит на Триумфальной площади каждое 31-е число тех месяцев, в которых есть 31-е числа? Рождается надпартийное движение гражданского неповиновения…

В результате моих размышлений и анализа и возникла «Стартегия-31», названная так по статье 31-й Конституции РФ, осуществления которой мы стали добиваться, выходя на Триумфальную площадь по 31-м числам месяцев. Для удобства граждан и удобства запоминания: одно место (Триумфальная), одна дата (31-е числа), одно время (18 часов).

Вождь нашел новый политический ход:

– В 2009 году в России (а возможно, и не только в России) перспективна не партийная политическая борьба. Давно пора понять, что политические категории стареют вместе со временем. Сколько можно талдычить «мы – левые», «мы – правые», мы такие, вы сякие. Эти понятия потеряли свое реальное значение. (Уже в 1993 году, создавая НБП, отцы-основатели ее, откровенно насмешничая, смешали в кучу правых и левых.) Хотите, чтоб люди поддержали нас, нужно поднять флаг протеста против насильственного бесчестного режима неоцаризма.

В январе 2010 года на радио с писателем беседует Софи Шеварднадзе (известная радио– и телеведущая).

– Вы бы хотели, чтобы ваши дети вошли в вашу партию, если вы считаете, что выбранный вами путь – это правильный путь?

– Мы не будем говорить о моей партии, потому что партия, которую я возглавлял, она запрещена с 2007 года. А я хотел бы, чтобы мои дети были существами справедливыми и борющимися против несправедливости. Упаси, Господи, увидеть обывателей на месте моих детей. Я бы их презирал. Я не знаю, доживу ли я до совершеннолетия моих детей, но я в любом случае буду их презирать и по ту сторону гроба, если они превратятся в овощей вот этих как бы бесчувственных, измазанных кашей обывателей в тапочках, которым важен только их мир, их семья, их квартира. Я хочу, чтобы мои дети были мощными, сильными людьми.

– Вот вы, как человек, как лидер, вы не хотите это называть партией, ну, хорошо, организация, вы в своих рядах имеете молодых людей, которые в принципе, потому что они идут за вами, могут тоже оказаться в тюрьме. Вы, как человек, который уже отсидел в тюрьме, вы испытываете какое-то чувство ответственности за этих людей?

– Я считаю, что люди все сознательные, сами понимают, что им нужно. И отношение к человеку, даже если это молодой человек, как к какому-то несмышленому существу, на мой взгляд, обижает людей. Как это можно говорить, предположить, что кто-то кого-то может на что-то толкнуть, это глупо. Люди все, особенно в политике, созревают рано. Сейчас особенно рано. И как мы видим из истории, скажем, там Дзержинский стал работать в партии, когда ему было 17 лет, Свердлов – 16. Ну, это наша русская история. Все подростки, на мой взгляд, часто умнее и светлее взрослых людей. Потому что взрослые люди потом заплывают жиром. Они не так остро воспринимают действительность. Их там смягчает жена, есть такие строки поэта Багрицкого «от белого хлеба и верной жены мы бледной немощью заражены». Вот это как бы семья, она человека смягчает, связывает по рукам и ногам.

Писатель задевает…

По вечерам я пил чаи
Вдыхая лист китайский чайный
И думал глупости свои
Мир посещая узкий тайный

Я был восторженно один

И если что-то волновало
То это книга задевала
Или случайный господин

И поэтессу Елену Фанайлову задевают книги Эдуарда Лимонова:

«Сегодня наблюдается тяжелейший кризис смыслов в русской не только поэзии, а тотально, во всей русской идеологии, в поле смыслообразования, не говорю уж о философии, которой у русских просто нет. Поэзия – один из важнейших инструментов смыслообразования, антропологический инструмент. Страна Россия переживает чудовищный антропологический и онтологический кризис. Поэзия обязана не только это вяло констатировать, но и найти способ довести до сознания безмозглых современников, что дела обстоят более чем неважно. Современники, затраханные социальными катаклизмами-катастрофами и собственными иррациональными страхами, не хотят слышать ничего дурного, а хотят успокоительного, и я их понимаю, но не оправдываю. Тот, кто заставит их слушать, окажется на пиру в Валгалле. Что-то я такого певца не наблюдаю окрест. Это не кризис. Это пиздец.

А наиболее интересен мне жест Сергея Круглова, блестящего, невероятного поэта, жителя Минусинска, в возрасте тридцати, что ли, лет ушедшего в монастырь. Очень изящно…

В последние годы я не нашла никаких ценных приобретений. В старые, то есть девяностые, годы это были Левкин и Гольдштейн, которых я обожала прямо-таки до слез. Сейчас я читаю Лимонова, Пелевина и Сорокина».

И писателя и критика Яна Шенкмана задевает последняя книга стихов «Мальчик, беги!»:

«Сорок лет назад, в эпоху смогистов и лианозовцев, стихи Лимонова казались тонкой стилизацией под примитив, под любительщину. Своего рода постмодернистской игрой, хотя тогда еще не все знали слово «постмодернизм». Сегодня стало окончательно ясно, что Лимонов не шутит и не играет. Он действительно такой, каким описывает себя в стихах и романах…

Очень сложно писать рецензию на книгу оппозиционера, даже если он выпустил сборник стихов, а не сборник прокламаций. Обругаешь – сочтут пособником «кровавого режима». Похвалишь – проявишь солидарность с тем, с чем проявлять солидарность совсем не хочется. Короче, надо быть осторожным. Тем более что стихи Лимонова, если вдуматься, мало отличаются от его прозы и

интервью. Если он когда-то и играл в эдакого романтического героя, мачо, оголтелого пещерного человека, то теперь маска приросла к лицу намертво, лирический герой и автор стали неразделимы.

Умный и злой питерский критик Виктор Топоров уже успел назвать стихи Лимонова «стихами капитана Лебядкина». А ведь кто такой Лебядкин? Это человек, который сочиняет желудком, а не душой. Ну и другими органами, естественно. «О, девка ушлая! / Вы мне моргали / Во всероссийском выставочном зале», – пишет Лимонов. Если бы такое написал Пригов, я бы понял. Ведь устами Пригова говорил его персонаж, дебильный обыватель с потными маленькими мозгами. Пригов изобрел Милицанера. Достоевский – капитана Лебядкина. Но Лимонов – только Лимонова.

В этом и состоит актуальность его книг. Не надо ничего придумывать. Не надо изображать. Просто напиши все как есть. Это уже искусство. Время постмодернистских масок прошло. Теперь не надо писать «как в жизни», изображать из себя «простого человека». Достаточно показать саму жизнь. Именно это имеет спрос. Потому реалити-шоу собирают большую аудиторию, а концептуальные проекты уже нет.

Вот Лимонов и сделал из своей жизни и стихов реалити-шоу. В его стихах почти дословно описаны и встречи с друзьями, и политические заварухи, и семейные неурядицы. Трудно сказать в двух словах, о чем Тютчев. Или Мандельштам. Или, предположим, Высоцкий. Но о чем Лимонов – вполне…

Я все думаю: а может, я ошибаюсь? Может быть, он все-таки не всерьез? Что если это маска, проект? И какой-нибудь небесный Плуцер-Сарно смотрит на нас сейчас и посмеивается в усы? Черный, однако, юмор должен быть у этого существа».

Земной лексикограф и фольклорист Плуцер-Сарно так передает свои впечатления от общения с писателем: «Вот Эдичка Лимонов, например, матерится не переставая, а его автор – Эдуард Вениаминович Савенко – человек вежливый и образованный, разговаривает на литературном языке. Лев Николаевич Толстой же, наоборот, в своих 90 томах ни одного хрена не воткнул в тексты, но зато в быту был не прочь порой загнуть в три этажа с предподвыпердом. Горький в свое время на него очень за это обиделся, не понял, что Лев Николаич это так, по дружбе заворачивал с прибором.

Литература, как и наш родной Восток, – «дело тонкое». Ежели герои, скажем, преступники, бизнесмены или чиновники, что, в общем-то, у нас одно и то же, то чего бы им не матюгнуться? Почему бы и писателям не поиграть плохими словами, художникам мы же не запрещаем черные краски использовать.

Хотя, впрочем, к тому дело идет. Скоро можно будет рисовать все только в розовых и голубых тонах».

Книгонавт Мальхан: «Я могу долго еще говорить о творчестве Эдуарда Лимонова, о его замечательной прозе и яркой жизни прирожденного авантюриста. Но лучше вы сами зайдите в библиотеку и возьмите несколько томиков его книг (рекомендую «Чужой в незнакомом городе», «Коньяк “Наполеон”», «Книгу мертвых», «Исчезновение варваров», «Дисциплинарный санаторий» и «Русское психо»). Начал перечислять, – и вдруг понял, что для составления полного списка нравящихся мне текстов Лимонова тут будет места маловато…

Друзья, читайте Эдуарда Лимонова!

Вы сможете на многое в этом мире посмотреть с новой точки зрения».

Михаил Веллер рассуждает о перпендикулярности писателя: «Я слышал о нем хорошие отзывы от самых разных людей. Например, от Марии Розановой – человека с моральной точки зрения безупречного. Сколько мы с ним встречались, разговаривались – вполне приятный человек… У молодого Лимонова бывали очень хорошие стихи… Написал когда-то наше все, Александр Сергеевич Пушкин: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес, а здесь он офицер гусарский». Если человек – перпендикуляр, то ему все равно к чему становиться в перпендикулярность. Если бы Валерия Новодворская родилась в Америке, она бы перед камерой сидела на фоне советского красного флага, проповедовала бы коммунизм и на майке у нее был бы Че Гевара или Троцкий. Лимонов – типичный человек-перпендикуляр. В СССР он антисоветчик, в Америке – антиамериканист, в постсоветской России – опять против государства».

«Как ни странно, я считаю значительным литературным явлением Эдуарда Лимонова. Безусловно, его значение во многом замешано на биографии, на судьбе, но ведь судьба писателя тоже может стать частью литературы…» – полагает литературовед Алла Латынина.

Я почитывал заказные публикации, направленные против Эдуарда Лимонова. Создалось впечатление, что некоторые, в том числе за подписью политиков, державных мужей, сочиняли в поте лица профессиональные литераторы. Думаю, степень их фантазий (вроде яблок и лимонов на одной ветке) и выдумки подогревает осознание того, что они никому не интересны и никого не задевают…

Когда Эдуард Лимонов был восемь лет в опале в Украине,

большое интервью с ним отснял и опубликовал Дмитрий Гордон.

«Сегодня с «ненькой» меня связывают лишь родительские могилы и квартира, которую унаследовал. Не так уж и мало, если учесть, что в Москве у меня своего жилья нет… – писал Лимонов в 2009 году в предисловии к новой книге Дмитрия Гордона «Без ретуши и глянца». – Дмитрий Гордон разыскал меня в Москве в то время, когда я был персоной нон грата. Пока мы беседовали, ловил себя не раз на мысли, что эту программу, возможно, увидит моя мать Раиса Федоровна, которую я не мог навещать несколько лет (меня даже на похороны отца не пустили!)».

Спрашивает С. Шеварднадзе:

– Я читала в журнале «Сноб»… отрывок из вашей повести, где вы описываете смерть вашей мамы. Вы там говорите такую очень интересную вещь, вы говорите, что вы там слезу не роняли, когда хоронили маму, а вспомнили, как вы хоронили молодого гвардейца из вашей партии и тогда вы заплакали. Как так вы можете плакать за молодого гвардейца…

– Я не заплакал. Слезы, я уже не в том возрасте, и не с моим жизненным опытом плакать. Но когда я хоронил Юрия Червочкина 23 лет, его избили бейсбольными битами по голове. И естественно, это на меня произвело более сильное эмоциональное впечатление, чем смерть моей 86-летней матери. Вы должны понять, когда молодой человек лежит в гробу с подтеками и у него весь затылок, видимо, снесен, но так загримировано, это, конечно, кошмарное зрелище. Ну, слеза навернулась. Вот что я могу сказать…

В 2012 году Эдуард Вениаминович Савенко-Лимонов идет на президентские выборы в Российской Федерации. Основные тезисы формулирует по-ленински доступно:

«Первым делом я подыму с колен судебную власть. Дам гражданам возможность оспаривать власть в Верховном и Конституционном судах, то есть найду на государство управу.

На первых же общероссийских выборах в течение года дам гражданам право избирать всех судей Верховного и Конституционного судов, а также и судей всех уровней и начальников отделений милиции.

Немедленно указом запрещу ФСБ и МВД вести политический сыск. Проведу свободные выборы в Национальный парламент страны, в которых будут участвовать все реально существующие политические организации.

Упраздню Совет Федерации. Вместо него будет учреждена

Палата народных представителей, по десять человек от региона, не избираемая, но селективно отбираемая населением региона.

Буду проводить по важнейшим вопросам жизни России народные референдумы.

Освобожу полностью СМИ.

Перенесу столицу России в ее реальную географическую сердцевину, в Южную Сибирь. [Сторонник подобного шага – академик Аганбегян. – *М. З.*]

В области внешней политики буду защищать интересы русскоязычных диаспор в бывших республиках СССР. Приму в состав РФ Абхазию, Осетию и Приднестровье.

Поощрю создание гражданского самоуправления всех уровней. Немедленно отменю призыв в армию.

Повышу благосостояние граждан.

Ограничу крупные капиталы. Введу налог на роскошь.

Устрою сеть дешевых столовых в городах России за счет больших энергетических компаний.

Пересмотрю и перераспределю пустующий жилищный фонд РФ.

Понижу возраст зрелости (в том числе и возраст избирательного права и вступления в брак) до 16 лет. Молодежь рожает охотнее.

Гарантирую трудоустройство всем выпускникам вузов».

– У меня будет, как и сейчас, два или три скромных костюма, автомобиль «Волга», и все это будет всегда куплено на литературные доходы, – обещает вождь. – На следующий день после избрания я подпишу указ, делающий Кремль историческим музеем, а сам останусь жить в квартире, где живу сейчас.

В качестве офиса буду использовать один из кабинетов администрации президента на Старой площади. Все четырнадцать президентских резиденций будут отданы под размещение санаториев для больных детей и детей-инвалидов. Я живу и буду продолжать жить не богаче, чем мой народ.

Эдуарда Лимонова нередко спрашивают по разным поводам об Украине. Однажды поинтересовались комментарием к очередным президентским «перегонам»:

– Выберите президентом не тоскливых, серых людей, – ответил он. – Выберите Э. В. Савенко, и жизнь ваша будет как ярче! Мы захватим Испанию и Португалию, а они у нас будут работать гастарбайтерами.

Ему посвящают литературные произведения.

«Однажды все книги Лимонова слились в сознании Ивана в один, симфоническим оркестром гремящий тысячестраничный

томище – «Лимонов». И он любил его весь сразу.

Иван повернулся спиной к своей гостинице и зашагал по брусчатке в сторону потока машин, который ограничивал непроезжую площадь с четвертой стороны – вскоре оказалось, это и была премного воспетая Лимоновым улица Сумская», – пишут в рассказе «Ноги Эда Лимонова» Яна Боцман и Дмитрий Гордевский.

Этот рассказ вошел в книгу харьковских писателей (под псевдонимом Александр Зорич), и именно он в рецензии в журнале «Мир фантастики» вызвал максимальное неприятие.

Как самый неоднозначный. Что и самих Зоричей озадачило. А мне рассказ пришелся по душе. При том, что сам упомянутый журнал, к слову, стараюсь побыстрее перелистывать, особенно «Книжный ряд». Душа болит, когда видишь, сколько, что и как издают в России. Для Украины все выглядит фантастично. Попутно замечу, что издательство «Владимир Даль» из Питера выпустило полное собрание сочинений и писем Константина Леонтьева в двенадцати томах. Мыслителя, без которого невозможен научный анализ эстетических и политических воззрений Эдуарда Лимонова. Особенно по критике среднееевропейца, одномерного человека, который героизм считает глупостью, гениальность – патологией, религию – суеверием. Писателю посвящает исследование знаток Японии Александр Чанцев. В 2009 году в Москве выходит его монография «Бунт красоты. Эстетика Юкио Мисимы и Эдуарда Лимонова».

Близится очередное тридцать первое число. Бунтарь идет по Москве на демонстрацию в защиту конституционных прав сограждан, земляков. Он и меня с моей семьей идет оберегать от постсоветских демагогов, «класса пиджаков», для которых закон – что дышло. Идет в растоптанной обуви Ессо (и я ношу эту марку), турецких джинсах, которые покупает у одного и того же дядьки в «Петровском пассаже». Скромные пиджак, рубашка, на пальцах серебряное кольцо с крокодилом из Сербии – память о Медведевой, перстень – память о Душанбе 1997 года, дагестанском офицере, знатоке Афганистана и всего региона Рамадане, под рубашкой четки и цепь из звеньев белого и желтого золота вперемежку. У бунтаря нет ни недвижимости, ни активов. Много ли человеку надо. Сумка, немного денег и паспорт. Идет походкой крепкого гимнаста. Всегда держит свои семьдесят кг. С утра на ногах, за письменным столом. Поутру спешит покинуть постель, гнездо всех болезней (по Канту). В арендуемых квартирах обязательно устанавливает перекладину. Делает за раз двадцать подтягиваний. С 1981 года не курит. Любит красное

вино. С утра пьет кофе. Ест один раз в день, под вечер. Над левым глазом шрам, память о драке с антикоммунистами в Париже после праздника «Юманите». Оба глаза тяжело травмированы бандитами в 1996 году. Носит бороду, символ мудрости, которую отпустил в 2000 году в горах Алтая. Пока сам не захотел, не сбрил ее и в тюрьме.

В 1964 году крепко сбитый харьковский литейщик прощается с заводской проходной. Он хорошо зарабатывает. До 320 рублей в месяц. На то время – ох как неплохо. Особенно, если тебе двадцать один год. Он шесть костюмов себе сшил. Завсегдатай ресторанов, где шампанским и коньяком угощает девушек. Все бросает и идет в неведомый мир творчества. Через три года уезжает в неизвестную Москву. Без прописки, не имея ни кола ни двора. Семь лет скитается, поменял больше ста двадцати адресов. В 1973 году отказывается, несмотря на угрозу ареста и лагерей, от предложения КГБ сотрудничать. А ведь пойди писатель навстречу – имел бы все шансы благоденствовать. По щучьему велению обрести заветные корочки Союза писателей. (Что было трудноисполнимым и для самых талантливых: в СП принимали при условии опубликованных произведений, но попасть в издательские планы пусть и на конец следующей пятилетки было маловероятным без членства в СП.) Либо мог оставаться в неофициальном искусстве при неофициальном же покровительстве органов. Жил бы и припевал в тени развитого социализма. Ну а в постсоветском капиталистическом шиздоме трогательно повествовал нам о тяготах и лишениях художника при ненавистном режиме. Но в ответ на предложение продаться мастерит в 1974 году новую самиздатовскую книгу, поэму «Мы – национальный герой» и покидает Родину В США отвергает наотрез благодушный антисоветский мирок и даже попадает в поле зрение их СМЕРШа – ФБР. Во Франции становится всемирно известным писателем, европейским публицистом, которому свои страницы охотно предоставляют самые солидные периодические издания Европы. Бунтарь остается самим собой. Порывает с интеллектуалами от компартии за их угодничество перед горбачевской перестройкой. Потом исследованием-памфлетом «Дисциплинарный санаторий» оглашает приговор загнившему западному мещанину, «среднеевропейству». С 1989 года вступает на тропу войны с предрассудками советских людей, их малограмотностью и неискушенностью во всем, что касается Запада. В 1991–1993 годах документирует ужасы войн на Балканах, в Приднестровье и в Абхазии, летописец подбирает краски и верные ноты для отображения трагедии гибели

послевоенного устройства Европы и миропорядка. С 1992 года находится на переднем крае политического фронта России, СНГ, фронта несогласных с тем, как обустроили одну шестую часть суши после 1991 года. Постоянно отвергает компромиссы. Партия. Газета. Заключение. Требование обвинения дать четырнадцать лет. А ведь мог превратиться в зажиточного деятеля, как Жириновский, или признанного властями философа, как Дугин. После 2003 года постоянно, и в 2006 и в 2008 годах призывает объединиться тех немногих, кто пусть даже теоретически способен стать в оппозицию к российским властям. Где-то замаячили Касьянов, Каспаров… Не сдюжили. И снова один в поле воин идет на площади, суды, под арест. Вечный революционер. Седой Ересиарх.

Баланс

Я не забыл своих юности дней
Маленьких дев и усталых коней
О Украина! О поле!
В тысячелетних предутренних снах
Ты говорила присутствует страх
Что ж! говори поневоле…

Я не забыл своих юности дней
Харьковски-скромных старых полей…

Однажды писатель читал научное исследование своего творчества: «…английского профессора российского происхождения. По-моему, Рогачевского. Он приводит мои письма и интервью разных лет и ловит на том, что когда-то я высказывал одни взгляды, а потом другие. То я называл себя русским писателем, то не называл себя русским писателем. Но ведь и то и другое верно. Ощущение, будто автор меня оспаривает. А что меня оспаривать? Ты исследователь, так что исследуй. Он рассуждает на тему, будут ли меня читать через сто лет. По его мнению, будут – потому что во мне воплотился комплекс неполноценности всего народа. О как! Думаю, народ с этим не согласится. Если у Лимонова есть комплекс неполноценности, при чем здесь народ?..

Все высказанное можно опровергнуть. Книга – это самая большая истина. В ней все абсолютно и неопровержимо, до запятой. Русская манера докапываться до последней правды ударяет иногда в психоанализ…»

14 декабря 2009 года на диспут на тему «Поэт и царь» в московский знаменитый «Фаланстер» приходит первым Эдуард Лимонов. Что только не пережили его владельцы за то, что привечают писателя. Магазин то поджигали, то искали, как царские филеры «Искру», газету «Лимонку»… Да кому только за самого «большевистского большевика» не доставалось. Даже журналу «GQ» пытались запретить печатать колумниста Эдуарда Лимонова.

– Тема не нова. Радищев и Екатерина, Булгаков и Сталин, Лимонов и Путин, – первым же берет слово в обмене мнениями. – Мы не выглядим банальными шутами. В марте я сделал заявление о намерении участвовать в выборах президента России

в 2012 году. Сначала от собственной смелости «крыша поехала». Затем привел крышу в порядок. А почему, собственно, нет?

Однажды писатель вообразил себя в 2033 году. По-разному.

«Пустился во все тяжкие». Тропический остров. Океания. Бунгало. В безукоризненно белом костюме высокодостойный старик в кресле-качалке любуется восходом солнца в полшестого утра. Прелестная, как цветок лотоса, китаянка подносит поднос со стаканом виски. Настоящие ценители в виски добавляют не лед, а всего пару капель воды, размешивая их пальцем.

«Аскетизм и благородное нищенство». Бухара. Около шести утра. У мечети сидит нищий старец. Черный стеганный халат, зеленый тюрбан, подпоясан алым кушаком. А рядом тыняется английский путешественник. Гонит «одномерного человека» вон ореховым посохом.

«Погост». Скромный, как Гете во Франкфурте, памятник. На заре уже сотни почитателей вождя собрались, оставляют цветы, зажженные свечи. Бронзовая кисть блистает под лучами восходящего солнца, ее отполировали миллионы прикосновений. Если ее коснуться – придет удача. А женщинам – долгожданная беременность.

Слово Прилепину: «Не знаю, что останется от всех нас, а его имя на полных основаниях уже где-то там, где Плотины, Платоны, Плутархи, Петрарки, Данте, Монтени и прочие Ницше. А все несогласные с этим пусть идут себе…»